Ф. И. ГОЛИКОВ

Красные орлы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга составлена из записей дневников, сделанных автором в 1918–1920 гг. В походах и боях торопливо заносил он в тетрадь свои впечатления и мысли. Прошли десятилетия и товарищи посоветовали опубликовать этот старый дневник. В нем названы имена и показаны боевые дела многих советских борцов, ставших грудью за власть рабочих и крестьян.

- Голиков Филипп Иванович
  - От автора
  - 1918 год
    - В Камышлове
    - В боях и походах
  - 1919-й год
    - Бои продолжаются
    - Петроградская жизнь
    - Снова в 3-й армии
    - С путевкой политотдела — в деревню
  - 1920-й год
    - Год на побывке
  - От издательства
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Голиков Филипп Иванович
Красные орлы
(Из дневников 1918–1920 гг.)

Посвящается бойцам, командирам и политическим работникам 3-й армии Восточного фронта.

От автора

Первые записи этого дневника были сделаны в 1918 году, последние — в 1920. В походах и боях, по большей части торопливо занося в тетрадь свои впечатления и мысли, я, конечно, не думал о том, что когда-нибудь дневник будет обнародован.

Но прошли десятилетия, и товарищи посоветовали опубликовать этот старый, многие годы лежавший в столе дневник. После долгих раздумий я решился на этот шаг потому, что видел в своих записях человеческий документ времен гражданской войны. В нем названы имена и в меру способностей показаны боевые дела многих советских борцов, по зову партии Ленина ставших грудью за власть рабочих и крестьян. Если дневник, непосредственно передающий подлинные события, в какой-то мере напоминает о революционном героизме масс, отстаивавших знамя и дело Великого Октября, издание его, думается мне, будет оправдано.

Наивность некоторых суждений, односторонность иных оценок и некоторые другие недостатки не удивительны — ведь в те трудные годы автор делал лишь первые жизненные шаги.

При подготовке дневника к печати возникла необходимость уточнить некоторые даты и имена, дать более ясное и подробное изложение отдельных моментов и фактов. За помощь, оказанную в этой работе, выражаю самую искреннюю признательность моим однополчанам и землякам товарищам Л. Дудину, А. Полуяхтову, И. Баженову, Ф. Григорьеву, А. Мясникову, М. Пиньженину, Г. Голикову, С. Пшеницыну, М. Тарских, П. Скворцову, А. Кузнецову, К. Чепурину, а также литературному редактору В. Кардину.

С мыслью о великой Ленинской партии и торжестве коммунизма, о героической Советской Армии, о первых товарищах по оружию, по политической работе я передаю этот красноармейский дневник давно минувших, но вечно живых лет в руки читателя.

Ф. ГОЛИКОВ

1918 год

В Камышлове

Сегодняшний день, 13 апреля 1918 года, запомнится мне навсегда. Такого еще не было в моей жизни за все семнадцать лет. Я стал членом РКП (б) — Российской Коммунистической партии (большевиков).

Пришел вечером домой и захотелось записать, как все происходило.

В уком ходил с отцом. Он старше меня на 21 год. Но в партию большевиков вступали вместе.

Уком находится в доме, где раньше помещался кинематограф «Чудо», который содержал некто Сметанин. Мы туда часто ходили. Билеты у Сметанина были дешевые.

Разве думал я когда-нибудь, что в зале, где смотрел Глупышкина, Мозжухина и Веру Холодную, решится моя судьба?

Вход в зал прямо со двора. Ждали мы недолго, с полчаса. Отец молчит, волнуется. Я тоже волнуюсь. Слышим, зовут:

— Товарищи Голиковы, заходите.

Людей мало. На сцене — стол. За ним сидят наши товарищи из укома: Федоров, Подпорин, Цируль, Васильев. Я знал их в лицо, не раз слышал на митингах,

Федоров сначала обратился к отцу. Говорит просто, как с другом. У меня отлегло от сердца. Да и отец, вижу, спокойнее стал. Спрашивают его про партийную ячейку в волости.

Отец, вернувшись с фронта, решил: «Пойду с большевиками». Так же думали и его приятели-фронтовики. Они объявили себя партийной ячейкой, хотя в партию еще не вступили.

Федоров похвалил отца:

Правильно сделал, принимаем тебя в РКП (б). Потом стали задавать вопросы:

Как работает волостной Совет?

Как относятся к Советской власти мужики?

Многие ли сочувствуют большевикам? Говорили с отцом минут, наверное, восемь, но мне эти минуты показались часом.

Наконец дошла очередь и до меня. Я ждал разных вопросов, а задали лишь один:

Почему вступаешь именно в большевистскую партию?

А как же? — удивился я. — Она за трудящийся народ борется.

Меня поддержали сразу несколько голосов:

Правильно… Дело ясное — мы его знаем, он на митингах за большевиков выступает.

Я, и правда, выступал на митингах разок-другой против меньшевиков и эсеров, но не думал, что об этом известно членам

укома.

Вышли мы с отцом на улицу, посмотрели друг на друга и обнялись.

Потом отец пошел заказывать печать для своей Борисовской партийной ячейки. Меня прихватил с собой и наказал получить печать, когда будет готова, а затем отвезти ему в деревню.

Пока мы ходили по улицам, я все время в уме отвечал себе на вопрос, который задали в укоме. В самом деле, почему мне вздумалось вступить именно в партию большевиков, а не в какую-нибудь другую? У нас хоть город и небольшой, а партий хватает. Были кадеты. Имеются меньшевики, эсеры. Есть анархисты: у них свой дом с черным флагом и свой вождь — долговязый Черепанов с большой черной бородищей.

На митингах произносят речи ораторы от всех партий. Некоторые, надо признать, говорят красиво, громко, например меньшевик — медик Гольденштейн, эсеры Спиридонова и Лубнин. И все клянутся: «Мы за народ, за свободу, за братство».

Почему же я верю только большевикам? Почему хочу быть именно с ними?

Наверное, помог отец. Мне даже трудно выразить, как я люблю и уважаю его.

Отец сочувствует чужой беде, всегда готов помочь другому. Он и фельдшером стал, чтобы облегчать людям страдания. Я мечтаю пойти по его стопам. Вырасту — стану доктором. Это, по-моему, самая человечная, очень полезная людям профессия.

Отец твердо встал на сторону большевиков, Ленина. Все, что он говорил о революции, о судьбе народа, было для меня убедительно. Отцу скоро 40 лет. Он многое видел, много пережил.

Но вот я сейчас сижу и думаю: только ли благодаря отцу вступил я в РКП (б)? Нет, не только.

Я, конечно, не много еще жил на свете, но уже успел узнать, что такое несправедливость, видел богатых и бедных. А большевики стремятся к тому, чтобы все люди жили хорошо и на самом деле стали братьями.

У меня сегодня такой день, что хочется припомнить всю жизнь, особенно последние годы.

Недавно я переселился на квартиру к старушке Прасковье Ионовне Владимировой на Сибирскую улицу в дом № 120. Мне здесь хорошо. Тихо, чисто. Прасковья Ионовна относится ко мне, как мать или бабушка. Называет не Филиппом, а Феликсом, значит счастливым.

В нашей комнатке около десяти квадратных аршин. Живем в ней четверо: Шура Комлев, Митя Москвин, мой брат Валя и я. Все

мы — гимназисты. А прежде я жил на Шаповаловской улице в доме № 51 у Анны Гавриловны Заостровской. Анна Гавриловна не позволит так вот за полночь сидеть и писать дневник. Человек она неплохой, но скуповатый, даже, можно сказать, скупой. Чуть что: «Керосин дорогой, довольно жечь!» Хочешь — не хочешь, ложись, тем болев, что не одни в комнате. Кроме меня и Мити Москвина., «на хлебах» у Анны Гавриловны жили еще весовщик железнодорожной станции, беженец из Западного края, поляк Липский и машинист Калиновский со своим приятелем — конторщиком из депо. Платили мы все по-разному, по возрасту и по возможностям: я — 12 рублей в месяц, Митя — 10 рублей, Липский — 17, а Калиновский с другом — больше 40.

Вечером в комнате разговаривали на разные темы. Спорили о книгах, вспоминали, как было дома. Калиновский часто жаловался: ему за тридцать, а нет ни семьи, ни кола, ни двора. Мается в «нахлебниках». Липскому тоже не сладко. Особенно потому, что поляк. Иные насмехаются, дразнят.

Митя Москвин из вотяков, сын волостного писаря. О своих земляках такое рассказывает, что порой даже слушать страшно. Наши русские крестьяне живут в темноте и нужде, а вотяки и того хуже. Да еще измываются над ними, унижают.

До Анны Гавриловны я был «на хлебах» в таком же маленьком домишке на окраине у вдовы железнодорожного машиниста Власовой. Она со своей большой семьей жила бедно, с трудом сводила концы с концами. Выручала корова, но и та попала под поезд.

Когда мы у Анны Гавриловны рассуждали вечерами, какую жизнь надо установить, то всегда сходились на одном: справедливую. Чтобы рабочий человек жил по-человечески и никто не мог бы обидеть его.

Я тогда, конечно, был еще политически неразвитым. Не знал о большевиках, о их программе. А теперь твердо, на всю жизнь верю: большевики принесут справедливость, не допустят, чтобы богатые измывались над бедными. Самый правильный лозунг: «Кто не работает, тот не ест».

На этом заканчиваю свою первую запись в дневнике. Скоро час, надо ложиться спать.

14 апреля

Когда вчера лег спать, долго не мог уснуть. В голове разные мысли. Не успокоюсь до тех пор пока не запишу их в свою тетрадку. Тетрадка у меня толстая, в клеенчатом переплете. Если

писать аккуратно и не вырывать страницы, на год, а может и больше, хватит.

Я правильно написал вчера про влияние отца. Он даже в письмах с фронта умел намекнуть насчет того, кто на войне наживается, а кто за эту наживу жизнью платит. Конечно я не полностью понимал такие намеки, но чувствовал: одно нам о войне твердят в гимназии, а другое пишут из армии отец и его брат, дядя Сережа.

Когда отец сам приехал на побывку и стал объяснять, я его лучше понял. К этому времени мне многое уже открылось. Особенно хорошо нас, гимназистов, учили уму-разуму раненые из городского госпиталя.

Помню, еще в первый год войны отправились мы, гимназисты младших классов, в госпиталь с подарками. А там лежал с перебитой рукой Николай Иванович Хаземов, из нашего волостного села Зырянского. Мы подошли к дяде Николаю и говорим, как нас научили:

Защитнику веры, царя и отечества — подарок. Дядя Коля посмотрел на нас и ничего не сказал. Мы его взгляд не поняли и начали приставать с вопросами: сколько он немчуры убил, какой подвиг совершил, каким «Георгием» награжден.

Ни на один вопрос не ответил дядя Коля. Только рукой махнул «Эх, вы…».

Теперь я знаю, что он думал, когда обронил эти два слова: «Эх, вы…» — просто мы были классово несознательными.

В гимназии нас все время наставляли в духе верности царскому престолу. В 1913 году мы участвовали в торжествах по случаю трехсотлетия дома Романовых. Праздновали столетие Отечественной войны.

По царским праздникам ходили в собор и всю обедню стояли вместе с солдатами из гарнизонной команды и полицейскими.

Закон божий почитался первейшей наукой. Каждое утро нас выводили на молитву и мы хором пели. «Спаси, господи, люди твоя…»

Весной 1916 года нас водили на манифестацию в честь взятия Перемышля. Иногда в класс приглашали фронтовиков, чтобы те рассказывали нам о своем героизме. Помню, приходил однажды доброволец, бывший наш гимназист Костя Баранов. Он заметно привирал, но нам все же было завидно.

Однако, как ни старалось гимназическое начальство, ему не удавалось заслонить от нас происходящие вокруг мерзости. Жизнь на каждом шагу опровергала то, о чем нам твердили в гимназии.

Одно время на квартире у Анны Гавриловны стоял

подпоручик. Самодовольный, лощеный. Как придет вечером пьяный, начинает измываться над денщиком. А денщик, здоровенный мужик из Уфимской губернии, чуть не вдвое старше «их благородия», в угоду ему приплясывает и песни поет: «Вы послушайте, стрелочки…» или «Пойдем, Дуня…»

А еще был в городе капитан Середа. Так тот избивал солдат прямо на улице.

Такое обращение офицеров с солдатами глубоко возмущало меня. С первого, кажется, класса запомнил и рассказ из хрестоматии про героя Василия Рябова, крестьянина Пензенской губернии. Рябов был простым солдатом. Во время русско-японской войны его послали лазутчиком к врагам. Он все разведал, как приказали, но попался в руки японцам. Что ни делал враг, Рябов молчал, не выдавал военных секретов. Ничего не добившись, японцы казнили его.

Вот ведь на какой героизм способен русский солдат! Как же можно его унижать, оскорблять?! И кто унижает? Свой же офицер!

Видели мы и то, как из нашего городка шли на фронт маршевые роты. Вначале их провожали с оркестром, произносили речи, называли защитниками «престола и отечества». А потом никто не обращал на них внимания. За маршевиками шли только жены, матери, детишки и голосили, словно по покойникам.

Очень сильно я, как и многие в гимназии, переживал неудачи русской армии. Услышишь бывало: «Под натиском превосходящих сил отошли на заранее подготовленные позиции», — и хочется убежать куда-нибудь, спрятаться ото всех и плакать.

Я об этом никому не говорил, но в дневнике могу написать. Стыдно было и обидно, что русские полки отступают. Ведь там много таких, как герой Василий Рябов. Почему же армия терпела поражения?

Чем больше я видел, переживал и думал, тем меньше верил лубочным картинкам, на которых изображался Кузьма Крючков, насаживающий на пику дюжину немцев.

Иными глазами начинали мы смотреть и на военнопленных. Они вовсе не вызывали ненависти. Когда поезда с ними задерживались в городе, мы бегали на вокзал и старались поговорить с немцами, мадьярами, турками, чехами, русинами. Среди них было много больных, раненых. Многие плохо переносили наши морозы, а одежда у всех легонькая.

Я задумывался: за что страдали эти люди, зачем везут их в глухую, далекую Сибирь, почему гонят на убой наших русских мужиков? Почему у нас обижают вотяков, кое-кто в классе измывается над поляками братьями Иосифом и Эдуардом Киборт, а некоторые любят прохаживаться насчет Ицки Грина, сына

бедного еврея-чулочника? Почему вокруг столько горя и несправедливости?!

Много «почему» вставало передо мной и я невольно вспоминал детство. Бывало спросишь о чем-нибудь отца, он ответит, а потом обычно добавит: «Вот вырастешь, образование получишь, все сам знать будешь».

Это отец настоял на том, чтобы я поступил в гимназию. Денег для этого не было, и он повез меня первоначально в село Катайское, где имелось городское училище. Там жизнь стоила дешевле, чем в Камышлове. Но почему-то с Катайским училищем у нас не получилось. То ли мы опоздали, то ли была какая другая причина. Помню, папа сказал: «Ничего не выходит», — и поехал со мной в Камышлов.

По письму моей сельской учительницы Лидии Алексеевны Сапожниковой взяла меня на квартиру и согласилась подготовить к экзаменам Евгения Францевна Кузьмина-Караваева. Она была широко известна в городе и брала по десять целковых в месяц. Из ее учеников редко кто проваливался. Я тоже экзамены выдержал на «пять» и был принят.

Сразу же после экзамена мы пошли в магазин Фельдмана покупать гимназическую фуражку. Мне она очень понравилась. Я останавливался около всех витрин и смотрелся в них.

Папе тоже обнова пришлась по душе. Он не знал, какой еще подарок сделать мне. В Камышлове тогда выступала украинская труппа. Отец повел меня на оперу «Тарас Бульба».

Так в один день в моей жизни произошли два больших события: я стал гимназистом и впервые побывал в настоящем театре.

Началась моя ученическая жизнь хорошо, а продолжалась без особой радости. Плохо было с деньгами: не хватало на еду и жилье. Со второго класса пришлось давать уроки.

Первыми учениками у меня были братья Дмитриевы, сыновья вдовы железнодорожного машиниста. У вдовы на руках оставалось пятеро детей. Их надо было одеть, накормить, дать какое-нибудь образование. За подготовку братьев Дмитриевых я получал 80 копеек в месяц — первый мой заработок.

Потом я репетировал сына торговца Надеина. Здесь дом был — полная чаша. А ученик — тупой, слабохарактерный. Даже вспоминать не хочется.

Затем занимался со своими одноклассниками: сыном богатой купчихи Воронковой — Николаем и сыном хлеботорговца Меньшенина — Сашкой. Николай — парень общительный, способный, но очень беспечный. На учебу ему было наплевать. Он знал, что маменькины деньги гораздо дороже школьного табеля.

Сашка Меньшенин не отличался ни рвением, ни способностями. Это — типичный второгодник.

Самому мне надо было получать только пятерки: я учился на земскую стипендию и был освобожден от платы за учение. Земство давало на меня отцу по 25 рублей в год.

С одной стороны, я усваивал на «пять» гимназические науки, а с другой — невольно изучал и сравнивал жизнь людей. А в жизни чего только не насмотришься, особенно летом, когда едешь на каникулы домой. В летние месяцы я обычно работал с матерью в поле и иногда у соседей кулаков — Якова Нестеровича Пермякова и Харитона Константиновича Голикова.

А сколько в это время перечитано было фронтовых писем неграмотным солдаткам, сколько «отписано» ответов в действующую армию! И что ни письмо, то рассказ о горе, о беде.

И опять у меня возникало множество вопросов, о многом хотелось спросить. Но кого?

Были среди учителей благородные люди: математик Александр Федорович Румянцев, учитель немецкого языка Александр Петрович Клейн, словесник Виктор Михайлович Можгинский, географ Николай Федорович Дементьев, учитель пения Павел Павлович Бучельников. У них нет-нет да и проскальзывало какое-нибудь замечание насчет «порядков» в Российской империи. Однако учителя были далеки от нас. Впрочем, и теперь не с каждым поговоришь, нет, не с каждым…

Но об этом потом, а сейчас надо спать. Ведь прошлую ночь почти не спал и сегодня опять засиделся за дневником.

Нравится мне заниматься этим, вспоминать свою жизнь, которая — я теперь ясно вижу — нелегкой дорогой вела меня, но в правильном направлении — к пролетарской партии большевиков.

15 апреля

Странно подумать, что раньше я не вел дневник. Вот уже второй день я все мечтаю, как приду вечером домой, достану свою тетрадку и сяду писать.

Арька Рабенау спрашивает сегодня: «Ты что, как лунатик, ходишь?» Я ему ничего не сказал. Арька — мой друг. Но дневник — тайна от всех. Я только для себя пишу. А если решишь, что покажешь другим, может не получиться такая откровенность.

Все думаю о том, что у меня спросили в укоме, когда принимали в партию коммунистов.

Хорошие люди встречались мне за эти годы. Многое они мне

объяснили, но и с их помощью я часто не мог выбраться из лабиринта вставáвших передо мной вопросов. Тогда обратился к книгам. Вместе с Арькой Рабенау, Петей и Мишей-Скворцовыми, Грибусей Доновым, Костькой Елисеевым, Шурой Комлевым и другими гимназистами я уже два года состою в литературно-философском кружке. Странно, что создать его помог нам учитель закона божия протоиерей отец Тихон Андриевский, да еще вопреки воле директора гимназии В. С. Максимова.

В кружке прочитали и разобрали некоторые произведения Достоевского, Белинского, Льва Толстого, Михайловского. Добрались даже до Гегеля. Касались и биологических тем — читали Мечникова и Спенсера. Все это сначала подорвало, а потом и совсем разрушило мою веру в бога.

Но только после Октябрьской революции мы добрались до главного. Взялись за изучение Карла Маркса, узнали о Ленине. Вот где разрешение наших споров, вот у кого надо искать настоящую правду жизни!

Расширился у меня и круг старших друзей, к которым можно обратиться за советом. Я сильно доверяю товарищу Федорову, который возглавляет наш уком, и другим вожакам камышловских большевиков. Это все люди из народа.

Федорова Антипа Евгеньевича я знаю давно. Общительный, хотя и суровый человек, он работал, раньше приказчиком в магазине братьев Выборовых. Никто ничего не подозревал: приказчик как приказчик. А когда произошла революция, выяснилось, что Федоров давно состоит в большевистской партии. Служба в магазине помогала ему скрываться и выполнять партийные задания.

У меня теперь есть пример в жизни. Я хочу стать таким, как старые коммунисты-подпольщики, которые еще при царизме, не боясь каторги и смерти, выступали за народное дело.

6 мая

Полмесяца не прикасался к дневнику: много работы, много событий. Думал, что уже никогда не притронусь к своей тетрадке, но сегодня достал ее из стола, перечитал все записанное и решил продолжать дневник.

Около двух недель заведую конторой уездной газеты «Известия». Неожиданно вдруг вызвали в уком и предложили:

Давай, товарищ Голиков, иди заведовать газетной конторой.

Я вначале даже опешил. Никогда не рассчитывал на такую должность и представления не имел об этой работе. Но со мной в

долгие объяснения не входили.

Надо, — говорят. — Не такое теперь время, чтобы ждать, пока вырастешь. Берись за дело, осваивайся, а мы поможем.

И еще добавили:

Запомни на всю жизнь: раз партия дает поручение, твое дело с честью выполнить его…

До меня этой конторой заведовала одна «левая» эсерка. Она прибрала к рукам издательство и чувствовала себя в нем полной хозяйкой. Ее сняли по требованию укома и назначили члена РКП, т. е. меня.

Что и говорить, я поначалу сильно растерялся, но виду не подавал. Очень хотелось получше выполнить задание укома.

Первые дни слабо разбирался в своих обязанностях. Верчусь с утра до вечера, а пользы мало. Только и успеваю раздать тираж мальчишкам-газетчикам, отправить его в продажу.

Хорошо, что пришел на выручку редактор «Известий» Степан Васильевич Егоршин. У Степана Васильевича большая седая борода, усы. Говорит он не спеша, внятно и очень дельно. Раньше был учителем географии и математики.

Степан Васильевич меня надоумил:

Не суетись, советуйся с рабочими, они всегда подскажут.

Пошел в типографию. Рабочих у нас всего четверо, Но успевают выпустить номер в срок, хотя печатная машина изношена и шрифты старые.

Постепенно освоился со своей должностью. Работы, правда, все равно очень много. Занят я от зари до зари. Но результат заметен. Раздобыл бумагу. Это у нас — самое слабое место: и качеством плоха, и достать почти невозможно. Много возни с адресами подписчиков: кто-то уезжает, кто-то приезжает, кто-то переезжает. Раньше не замечал, что люди так любят менять адреса.

Степан Васильевич порой совсем не может работать. Даже с трудом берет ручку, чтобы подписать номер. Оказывается, он сильно пьет.

Я видел, как напиваются мужики, темные люди. А тут интеллигент, образованный, умный человек и вдруг — пьяница! Теперь-то я особенно ясно понял, почему водку считают великим злом.

Нередко обращаюсь со своими издательскими нуждами к секретарю уездного Совета Брониславу Ивановичу Швельнису. Вот с кем приятно иметь дело!

Швельнису лет двадцать пять. Сам он не камышловский, а из города Владиславова Сувалкской губернии. Фронтовик, член нашей партии. После Октябрьской революции был комиссаром

136-й пехотной дивизии, действовавшей против немцев. Но со мной держится, как ровня., О чем бы ни зашла речь, все объяснит подробно, обстоятельно. Потом спросит: «Понятно?».

К Швельнису часто приезжают крестьяне из окрестных деревень. Он с каждым умеет побеседовать внимательно, сердечно, как друг.

А на митинге я видел Швельниса совсем другим. Беспощадно громил он меньшевиков и эсеров.

…Трудно мне было все это время еще и потому, что ученье в седьмом классе подходило к концу. Завершил год неплохо. Экзамены не проводились, хотя мы их и ждали. Всех нас перевели в восьмой класс. Но придется ли мне в нем учиться?

11 мая.

Через два дня исполнится месяц, как я стал партийным. Сижу сейчас и думаю: что же в моей жизни самое хорошее за этот месяц? Отвечаю так: я увидел и узнал настоящих людей — большевиков.

Когда еще жил на квартире у Заостровской, туда часто наведывался ее зять Лукин. Он имел в городе небольшую торговлю. Я смотрел на него и радовался: хороший человек, добрый, обходительный, каждому готов помочь. Теперь товарищ Лукин — продовольственный комиссар уезда. Он, оказывается, не первый год в партии.

Или учился у нас в гимназии Анатолий Голубчиков. Бедняк из бедняков, сын старого водовоза. Я с ним был мало знаком. Он года на три старше. Но слышал, как о нем говорят: «Серьезный, самостоятельный парень».

На днях зашел в уездный исполком. Вижу — Анатолий.

Здорово!

Здорово!

Заходи ко мне, поговорим. — И ведет в комнату, на двери которой карандашом написано: «Заведующий отделом юстиции товарищ Гаревский».

Чего же, — говорю, — мы в чужую комнату пойдем?

Не чужая, — отвечает Анатолий. — Я и есть Гаревский.

Потом все объяснил. Он, оказывается, не сын водовоза, а приемыш. В гимназию записали его по приемному отцу. Когда же вырос и вступил в партию, товарищи посоветовали называть себя тем, кем является в действительности, т. е. Гаревским.

Несколько раз видел председателя уездного исполкома товарища Цируль. Он из латышей. Бывалый подпольщик. Много,

видно, пережил. И здоровье в борьбе потерял. Лицо совсем зеленое, под глазами темные мешки. Ему бы в больницу лечь, а он день и ночь работает. Но когда выступает, забываешь, что товарищ Цируль — чахоточный. Каждое слово огнемобжигает.

Очень уважают у нас председателя горсовета товарища Сыскова. Его, старого камышловского рабочего, многие знают. Только никто не ведал, что товарищ Сысков давно состоит в партии.

Вот какие люди у нас!

Но и врагов хватает.

Взять Сметанина, хозяина кинематографа «Чудо». Этот буржуй отказался платить налог в пользу просвещения. Не пустил комиссию горсовета, обругал ее гадкими словами.

За саботаж и неподчинение власти Сметанина предали суду трибунала. Приговорили к трем месяцам принудительных работ.

Но что там Сметании! Он — откровенный противник. А есть такие, что на словах за революцию, а на деле норовят ей ножку подставить. Это я об анархистах, которыми верховодит Черепанов, и о «левых» эсерах, у которых председателем Перфильев. На митингах и собраниях они глотки понадорвали, нападая на Советскую власть.

В анархисты записались двое из нашей гимназии: Волчкович и будто бы Сизиков. Гошка Волчкович никого этим не удивил. Он и сам крикун, хвастун. За высокомерие у нас в классе его никто терпеть не мог. Но как попал к анархистам скромный, работящий Миша Сизиков? Он из бедняков, учился на казенный счет. И вот поверил в черное знамя анархистов, во «власть безвластия».

У «левых» эсеров тоже есть «наши» — из гимназии. Один бывший гимназист, а теперь студент, Лубнин оказался даже в главарях. Тут тоже нет ничего странного. Лубнин — сын богатого чиновника. Отец любит разглагольствовать об «интересах народных», и сынка хлебом не корми, дай речь произнести. Сам — от горшка два вершка, а выйдет на трибуну, в позу станет, волосы длинные, до плеч, назад откинет и — заработала водяная мельница.

У меня просто ненависть к этим Черепановым, перфильевым, лубниным. И без того трудно укреплять власть Советов, а тут еще эти «революционеры» на каждом шагу норовят помешать.

В городе организовался Союз социалистической молодежи. Вчера в газете было напечатано объявление о первом собрании. Подписали мои дружки-одноклассники Арька Рабенау и Миша Скворцов.

На этой неделе состоялся благотворительный спектакль в пользу библиотеки укома нашей партии. Прибыль невелика,

рублей пятьсот. Но и это деньги. Теперь в библиотеке появятся новые книги, а то она у нас совсем бедная.

С работой в конторе «Известий» осваиваюсь. Беда в одном — не хватает бумаги.

18 мая

Газета висит на волоске: нет бумаги. Когда печатают, я стою у машины и смотрю: хватит сегодня или нет. Иногда запаздываем с выпуском, иной раз сокращаем тираж.

Целыми днями гоняю по городу — где бы перехватить бумаги. То найдешь немного в бывшей городской управе, то в подвале уездного земства, то на складе винокуренного завода. Бумага разная. Случается, половину тиража отпечатаем на оберточной, а другую половину — на гладкой белой.

На днях начал работать уездный комиссариат агитации и пропаганды. Во главе его товарищ Беляев. Он мне знаком. Когда я жил «на хлебах» у Власовой Антонины Николаевны, семья железнодорожника Беляева занимала домик напротив. Про их старшего сына шепотом говорили: «Политический!». Вот сейчас этот «политический» и работает в комиссариате.

В нашей губернии и в соседних неспокойно, контрреволюционеры поднимают восстания.

Уком с 16 мая организовал военное обучение коммунистов. Занятия каждый день во дворе кинематографа «Чудо». Мне еще не пришлось ни разу побывать на них. Бегаю в поисках бумаги. Но военное обучение буду проходить обязательно, с большим желанием.

У Гошки Волчковича нелады с анархистами. Они в своей газете и в «Известиях» объявили, что Гошка — провокатор, что он исключен из анархистской партии. В чем дело — трудно сказать.

В нашей газете из номера в номер, с продолжением печатается статья товарища Ленина «Очередные задачи Советской власти».

У меня теперь привычка: утром захожу в типографию и читаю только что отпечатанную газету.

В Перми созывается губернский съезд учащихся средних учебных заведений. Посылают по одному делегату от каждой гимназии и училища. Вопросы любопытные: реформа школы, участие в общественной жизни, организация учащихся. Но мне не до того…

28 мая

Неделя прошла своим чередом. Работал в конторе, искал бумагу, каждый день занимался военным делом. Заниматься трудно, но интересно. Обучает нас бывший подпоручик Протопопов. Старается изо всех сил. Больше всего времени уходит на маршировку и на правила стрельбы. Винтовки разные: берданы, гравитерли, трехлинейки. Два раза стреляли. Лежа, с колена и стоя. Лежа и с колена у меня неплохо получается, а вот когда стоя, едва удерживаю винтовку, после выстрела чуть не падаю. Товарищи посмеиваются. Но Протопопов хвалит, уверяет, что дело пойдет.

После стрельбы снял дома рубашку, а на плече — кровоподтек.

С 13 апреля не видел отца и не имел от него никаких вестей. Позавчера утром пришел в типографию, взял с машины свежий номер и сразу в глаза бросились строчки: «В селе Зырянском на днях организовался просветительный отдел, в который вошли фельдшер Голиков и учительница Сапожникова». Папа не сидит сложа руки!

А рядом другая заметка, из моей родной деревни Борисовой:

«В деревне Борисовой Зырянской волости организовалась ячейка коммунистов-большевиков, в которую пока вошло 22 человека, считая в том числе и членов партии соседних селений. По примеру борисовцев начинается движение бедноты и в более отдаленных деревнях, исключая самого… села Зырянского, где кулаки и мироеды свили теплое гнездо и чувствуют себя спокойно».

Нелегко, видно, отцу приходится. Хоть бы увидеть его, поговорить…

Последнее время в уезде разлад среди попов. «Батюшки» набросились на учителя закона божия нашей гимназии протоиерея Тихона Андриевского: он выступил против патриарха и потребовал церковных реформ. Попы и буржуи предают отца Тихона анафеме, поносят его последними словами. А он не сдается.

Я знаю Тихона Андриевского по кружку философской мысли. (За этот кружок он имел много неприятностей от гимназического начальства.) Смелый, упорный человек и уж, конечно, в сто раз образованнее своих врагов.

Но все это мелочи. Самое важное: Камышлов с позавчерашнего дня объявлен на военном положении! После двенадцати часов ночи движение жителей по городу запрещено.

Чувствую, что надвигаются тревожные события. Против Советской власти восстали чехословацкие легионеры. Ими захвачен Челябинск. Это от нас совсем недалеко. Белые отряды

двигаются на Екатеринбург и Шадринск. Идут бои под Омском. Оттуда — угроза Тюмени.

Камышлову не миновать участия в борьбе. Да и не такие у нас коммунисты, чтобы отсиживаться.

Уком усилил вербовку добровольцев. Я решил твердо: иду в Красную Армию, буду защищать рабоче-крестьянскую власть и драться за мировую революцию.

Хочу уговорить дружков по гимназии и по Союзу социалистической молодежи Арьку Рабенау и Мишу Скворцова. По-моему, они стоят близко к нашей партии и согласятся со мной.

Одно неладно: в Красную Армию записывают с восемнадцати лет, а нам еще по семнадцати. Но меня это не остановит. Так или иначе, добьюсь своего, стану красным бойцом!

Друзьям посоветую ничего не говорить раньше времени родителям. Мишин отец, Андрей Алексеевич, — наш гимназический врач. Человек очень добрый, заботливый. Но от политики далек и может помешать Мише записаться в армию. Тоже самое и у Арьки. А мне бы не пришлось скрывать от отца такое свое решение. Он бы меня понял и поддержал. Но далеко до него, чуть не девяносто верст.

Положение мое в гимназии стало хуже. После того как я вступил в РКП(б), многие учителя и ученики плохо ко мне относятся. Даже те, кто любил щегольнуть словечком о свободе. Видно, от такого словечка до революционного дела, если применить слова полковника Скалозуба, «дистанция огромного размера».

Недобро ко мне относится и домовладелец Баранов — хозяин домика, в котором я живу у Прасковьи Ионовны. Заметно, что Советская власть, большевики не по нутру Баранову.

Последнее время буржуазия и ее прихвостни наглеют. Удивляться тут нечему. Вражья стая знает: силы защитников города невелики, совсем невелики.

У нас небольшой отряд красногвардейцев из рабочих камышловского депо и добровольческий красноармейский отряд человек в сто, в основном крестьянская беднота.

Вчера мы с Аркой стали красноармейцами. Миша Скворцов почему-то не пришел в назначенный час. Мы его ждали-ждали и направились к Шадринскому мосту. Около моста, в помещении двухклассного училища, расположился отряд Красной Армии. Командует им товарищ Васильевский Л. В. Из офицеров, но коммунист. Не любит длинных речей. На митингах выступает резко и очень убедительно. Чувствуешь, что человек свято верит в каждое слово, которое произносит.

Мы подошли к училищу с площади, через главный вход. Красноармеец-часовой показал, где записывают добровольцев. Справа от двери за небольшим столиком — то ли писарь, то ли командир. Перед нами стояли трое. Их записали в два счета. Подошла наша очередь. Я боялся, что возраст помешает, но все получилось, как мы хотели. Потом отправились в полуподвальный этаж, в цейхгауз. Здесь я задержался надолго. Из-за моего маленького роста трудно было подогнать обмундирование, особенно ботинки. Фуражки тоже только большого размера. Никак не ладилось с обмотками. Они почему-то не держались на ногах, сползали вниз.

Когда вышли из цейхгауза, вид у меня был не бравый, но на душе радостно. Я стал красноармейцем!

В новой форме отправился в гимназию. Тут произошло несколько не особенно приятных встреч. Некоторым не понравилось: как так, гимназист и вдруг красноармеец? Лишь учитель математики Александр Федорович Румянцев и учитель пения Павел Павлович Бучельников похвалили меня.

Но самое досадное случилось под вечер, когда я свиделся с Лидой. Лида учится в женской гимназии. Мы с ней иногда встречаемся. Вернее — встречались. Разговор не всегда клеился, потому что я перед ней робел.

Но я так радовался этим встречам!.. Лида очень красивая. У нее большие черные глаза и нежное белое лицо. Она одевается аккуратно и словно бы по-своему. Даже гимназическая форма на ней выглядит не так, как на других.

Увидела она меня в защитной рубашке с длиннющими рукавами, в большой фуражке, в шароварах, которые свешивались над обмотками, и рассмеялась. Потом перестала смеяться, но то и дело сбоку насмешливо поглядывает. От ее взглядов у меня язык примерзал к нёбу. Трудно было объяснить, как дорога для меня эта, пусть нескладно сидящая форма, какое счастье надеть фуражку с пятиконечной красной звездой!

Однако, если бы я и умел это выразить, все равно Лида ничего бы не поняла. Она жила совсем другим, и иные мысли были у нее. Не зря у них дома старались во всем подражать богатым, дружили с купчихой Воронковой, гордились этой дружбой, выставляли ее напоказ. Я и раньше это знал, чувствовал, только не позволял себе все додумать до конца. Мне хорошо было, когда мы встречались.

Но на сей раз я чувствовал себя совсем иначе. Мы бродили по улицам. Я пытался многое втолковать Лиде. Она изредка перебивала меня насмешливым словом, ядовитым замечанием. И мне не хотелось продолжать. Мы долго шли молча. Потом я снова

старался вразумить ее. Она, скосив глаза, холодно и ехидно наблюдала за мной. Так мы и расстались. Расстались, пожалуй, навсегда. Мы с Лидой — разные люди. У нас, как видно, разные, никогда не сходящиеся дороги.

Кипит смертный бой с врагами революции и мирового пролетариата. Нам не по пути с теми, кто насмешливо глядит на красноармейскую звезду. И вообще сейчас не до личных переживаний. А если они у меня есть, значит, я еще недостаточно политически закалился в борьбе.

Никак не ожидал, что я запишусь в красноармейцы, и редактор «Известий» товарищ Егоршин. Степан Васильевич прямо-таки растерялся, когда увидел меня в форме. Сидит и качает головой:

Ну и ну, без разрешения, не дождавшись замены… Что же я теперь буду делать с конторой?

Потом встал, подошел ко мне, обнял и сказал:

Молодец!..

Узнал новость: вчера судили главаря камышловских анархистов Николая Черепанова, этого чернобородого крикуна и наглеца, который выступал против Советской власти, подрывал ее авторитет. Ревтрибунал объявил Черепанову общественное порицание.

Не маловато ли?

Сегодня в наших «Известиях» такая заметка: «Из д. Борисовой. Комиссия для проведения в жизнь поимущественного налога плохо провела оценку имущества каждого домохозяина. У нас в деревне имущество, стоящее от 3 до 7 тысяч рублей, ценилось в 300 рублей».

Для меня каждая весточка из родной деревни, словно хлеб насущный. Прочитал эти три строчки и задумался. Каково-то отцу, сколько там у него недругов!

9 июня

Занимаемся целыми днями. Гимнастерки почти не просыхают от пота. В отряде много дружинников вроде меня, т. е. необученных. А время не ждет, надо поторапливаться. Скоро в бой.

Несет наш отряд и караульную службу. Однажды, еще до того как я освоился с винтовкой и узнал караульные правила, меня вместе с напарником назначили охранять ночью Шадринский мост через Пышму. Напарник — молодой рабочий, доброволец, как и я. Правда, он умел уже заряжать оружие. С его помощью и я,

вкладывая в магазин один патрон за другим, зарядил винтовку. Остаток патронов — нам дали по пятнадцать штук — рассовали по карманам и двинулись на пост.

Подошли к мосту. Сменили старых часовых. Настроение у нас тревожное. В любой момент можно ожидать визита незваных гостей. Кто знает, не попытаются ли враги тайно подвезти оружие скрывающимся в городе контрреволюционерам.

И вдруг часов в двенадцать по деревянному настилу застучали копыта. Прислушались — скрипит телега.

Мы — винтовки наизготовку. Молчим. Решили подпустить поближе. Когда телега поравнялась с нами, напарник крикнул:

Кто едет?

Подводчик ответил, что с дровами. Остановили его, стали допрашивать: откуда, зачем? Говорит, на базар, Но полного доверия у нас к нему не было. Мы сгрузили дрова, обшарили воз, обыскали мужика и только потом разрешили ехать дальше. Подводчик крепко ругался. Однако мы считали, что поступили правильно…

Больше всего люблю стрельбу. Ходим стрелять каждый день. До стрельбища версты две. Всю дорогу поем «Вихри враждебные», «Смело, товарищи, в ногу» и другие революционные песни.

Помимо учебы и караулов, участвуем в обысках квартир у подозрительных элементов. Обыски порой не такие безрезультатные, как тогда на мосту.

Охраняем гарнизонный продовольственный склад, который разместился в нижнем этаже духовного училища. До чего же в нем много крыс! Когда после смены приляжешь отдохнуть, бегают прямо по тебе. Ночью патрулируем по городу. В общем дел хватает…

Теперь напишу о самом радостном за последние дни.

Позавчера зашел в уездный Совет. Иду по коридору и прямо навстречу мне — отец.

Я не предполагал, что он в Камышлове, а он не знал, что я в Красной Армии. Расцеловались мы с ним и разговорились тут же, в коридоре. Мимо нас снуют люди, кто-то здоровается, кто-то толкает. Но мы никого не замечаем.

Отец мне всегда казался строгим, суровым и даже раздражительным, когда я плохо решал задачки по арифметике. А тут он был таким ласковым, каким я его раньше не видел. Мой поступок одобрил. Несколько раз, глядя на меня, повторил: «Правильно, правильно, Филипп».

Он всегда меня так называет, с самого детства,

10 июня

Недавно напечатан декрет товарища Ленина о военных комиссариатах.

У нас уездным военкомом стал Макар Васильевич Васильев. В городе он недавно, но его уже все знают, и трудовой люд относится к нему с уважением.

Товарищ Васильев из промышленных рабочих — литейщик. Ему 30 лет. Уже год состоит в партии, а революционной работой стал заниматься еще раньше. Его арестовывали, судили… Всю войну был на позиции. После революции солдаты избрали товарища Васильева командиром 6-го Сибирского корпуса, штаб которого расформировался в Камышлове в начале года.

Еще я знаю двух членов военной коллегии — товарищей Брюханова и Жукова. Николай Николаевич Брюханов — крестьянин села Знаменского, что недалеко от Камышлова. Недавно председательствовал в волостном исполкоме, и враги Советской власти решили с ним расправиться. Однажды вечером, когда Николай Николаевич сидел с семьей за ужином, в окно бросили ручную гранату. Погибла почти вся семья. Сам Брюханов был ранен.

Василий Данилович Жуков — камышловец, слесарь железнодорожного депо, старый коммунист-подпольщик.

На таких можно положиться. Они жизни не пощадят, чтобы защитить революцию.

Комиссариат агитации и пропаганды упразднен. Зато создан комиссариат народного образования. Комиссаром Бажов. Был учителем духовного училища. Я лично с ним не встречался, но люди, знающие товарища Бажова, отзываются о нем хорошо.

Когда выдается свободная минута, захожу в контору «Известий», просматриваю газеты, а потом рассказываю о новостях в красноармейском отряде. Прежде всего читаю продолжение статьи Владимира Ильича Ленина «Очередные задачи Советской власти». Интересно и поучительно.

Жизнь в городе внешне мало изменилась. На заборах афиши: «В честь открытия летнего сезона на Бамбуковке в театре будет поставлена эффектная драма А. Деденева „Ночи безумные“, а также состоится лотерея-аллегри по 50 копеек за билет».

12 июня

Занимаемся в красноармейском отряде без роздыха. Как утром вскочишь с койки, так за весь день и не остановишься. Надо скорее обучиться. В газетах пишут, что белочехи и кулачье все сильнее нажимают. От Омска белая орда продвигается к

Тюмени, от Челябинска — в сторону Екатеринбурга и Шадринска.

Чаще назначают в патруль по городу. В паре со мной либо Арька Рабенау, либо товарищ Гоголев. Гоголеву — под сорок. Работал слесарем в депо, был народным заседателем в ревтрибунале, добровольно вступил в отряд.

Из камышловских гимназистов только мы с Аркой стали красноармейцами. С Мишей Скворцовым по-прежнему дружим, но не спрашиваем, почему он не пошел вместе с нами добровольцем. Думаю, родители не пустили. А на решительный шаг без родительского согласия у него пороху не хватило.

Последнее время я сдружился с Володей Брагиным. Вот человек, преданный революции! Почти каждый день пишет большие статьи для камышловских «Известий». Подпись у него «Влад. Сибиряков».

Володя окончил нашу гимназию, теперь студент первого курса. Знает много, читает дни и ночи напролет. Политически крепко подкован.

Когда мне что-нибудь не ясно, я отправляюсь на Шаповаловскую улицу в дом № 51, где живет Володя со своими родителями и двумя сестрами-гимназистками. Володя объяснит, растолкует до тонкостей, но никогда не покажет своего превосходства…

Наш отряд все время пополняется. Идет, хотя и незаметно, мобилизация. Что ни день из волостей прибывают дружинники.

Призванные по мобилизации стали последнее время получать денежную оплату. Это, конечно, очень важно для их семей.

Последнее время что-то активничают «левые» эсеры: назначили уездную партийную конференцию. Вероятно, готовятся к уездному съезду Советов.

Большинство гимназистов ведет себя так, словно ничего не происходит и политические события их не касаются. На Тобольской улице, во дворе дома, где живет Сережа Богуславский, организовали трудовую артель. Выполняют различные сельскохозяйственные работы, возят навоз, дрова, убирают мусор. Помогают главным образом солдатским семьям, оставшимся без. кормильцев.

А враги все больше поднимают голову. На днях ревтрибунал будет судить за контрреволюцию купчиху Арефьеву, владелицу магазина мехов, мануфактуры и мебели.

22 июня

В Петрограде позавчера убит товарищ Володарский. В

некоторых волостях нашего уезда, особенно в тех, что ближе к Челябинской губернии, кулаки подняли восстание. Уком усиливает борьбу с контрреволюцией.

В городе создан боевой отряд Красной Армии под командованием товарища Подпорина. Отряд будет воевать с чехами, которые уже подходят к Шадринску.

Я не попал к Подпорину. Но, наверное, в скором времени будет организовываться новый отряд. Этого уж я не прозеваю.

Прошел уездный съезд волостных Советов и фабрично-заводских комитетов. Там, как рассказывают, борьба развернулась между нашей партией и «левыми» эсерами. Эсеры отказались участвовать в уездном исполкоме, но со съезда не ушли. Их на съезде было почти вдвое меньше, чем коммунистов.

Председателем исполкома избрали Васильева, секретарем — Бронислава Швельниса, товарищем председателя — Брюханова. Комиссар народного образования товарищ Бажов почему-то вошел в коллегию отдела финансов. Толя Гаревский по-прежнему ведает юстицией.

Подробности о съезде мне не известны. Кроме одной. Перед открытием каждый делегат должен был дать подписку на верность революции. Все коммунисты, «левые» эсеры и один анархист (все тот же Черепанов) дали. Но нашлись и такие, что отказались. Их лишили делегатских мандатов.

29 июня

Из Шадринска приходят недобрые вести. К нему вплотную приблизились чехи, вооруженные кулаки, казаки и белые офицеры. В деревне Мясниковой нашего уезда восстало кулачество. Советы свергнуты и в селе Канаш. Это всего верст 70–80 от Камышлова.

В городе тревожно. Появилось много подозрительных людей. Во время ночного патрулирования нередко задерживаем неизвестных; въезд в Камышлов без особого на то разрешения запрещен.

Начались аресты заложников. Под замок сели самые крупные богатеи: хозяева паровых мельниц Щербаков и Симакова, купцы Поздеев, Страхов, Выборов и другие буржуи.

Объявлена обязательная регистрация и сдача охотничьих ружей всех образцов. На это отведено 24 часа. Я понес свою плохонькую берданку На пункте сбора оружия сказали, что мне, как члену РКП (б), можно бы и не сдавать ее. Но чего уж там…

Что-то странное получается с «левыми» эсерами. Их

областной комитет объявил в наших «Известиях» о роспуске своей камышловской организации за то, что она «явно защищает интересы кулацких слоев населения». Прямо так и написано. За некоторыми камышловскими «левыми» эсерами, как выяснилось, водятся и вовсе контрреволюционные дела. Кое-кого из них, в том числе и Лубнина, будет судить ревтрибунал. Эти «друзья народа» выпускали листовки против Советской власти, призывали не подчиняться советским органам.

Больше всего сейчас шумят анархисты. Чего они только не придумывают, чтобы втереться в доверие к жителям! Николай Черепанов на всех перекрестках клеймит «левых» эсеров. В газете большими буквами напечатано объявление: «Бедным бесплатно из парника анархистов раздается отличный сорт рассады капусты. Спросить у товарища Анисьи».

Ну и прохвосты! Хотят капустной рассадой купить народ. Ни перед чем не останавливаются.

Я отлично помню, как Черепанов поносил нашу РКП (б) и кричал, что только анархия — мать порядка. Не удивлюсь, если анархисты окажутся похуже «левых» эсеров.

Виделся мельком с Володей Брагиным. У него трудно в семье. Не могут свести концы с концами. Володя стал репетировать в разные классы средней школы. Но газету не бросает, пишет революционные статьи.

Я тоже недавно попробовал. Получилось это так. Зашел в нашу редакцию и разговорился со Степаном Васильевичем о текущем моменте. Тут же сидел Володя. Он молча слушал меня, а потом сказал: «Ты бы на бумаге изложил то, что сейчас рассказываешь». Я даже оторопел: какой из меня писатель? Однако, когда вернулся в отряд и все уснули, достал бумагу и стал писать. Писал две ночи.

Вчера в «Известиях» напечатана моя первая в жизни статья под названием «Борьба мира».

3 июля

Прежде всего опишу то, что произошло за последние дни.

30 июня, несмотря на сильное сопротивление красноармейских отрядов, белогвардейцы и чехи взяли Шадринск. В нашем уезде положение тоже ухудшилось. Кулачье захватило власть и в Тамакульской волости. Белые подошли к Ертарскому заводу. А это меньше ста верст от Камышлова.

Отряд товарища Подпорина ушел на подавление кулацкого восстания в деревне Мясниковой. В городе сразу же начали

формировать новый отряд, в который зачислили и нашу троицу: Гоголева, Арьку и меня. Всего человек 80. Командует товарищ Кучмей. Коммунист. Служил унтер-офицером в старой армии. Энергичный, хваткий. Ходит в суконной гимнастерке, суконных брюках и солдатских сапогах. Обращается со всеми просто, но дает понять, что он командир.

Большинство в отряде — дружинники из окрестных волостей. Коммунистов мало, всего несколько человек. Рабочих тоже мало. Заметно, что многие красноармейцы с неохотой приняли назначение в отряд Кучмея. Не желают удаляться от своих деревень.

Живем в том же помещении двухклассного училища.

Отряду дали два пулемета «кольт». Я попал в один расчет с товарищем Гоголевым. Изучаем пулемет. Поддается трудно. Начальником расчета — товарищ Понькин, по профессии портной, Никто из нас, в том числе и Понькин, не знает материальной части и никогда прежде не стрелял из «кольта». А завтра — в поход. Куда, зачем — неведомо…

Пока писал, пришли свежие новости, хотя и не очень приятные. Наши отступают от Омска. Восставшее кулачье сегодня уже возле станции Тугулым. То ли перехватили железную дорогу между Камышловом и Тюменью, то ли пошли к станции вплотную.

Нам, коммунистам, по секрету сообщили, что уездный исполком начал эвакуацию Камышлова. Заложников отправили в Екатеринбургскую тюрьму.

Едва успел сбегать к Прасковье Ионовне. Когда сказал, что уезжаю на фронт, бедная старушка совсем потерялась от страха. Плакала, крестилась и крестила меня.

Под вечер зашел в канцелярию гимназии, чтобы взять свидетельство об окончании седьмого класса. Выписал его наш письмоводитель Иванов, а подписал за отсутствием директора инспектор Борис Евгеньевич Юшков. Вежливо расспрашивал меня о красноармейской жизни. Я сказал, что всем доволен. Юшков поморщился:

Зря, зря вы, господин Голиков, поспешили. Не худо бы завершить образование, а потом уже предпринимать самостоятельные шаги.

Я ответил, что не жалею и никогда не буду жалеть о вступлении в Красную Армию рабочих и крестьян.

Как знать, как знать, — пробормотал Борис Евгеньевич.

Иванов в разговор не вмешивался. Только слегка посмеивался. Кажется, он был на моей стороне.

11 июля

Трудно, неприятно, обидно. Однако надо все записать.

4 июля к нашему двухклассному училищу подъехали одноконные и пароконные подводы. Пока подготовились, погрузились, прошло несколько часов. После обеда выступили. На головной подводе сидели товарищ Кучмей и медицинская сестра. Подвода с «кольтом», на которой разместились мы с товарищем Гоголевым, шла пятой от головы.

Провожало много народу. Были жены дружинников и рабочих, пришли товарищи из укома и исполкома.

Когда отряд вытянулся между Шадринским мостом и училищем, товарищ Федоров сказал короткую напутственную речь.

Настроение боевое. Мы знали, что едем на Тамакул подавлять кулацкий мятеж и восстанавливать власть Советов.

Нам велели в пути не дремать, держаться наготове. Дорога лесная, возможны всякие неожиданности.

Едем час, другой — ничего подозрительного. Сделали верст двадцать, переночевали спокойно, с рассветом тронулись дальше. Командир выделил две подводы для разведки по боковой дороге. На второй подводе сидел я. Действовали мы плохо. Сейчас даже стыдно вспомнить. Неожиданно увидели впереди два воза с сеном. Кто-то, не разобравшись, выстрелил. Все схватили винтовки и открыли пальбу. Хорошо, что ни в кого не попали. Ведь то были обыкновенные крестьяне, а никакие не белогвардейцы. О белых они и сами толком ничего не знали.

После этого разведка больше не высылалась.

Вдруг слышим, перед деревней Падериной, в которой мы намеревались сделать привал, стрельба. Не успели опомниться, как очутились в придорожной канаве. Пули свистят над головой, но пока что никого, не задевают.

Кучмей командует: «В цепь!». Однако люди очень нерешительно выбираются из канавы.

Мы поставили «кольт» на дороге и ударили по врагу. Красноармейцы стали увереннее. Я подумал тогда, что и мне положено быть в цепи. Страха не испытывал. Только возбуждение.

Поднялся в рост и пошел вперед. Рядом, вижу, идут другие. Закричали «ура» и побежали быстрее. Противник не выдержал и отступил.

Это, как выяснилось, тамакульские кулаки устроили засаду.

Уже в Падериной ко мне подошел один пожилой красноармеец и сказал.

Думаешь, ты смелый? Просто — несмышленыш.

Слова его обидели меня.

Отдохнув немного, двинулись на Тамакул. До него всего верст десять. Это торговое село, богатое, большое. Тут всего ожидать можно. Теперь мы продвигались осторожно, с разведкой.

Верстах в двух от сели к нам присоединился добровольческий отряд из военнопленных мадьяр. Он прорвался в наши места из Сибири. Сделали остановку, покурили с товарищами мадьярами. Они уже прилично говорят по-русски, вполне понимают нас.

Оба отряда развернулись в цепь и ночью, тихо, без выстрелов, вышли к Тамакулу.

Вопреки ожиданиям, бой не разгорелся. Тамакульские кулаки заранее узнали о нашем приближении и удрали.

На утро расстались с мадьярами. Они пошли по своему направлению. Мы же в Тамакуле простояли сутки, а утром 7-го двинулись на село Кривское. Днем без боя вступили в Кривское. В нем больше восьмисот дворов. Много кулачья. До Шадринска оставалось около сорока верст. Но нам не приказано идти туда. В Шадринске, по слухам, собрались большие силы: чехи, казаки, офицеры, кулачье…

В Кривском задержались на несколько суток. Штаб расположился в доме купца Зайкова, напротив церкви. Здесь же остановился товарищ Кучмей. Из отряда высылалась разведка в сторону Шадринска, Долматова и села Ольховки. На околицах Кривского выставили небольшие караулы. Проводили обыски, арестовывали врагов Советской власти. У местного торговца изъяли сто пар сапог, которые тут же раздали красноармейцам и дружинникам.

Но во всем, что мы делали, не было определенности, уверенности. Приказы иногда отменялись; вместо одного давали другой.

В отряде дела обстояли неважно. Не знаю, почему и каким образом во главе отряда оказалось два командира — товарищ Кучмей и товарищ Туманов.

Они все время ругались между собой.

Мы видели, что Туманов вином и женщинами интересовался больше, чем отрядными делами.

В результате нас постиг тяжелый удар.

На четвертые сутки пребывания в Кривском, едва стало подниматься солнце, на церковной колокольне ударили в набат, и в ту же секунду загремели выстрелы с крыши дома, в котором жил Кучмей. Стрелял сам командир отряда: поднимал нас по тревоге. Но не успели мы опомниться, как ружейная стрельба разгорелась во всех концах села. Караулы наши были уже сняты и село окружено врагами. Чехи и белогвардейцы нежданно-

негаданно ворвались в Кривское.

Поднялась паника. Никто нами толком не командовал. Мы метались из улицы в улицу и всюду натыкались на беляков.

Туманов, взяв наш «кольт», решил пробиваться в сторону села Долматовского (там, по слухам, был отряд Подпорина). Но за поскотиной белогвардейцы встретили нас выстрелами в упор. К тому же мы оказались среди огромного стада коров. Попробовали разогнать их. Не тут-то было. Пришлось опять возвращаться к центру села.

На площади перед церковью уже хлопотал товарищ Кучмей. Он старался организовать оборону, но это ему никак не удавалось. Чехи и беляки наседали со всех сторон. Площадь была у них, как на ладони.

Туманов собрал вокруг себя с полсотни красноармейцев, усадил на подводы и на галопе устремился по Тамакульской дороге. Чтобы прорвать окружение, надо было промчаться версты полторы, но нам они показались длиннее и труднее ста верст. С огородов, из дворов, с крыш — отовсюду летели гранаты и пули. Забились на дороге раненые лошади. Наша небольшая колонна оказалась разорванной. Несколько красноармейцев соскочили с подвод и бросились во дворы. Я тоже спрыгнул с подводы, но от телеги не отпускался. Бегу, выбиваюсь из сил, а в голове одна мысль: что делать, скрыться в какой-нибудь двор или вскочить обратно? Вдруг словно осенило: во двор — это гибель! Напружился и вскочил опять на подводу.

Наконец кое-как вырвались из села и выехали на знакомую уже дорогу к Тамакулу. Стали подводить безрадостные итоги. Многих не досчитались. Погиб наш смелый командир товарищ Кучмей. Погиб мой добрый друг по гимназии Аристарх Рабенау. Вовек не забуду его. Никогда еще не было мне так горько.

Мрачные и печальные, к вечеру 10 июля вернулись мы в Тамакул.

Снова провели здесь обыски. И не зря. Ищем теперь более тщательно и зорко. Уже знаем цену беспечности. У некоторых богатеев нашли спрятанные «наганы», винтовки, патроны. Самых активных врагов народной власти расстреляли. Остальных арестовали и повезли с собою в Камышлов.

15 июля

В Камышлов прибыли вечером 12 числа. Возвращались с тяжелым чувством: задачу не выполнили, многих товарищей потеряли.

Командовал нами Туманов. Я о нем не хорошего мнения.

Наша обратная дорога в город показала, что мы все-таки еще не стали настоящими бойцами. Когда ехали лесом, трое арестованных сумели соскочить с подвод и удрать. Хватились, но было уже поздно. Я раньше других успел открыть стрельбу, однако стрелял без толку.

А позавчера в казарме произошел совсем безобразный случай. К одному бойцу пришла жена. Его на месте не было. Выискался какой-то умник из красноармейцев, который решил попугать женщину. Взял чужую винтовку и, не зная, что она заряжена, нажал на спусковой крючок. Убил несчастную наповал.

Город на осадном положении. Вывозятся хлебные запасы, архивы, машины. Уехали многие советские служащие.

Зашел в контору издательства. Просмотрел газеты за эти дни и узнал о 5 Всероссийском съезде Советов, а также о мятеже «левых» эсеров. Печатается проект Конституции РСФСР. Есть сообщения о действиях красноармейских отрядов. Имеется заметка и о том, как мы 5 июля заняли село Тамакульское, а другой наш отряд освободил станцию Тугулым.

Самое ужасное — известия о зверствах белогвардейцев. Кулачье лютует, не жалея женщин, детишек, стариков. Под станцией Тугулым было расстреляно много красноармейцев, а начальнику станции Артюхову белые сначала выкололи глаза, потом зарубили его шашками.

Плохи дела в моей Борисовой и в Зырянской волости. Говорят, на днях ночью банда восставших захватила волисполком. Арестованы все коммунисты. Среди них, конечно, мой отец, его братья Сергей, Матвей и Митрофан (хотя последние двое беспартийные). Арестованных сильно избивали. Затем некоторых посадили в подвал, а самых «опасных» вместе с отцом отправили в село Бродокалмацкое.

Банду в нашу деревню привели свои же односельчане: сын торговца Колька Черноскутов, кулацкий сын прапорщик Андрей Козлов и подкулачник Гришка Козлов.

Не будет мне покоя, пока не узнаю, что с отцом!..

А трудовая артель гимназистов как ни в чем не бывало продолжает печатать объявления, всерьез предлагая свои услуги по перевозке дров и навоза. На Бамбуковке устраиваются гулянья с благотворительной целью.

Вожак анархистов — Черепанов грызется с «левыми» эсерами и со своими недавними товарищами. Он заявил, будто многие из тех, кого в городе считали анархистами, в действительности таковыми не являются. К числу последних отнесен и Миша Сизиков.

Свара дошла до того, что Черепанов решил собственноручно убить Волчковича и поместил в газете письмо: «Террористический акт над провокатором Волчковичем есть дело моей чести и совершил я его без ведома Советской власти». Волчкович был ранен.

Это уже, по-моему, просто бандитизм. Уверен, что Советская власть проучит за такие проделки.

В Союзе социалистической молодежи развал. Принимают красивые резолюции, клянутся бороться с реакцией, но в Красную Армию никто не идет. Думают, наверное, что белогвардейцы испугаются их «грозных» постановлений…

Патрулируем ночью и днем. На окраинах города стоят заставы, караулы. Начальник гарнизона товарищ Васильевский приказом запретил домовладельцам принимать к себе на квартиры кого-либо из военных без его разрешения.

25 июля

Три дня назад белогвардейцы и белочехи взяли Тюмень, а сегодня заняли Екатеринбург. Хорошо, что екатеринбуржцы успели расстрелять Николая Второго.

Под угрозой Каменский завод. Из него уже все ценное вывезли. Туда подошли красные отряды, отступившие из Катайского и соседней с нами волости — Колчеданской. Слышал от знакомого бойца, что в завод прибыл небольшой, но крепкий отряд товарища Ослоповского. Отряд этот проходил через Зырянскую волость, был в Борисовой, а товарищ Ослоповский, как мне передали, наведался к моей матери, спрашивал, не нуждается ли она в чем? Спасибо товарищу Ослоповскому за душевную заботу.

В Камышлов прибыл большой, хорошо вооруженный отряд добровольцев-мадьяр из военнопленных. Их называют интернационалистами. Мадьяры на лошадях патрулируют по городу. С ними мы чувствуем себя увереннее.

ЧК арестовывает подозрительных. Мы ей помогаем. Особенно крепко взялись за контрреволюционные элементы после убийства в Петрограде товарища Володарского.

Многим, в том числе и враждебному Советской власти офицерью, удалось бежать. Некоторых я знаю по гимназии: Куренкова, Вершинина, Комарова. Они были на несколько лет старше меня. Почти все — дети богачей, кулаков. Но почему стал врагом нашей власти Вася Деревнин, не пойму. Зачем он, сын лесного сторожа, увязался за «белой костью»? Значит, повлияла

дружба с сыном купчихи Шуркой Воронковым.

Сам Шурка — офицер. Ходил франтом, холеный, раскормленный, всегда при деньгах… Сейчас скрылся вместе с Васькой.

А вот о сыновьях хлеботорговца Меньшенина пока дурного не слышно, хотя один из них тоже офицер.

Не знаю ничего о судьбе многих гимназических товарищей. Очень интересно, кто где сейчас, в каком кто лагере? Надеюсь еще свидеться со многими.

Прошлой ночью за городом расстреляли террориста, который бросил ручную гранату в избу товарища Брюханова и убил почти всю его семью. Это был кулак.

Но зря, по-моему, ЧК арестовала Ваню Петухова. Мы с ним учились в одном классе. Он скромный, трудолюбивый, худого слова о Советской власти мы от него не слыхали. Никакой Ваня не буржуй.

Позавчера встретил Гаревского. Он предложил мне взять обратно свое ружье или выбрать какое-нибудь другое, по вкусу. Ходил к Гаревскому вместе с Мишей Скворцовым. В комнате свалено больше сотни ружей. У нас глаза разбежались. И то хорошо, и это… А ушел я, как меня ни уговаривали, все же со своей старенькой берданкой.

Был в мастерской штемпелей и печатей. Хозяин ее Глазунов по доверенности отца выдал мне печать для Борисовской сельской ячейки коммунистов (большевиков). Печать хорошая, но когда теперь ею придется пользоваться?..

Арестован анархист Черепанов. Товарищ Липкин, руководивший арестом, отдал мне отобранный у Черепанова наган с кобурой, черной лентой и 21 патроном.

27 июля

Прощай, Камышлов! Прощай, родной город! Через несколько часов стемнеет, и двинемся.

Вчера нас перевели в помещение мужской гимназии. Наши нары — в классе напротив учительской комнаты. Окна выходят в сад. Здесь мы бегали, боролись, дрались, лазали по снарядам гимнастического городка. Больше всего любили «брать крепость», играть в чехарду.

Все это было, да, как говорится, быльем поросло. Наступили другие времена. Пришел час кровавой борьбы. Теперь надо не игрушечные крепости отстаивать, а биться за власть Советов и мировую пролетарскую революцию.

Сейчас пишу на квартире у Прасковьи Ионовны. Пришел к ней проститься.

Прасковья Ионовна совсем растерялась. Хлопочет с чаем, трясущимися руками собирает на стол. То и дело подходит ко мне. Робко уговаривает остаться, но и сама в это не верит. Дает мне на дорогу, что есть: несколько кусочков сахару, немного белых сухариков, пару конфет, катушку ниток. Просит беречься. Больше всего беспокоится, чтобы меня где-нибудь не продуло.

Все время напоминает: как только вернемся в город, чтобы я сразу же шел к ней. Будь то днем или ночью — все равно.

После чая Прасковья Ионовна взялась зашивать во внутренний карман моей гимнастерки красноармейское удостоверение и едва справилась: слезы застилали глаза.

Я сбегал в садик и под кустом акации зарыл печать Борисовской сельской ячейки РКП (б). Вспомнил, как отец заказал ее еще в апреле, в день нашего вступления в партию.

Скоро надо возвращаться в отряд. Сбор во дворе гимназии.

В отряде я многих не знаю. Сдружился с Гоголевым. Теперь он мой сосед на нарах. По годам Гоголев не моложе моего отца, носит большие рыжие усы, а ростом с меня. Когда узнал, что я иду к Прасковье Ионовне, велел долго не задерживаться. Сам пошел прощаться с женой и тоже обещал быть в казарме к вечеру.

Хорошие у меня отношения и с товарищем Чупиным. Он, как и Гоголев, камышловец, железнодорожник, пришел в отряд из Красной гвардии. Но внешностью и характером совсем не похож на Гоголева. Высокий, тонкий, с черными усиками. Любит балагурить, всех смешит. С таким не заскучаешь…

Ну что ж, надо закрывать дневник — пора возвращаться.

Жаль, не пришлось проститься с Шурой Комлевым. Его почему-то сегодня нет дома.

Не увижусь и со своими давними соседями, с двумя немцами-рабочими, которых еще в 1914 году сослали в наш город откуда-то с Запада. Оба пожилые, бессемейные. Поселились они тоже у Прасковьи Ионовны. Один работает на городской водокачке, другой — на железной дороге. Вечерами играют на скрипке…

Заканчиваю. Рядом стоит Прасковья Ионовна. Плачет навзрыд: «Куда же ты, мой Феликс, куда?»

В боях и походах

Прошла ровно неделя, как я не раскрывал своего дневника.

Сегодня уже 3 августа, мы находимся на станции Егоршино.

Камышлов остался далеко позади, но я постоянно думаю о нем.

Трогательным было мое расставание с Прасковьей Ионовной. Она напутствовала меня, как сына, крестила своими скрюченными подагрой пальцами, шептала молитвы.

В казарму явился задолго до сбора и почти все время убил на то, чтобы скатать шинель. Мне помогал Гоголев. Но и он не большой мастак. С грехом пополам сделали скатки. Они получились довольно нескладными — широкие, неровные.

Из города вышли в потемках. Небо затянули тучи, прохожих не видно. На душе тоже темно, тревожно. Шли молча: говорить не хотелось.

Вместе с нами уходили из города товарищи Васильев, Федоров, Васильевский, Сысков, Куткин, Гаревский и другие.

Двинулись к деревне Галкино. Когда подошли к ней, Чупин отпросился попрощаться с семьей.

Шли по Ирбитскому тракту, но не на Ирбит, а на Ирбитский завод. С рассветом увидели вокруг березовые колки, поля пшеницы и овса. Все это до того привычное, родное, близкое, что на душе сразу как-то стало легче. Не верится, что надолго уходишь из этих мест. Нельзя себе представить, как на таких мирных полях может разгореться бой, будут рваться снаряды и вместо птиц засвистят пули.

Днем стало жарко. Ноги тонули в густой пыли. По такой пыли хорошо босиком идти, а в сапогах тяжеловато. Давит скатка, оттягивает плечи вещевой мешок.

Иногда нам разрешали по очереди класть мешки и скатки на подводу. Я не клал. Некоторым тяжелее, чем мне, А потом — надо закаляться.

Командиры нас не торопили. На привалах мы пили чай, закусывали.

В Егоршине поместились в большой рабочей казарме. Нар не было, спали прямо на полу. Мне досталось место в первой же комнате, неподалеку от дверей. На таком месте, конечно, не разоспишься. Ну ничего: все уверены, что недели через две, в крайнем случае через три, вернемся в Камышлов.

Отряд наш влит в 3-й батальон 1-го Крестьянского коммунистического полка. Командиром батальона назначен наш, камышловский, товарищ Василий Данилович Жуков. Я про него

уже писал в дневнике. Жуков — верный, надежный человек. С таким не боязно в бой идти. Говорит мало, но к каждому его слову прислушиваешься, потому что знаешь — пустого не скажет. Ходит Василий Данилович в темной шляпе с опущенными полями. Эту же шляпу он носил и когда работал слесарем в Камышловском депо, и когда был уездным комиссаром.

Вчера в полдень над станцией появились два белогвардейских аэроплана. Летели невысоко, саженей на 300. Мы выскочили из казармы, начали стрелять из винтовок. Попасть — не попали, но заставили убраться восвояси. Улетая, летчики сбросили две бомбы, которые дымили, но не взорвались.

Я с несколькими товарищами хотел раскопать бомбы. Интересно все-таки, почему не разорвались.

Но командир нас обругал и велел отправляться в казарму.

Под вечер поступил приказ идти на позицию к деревне Егоршино. До позиции недалеко, несколько верст. Но мне эти версты трудно дались. В лесу было жарко, душно.

Стали в оборону на окраине деревни. Впереди — поля, а дальше — лес.

Рота растянулась в цепочку. Принялись окапываться. Молодые роют окопы лежа, а кто постарше да бывал на войне — стоя и с колена.

Мой сосед, фронтовик Иван Птицын, показал, как делать окоп с колена, а потом углубить его.

Теперь у меня глубокий, удобный окоп. Есть бойница, ниша для патронов. На полу солома. Эту запись я веду, сидя в своем окопе. Интересно, где еще мне придется писать дневник?

На рассвете впервые услыхал артиллерийскую стрельбу. Огонь открыла наша артиллерия. Снаряды летят через голову.

Хотя командиры нас предупредили о стрельбе, каждый выстрел из трехдюймовки заставляет вздрагивать (и не только таких молодых красноармейцев, как я!). Но это ничего — батарея-то наша.

20 августа. Станция Антрацит

Кругом заболоченный лес. Небольшие островки поросли камышом. Воевать в таких местах плохо, а охотиться хорошо. Неподалеку от станции в болотах водятся утки. Сегодня наш комбат товарищ Жуков принес двух чирков. Я ему, честно говоря, немного позавидовал. Давно не бродил с охотничьим ружьем.

Вспомнилось, как однажды, выжидая уток, целую ночь просидел в болотистом лесу с шестью патронами, заряженными

самодельной дробью-сечкой. Вернулся с добычей.

Я люблю природу. В лесу мне все интересно. Кажется, совсем недавно засушивал цветы, листья, травы, коллекционировал птичьи яйца, собирал образцы минералов, препарировал и помещал в банки с формалином тушки и внутренности птиц, мышей, учился набивать чучела. А как все это далеко теперь!

Вот уже две недели наш батальон в непрерывных боях. И лес кругом, и болота, и утки, но нам не до охоты, не до гербариев. Целую неделю, с 1 августа, белые вели наступление.

Когда мы заняли оборону за околицей деревни Егоршино, меня на вторую ночь назначили в секрет. Нас было трое. Старший — Птицын. Едва стемнело, мы где бегом, где ползком добрались до небольшого загона, который находился в открытом поле, шагах в трехстах от наших окопов.

Обосновались, стали наблюдать. Тишина. Ничего подозрительного. Моим товарищам секрет не в новинку. Они курили в рукав, переговаривались шепотом. А я не сводил глаз с того места, где окопы белых. До них саженей 500. И находились в этих окопах не просто солдаты, а офицерский отряд.

Еще вечером наша артиллерия подожгла стога соломы и постройки возле вражеских позиций. Освещенный пожаром дым то поднимался высоко к небу, то стлался по земле. Картина сказочная. Не надоедает безотрывно смотреть на нее.

Вдруг около часу ночи заметил я на фоне пожарища человеческие фигуры. Одна за другой мелькают и скрываются в темноте. В первый момент не сообразил, в чем дело. Показал Птицыну. Стали наблюдать все трое и поняли: белые рассыпаются в цепь.

— Быстрей в роту! — приказал мне Птицын.

Я, не разбирая дороги, что есть сил бросился к своим. Не добежав шагов семидесяти, закричал:

— Белые!

Во вражеской цепи словно ждали этого крика. На правом фланге вспыхнула стрельба. Сразу же открыла огонь и наша рота. Прямо… в мою сторону (так по крайней мере мне казалось тогда). Ни поднять головы, ни шевельнуться. Но делать нечего, надо добежать до своих и толком рассказать, в чем дело. С великим трудом оторвался от земли. Пробежал несколько шагов. Лег. Еще несколько шагов. Снова лег. Не заметил, как очутился у наших окопов,

Сам не знаю и товарищи не могли понять, каким образом я цел остался. Даже не ранен!..

Белые против нашей роты не появлялись. Стрельба понемногу затихла. Зато справа становилась все сильнее. По огню

можно понять, что неприятель подходит все ближе и ближе к Егоршино. Мы снова открыли огонь. Однако толку от этого было мало.

Белые продолжали наступать, обходя роту, которая была правее нас. Та долго отбивалась, но не устояла. Разрозненными группами, в беспорядке бежали красноармейцы. На их плечах в деревню устремилось белое офицерье, добивая по дороге раненых.

В это время усилила огонь наша артиллерия. Белогвардейцы растерялись, сбились с направления.

Наша 9-я рота и оправившаяся соседняя с криком «ура» кинулись в атаку. Оказавшись на открытом месте, на чистой поскотине, под нашим ружейным и пулеметным огнем, белые не выдержали и побежали. К рассвету мы увидели, что они понесли большие потери. Среди убитых был и капитан, который командовал их наступлением.

Любопытная подробность. В кармане у капитана нашли записку, где он поздравлял свое командование с победой. Поспешил, господин капитан!

Утром отдохнуть не удалось. Все были возбуждены после ночного боя, перебивали друг друга вопросами: «А помнишь? А заметил?»

Я хотел сесть за дневник, но не смог. Даже руки тряслись от волнения.

Сразу же после обеда наш взвод послали в разведку. Надо было через поле подкрасться к позициям белых, уточнить их расположение и захватить домик лесника на опушке.

От наших окопов до белых немногим больше версты. Проползли часть поля, распаханного под пар, и вошли в хлеба. Нас укрыла высокая пшеница. Однако она скоро кончилась. Впереди опять было открытое поле.

Белые, конечно, заметили наше движение. Стали стрелять из винтовок, пулеметов и орудий. Мы видели, как их солдаты и офицеры выбегали из лесу и прыгали в окопы. Заговорила батарея.

Мы отмалчивались. Попытались было еще продвинуться вперед, к дому лесника. Но ничего не получилось.

Без всякой команды стали отступать, и я потерял из виду соседей. Бегаю по пшенице в одну сторону, в другую и никого не нахожу. Кричу — никто не отзывается. Пошел обратно и совершенно неожиданно наткнулся на товарища Гоголева. Обрадовались так, словно не виделись десять лет. Гоголев, оказывается, искал меня, волновался. Но долго нам ликовать не пришлось. Рядом разорвался снаряд, нас засыпало землей.

Гоголев мне что-то говорит, но я едва различаю его голос. Три дня ходил полуглухой. Потом все обошлось.

Когда вернулись в роту, наши были уже на месте. Думали, что мы с Гоголевым пропали.

В общем, можно считать, что ночной бой и разведка кончились благополучно. Но, по правде говоря, я сначала испытывал неприятное чувство: казалось, что мы действовали как-то нескладно. В этих двух небольших стычках с противником многое для меня явилось неожиданностью…

После разведки усилилась подготовка к наступлению на станцию Антрацит, и через два дня мы с боем взяли ее. Затем погнали белых в направлении большого волостного села Ирбитские Вершины.

В наступлении участвовал весь наш полк и 4-й Уральский, где тоже много добровольцев. Силы немалые. Но наступали мы трудно. Белые крепко держались. За целые сутки наш батальон почти не продвинулся.

Под вечер пошел сильный дождь и лил всю ночь. А меня угораздило еще днем потерять шинель. Промок до нитки. Ночью зуб на зуб не попадал. Спасибо Гоголеву. Вот кто товарищ, так товарищ! Укрыл меня полой своей шинели, прижал к себе, согрел. Шинель у него широкая, длинная. Недаром столько времени мы потратили в Камышлове, когда скатывали ее.

За последние дни я дважды убедился в том, что Гоголев относится ко мне по-отечески. А когда в бою рядом близкий человек — воевать легче.

Утром мы все-таки разбили белых и погнали их. Теперь помеха не белые, а дорога к Ирбитским Вершинам. Она и так-то, видно, никуда не годится, а после дождей ее совсем развезло.

13 августа взяли деревню Елкину. Перебили там целую офицерскую роту и пошли дальше на Сухой Лог. На усталость никто не жалуется, потому что за Сухим Логом — станция Богдановичи, а там недалеко и Камышлов.

Белые бегут так, что не можем их догнать.

Сухой Лог заняли без боя 15 августа. Село это напоминает небольшой городок: бумажная фабрика «Ятес», много лавок, магазинов. Но нас ничто не интересовало. Мы рвались к родному Камышлову.

Однако все получилось совсем не так, как хотелось.

Приказали занять оборону по берегу Пышмы. Наша рота отрыла окопы вблизи железнодорожного моста. Рыть было трудно. Земля, как утрамбованная, много камней. Но не рыть нельзя — на той стороне реки белые.

Через день — новый приказ: уходить из Сухого Лога.

Командиры торопят. Я хотел найти в селе своего соученика Ваньку Бояринова. Не пришлось.

Оказывается, мы, стремясь к Камышлову, вырвались далеко вперед. Соседи отстали, и белые вышли нам в тыл. Положение настолько серьезное, что пришлось оставить Ирбитские Вершины и Елкину.

Все это трудно понять, трудно с этим примириться. Но бывалые солдаты говорят, что на войне и не то случается.

Вчера по шпалам пришли на станцию Антрацит.

Меня перевели в пулеметный расчет товарища Шабанова. Здесь уже не «кольт», а «максим». Как и большинство наших красноармейцев, Петр Тимофеевич Шабанов — камышловец. Он — слесарь железнодорожного депо, доброволец Красной гвардии. Человек он старательный и заботливый, но на редкость молчаливый. А если и заговорит, то такими словами, которые писать не принято. Все время копается у пулемета, хочет освоить его. Но стоит только подойти взводному Аникину (младший унтер-офицер, фронтовик), чтобы объяснить что-нибудь, как Шабанов сразу же огрызается. Аникин подшучивает, но Петр Тимофеевич шуток не понимает.

В боях мы узнали и оценили нашего комбата. Василий Данилович — бесстрашный и заботливый товарищ. Интересно, когда только спит?

Человек он бывалый, еще в июле водил отряд Красной гвардии из Камышлова в село Белая Елань (что под Тюменью) на подавление кулацкого мятежа. Красноармейцы души в нем не чают. Едва появится товарищ Жуков, каждый стремится с ним поговорить, посоветоваться. Да и сам комбат любит беседовать с бойцами.

Все в батальоне привыкли к его необычной одежде: высоким охотничьим сапогам, длинной куртке до колен и широкополой шляпе. Если Жуков берет охотничье ружье, никто не скажет дурного слова. Наоборот, каждый думает, пусть хоть немного отдохнет.

Меня тоже давно тянуло побродить по лесу, понаблюдать за лесной жизнью. Сегодня это удалось. Наш 3-й батальон назначен в резерв полка.

Отошел я недалеко от станции. Собираю ягоды и вдруг неожиданно натыкаюсь на тела убитых. Присмотрелся — белые офицеры.

Жалеть-то их я, конечно, не жалею. Но прогулка испорчена.

9 сентября. Ирбитский завод

Наш пулеметный взвод только что вышел из боев. С горечью и яростью мы воевали эти дни, узнав о покушении врагов на Владимира Ильича Ленина и об убийстве товарища Урицкого. Негодованию не было границ. Нас временно послали в 7-ю роту товарища Басова, которая вместе с 1-м Горным полком вела наступление на деревню Костромину. Без передышки, прямо с марша вступили в бой. Место открытое. Белые стреляют из пулеметов, установленных на крышах. Мы подвигаемся медленно, осторожно. Вдруг подъезжает верхом начальник полковой конной разведки товарищ Фомин Иван Васильевич да как гаркнет: «Вперед!» Наши бойцы сразу повеселели. А Иван Васильевич носится вдоль цепи, подбадривает, ругается.

Когда до деревни оставалось шагов триста, мы взяли пулемет на руки и вместе со стрелками, крича «ура», пошли в атаку. Беляки убежали, побросав убитых, повозки с патронами и разным добром.

Здесь нам удалось немного отдохнуть. Переночевали. Потом — снова марш. 27 августа атаковали деревню Лебедкину. Белых в ней было мало. На следующий день взяли село Антоновское, потом Неустроево, а дальше, перед Осинцевой, пришлось остановиться.

Командиры приказали отрыть окопы. Пулемет установили на скате высокой горы среди больших берез. Село перед нами как на ладошке.

Совсем было расположились на ночлег, вдруг команда: «Вставай!». Говорят, что нас срочно требуют обратно к своему полку. Шли и опасались, как бы белые не перерезали дорогу. Откуда ждать врага, никто не знал. В одном месте в кромешной тьме натолкнулись на какую-то свою роту. Чуть было не начали стрелять друг в друга.

Всего в походе находились недели две. Зачем ходили, ни я, ни мои товарищи не знаем. Нам это почему-то не растолковали. Думаю, что не хотели раскрывать военные секреты. Я начинаю понимать, что на войне не всегда и не все можно сказать бойцам.

В последнем походе подружился с гранатой «лимонкой». Дали мне попробовать одну — рвется здорово! Теперь ношу в бомбометной сумке две «лимонки» и одну «бутылку», а запалы держу в кармане гимнастерки, Пригодятся еще и «лимонки», и «бутылки».

12 сентября. Село Покровское

Из Ирбитского завода наш батальон срочно вернулся на

станцию Егоршино и, чуть передохнув, двинулся к Режевскому заводу. Марш проводился в глубокой тайне, в обход белогвардейских частей.

Мы спешили на помощь Волынскому полку. Оказывается, в этом полку мобилизованные крестьяне поддались кулацкой агитации, восстали против власти Советов и перебили многих коммунистов. Отряд алапаевских рабочих, кочневская дружина и вообще вся пролетарская часть полка оказалась сильно пострадавшей.

Мне этот марш крепко запомнился.

Бывает так: все делаешь день за днем машинально, не вдумываясь, а потом вдруг что-нибудь заденет за душу и сразу увидишь настоящий смысл каждого своего поступка, каждого шага. Так вот и со мной случилось во время вчерашнего марша. Хочу описать все по порядку.

Глухо шумели вершины сосен. Лучи осеннего солнца едва пробивались сквозь густой хвойный лес.

Казалось, сосны шепчутся, дивясь железному упор-(;тву людей, ведущих великую борьбу за освобождение трудящихся. И солнце словно поражено отвагой красных бойцов, тихо пробирающихся через лес.

Двум ротам нашего полка предстояло обойти врага и разбить его.

Знали ли мы силы неприятеля? Нет, не знали. Мы даже не задумывались над этим, но помнили: во имя революции надо победить, и верили в победу. Мы надеялись на свою смелость, на быстроту марша, на неожиданность удара.

Красноармейцы шли молча, изредка перекидываясь словами. Впереди — сосредоточенный, задумчивый командир батальона товарищ Жуков. За ним — мы, пулеметчики, потом — роты. Замыкающим — конный отряд.

Завтра, может быть, на нашем пути встанут горы, протянутся реки, Мы преодолеем и их. Нас ничто не остановит.

После десяти часов тяжелого пути роты вышли в район Режевского завода. Несмотря на усталость, люди чувствовали себя на подъеме, крепко сжимали в руках винтовки.

Быстро рассыпались в цепь, дружно двинулись вперед.

Враг сумел избежать окружения, но вынужден был отступить на три версты от завода. Однако и здесь ему не удалось закрепиться. Наши роты совместно с бронепоездом, который до этого входил в отряд матроса Хохрякова, вышибли беляков с их новой позиции и отогнали до следующей станции.

Не только у нас, бойцов, но и у командиров военное образование недостаточное: кто побывал в учебной команде, кто

учился на фронте. Однако мы побеждаем и будем побеждать. Уверенность в своей правоте, ненависть к угнетателям, беззаветная отвага — вот что помогает нашим красным смельчакам громить вековых врагов во славу и во имя мировой революции.

Мы вовремя подоспели к Режевскому заводу. Весь город был в руках мятежников. Верные Советской власти остатки Волынского полка с трудом удерживались на его окраине. Наше появление помешало белогвардейцам, наступавшим от Екатеринбурга, соединиться с восставшими. Батальон вместе с волынцами вернул завод. Большая, хорошая победа!

В Режевском заводе простояли более суток. Сюда подошел весь полк, так как положение здесь очень серьезное. Наша рота — в ней человек около ста — поставлена между Режем и селом Покровским.

Покровское у нас в тылу. Это огромное село длиною в 10 верст. Оттуда мы ничего худого не ждали. Но рано утром, едва стало рассветать, нас подняли по тревоге и приказали: «Бегом к Покровскому».. В чем дело, не ясно. Оказывается, село занято восставшими и их немало.

Наша задача: перехватить железную дорогу на Реж и не пропустить банду в сторону завода, в тыл нашему полку,

Солнце уже взошло, когда мы приблизились к селу. Залегли длинной редкой цепочкой вдоль насыпи. Село видно хорошо, особенно церковь. Между полотном железной дороги и селом — плетень, отделяющий поскотину от полей. На полях — высокие хлеба. Помню, у меня мелькнула мысль: «Хороший урожай будет».

Но долго думать об урожае не пришлось. Едва заняли позицию и установили «максим», восставшие пошли в наступление. Наступало несколько сотен. Деревня буквально кишела мятежниками.

Наша рота открыла огонь из винтовок и пулеметов. Шабанов взялся за ручки «максима» и выпустил очередь. Он очень горячился, нервничал, и пули ложились шагах в ста от нас. Аникин пытался поправить, но Шабанов ответил ему своими излюбленными выражениями.

Повстанцы перелезли через изгороди, приближались к железнодорожному полотну. Я уже различал их лица. Но тут, наконец, наш «максим» перестал «пахать землю» и крепко ударил по наступавшим. Они сначала залегли, потом начали отходить. Однако через некоторое время снова рванулись вперед. «Максим» опять заставил их вернуться в село… И так повторялось несколько раз.

Пока сдерживали мятежников, подходило подкрепление.

Через час появилась еще одна рота, потом полковая батарея, командир которой, товарищ Лашкевич, — меткий артиллерист. Наконец часам к одиннадцати подошел Путиловский Стальной кавалерийский дивизион товарища Прокопьева, а вскоре и бронепоезд товарища Быстрова.

Всеми нами командовал Ф. Е. Акулов. Село было зажато в полукольцо. Батарея разбила колокольню, на которой сидели вражеские наблюдатели, и кавалеристы ворвались в Покровское.

Сердце ликовало, когда я увидел устремившихся вперед красных конников.

Мы одержали полную победу. Восставшие сдались. Организаторы мятежа — офицеры и кулаки взяты в плен.

21 сентября. Станция Егоршино

Наше положение что-то сильно ухудшается. На прошлой неделе белые все-таки отбили село Покровское, а также некоторые деревни около Режевского завода и продолжают лезть дальше. Наш полк уже с неделю находится в этом районе один: Камышловский и 4-й Уральский полки дерутся с врагом в Нижнем Тагиле. Почти два месяца мы с ними воевали бок о бок, хорошо били белых и привыкли друг к другу. Без них как-то не по себе.

Сегодня вдруг сказали, что части нашего полка начнут отходить к станции Самоцвет и даже дальше — к Алапаевску. А мы-то все время надеялись двинуться на Камышлов и со дня на день ждали освобождения Екатеринбурга!

Настроение стало невеселым. Как же так? Ведь не белые нас здесь побеждали, а мы их! Сколько разбили одних офицерских отрядов? Чуть не дошли до станции Богдановичи, приближались к городу Ирбиту, тогда как другие наши войска были в 30 верстах от Екатеринбурга! Да и теперь все восхищаются большой победой Камышловского и 4-го Уральского полков в Нижнем Тагиле: смелым ударом отбросили белых от завода на 20 верст. Но командиры, военком товарищ Юдин, его помощник Цеховский и агитатор Лобков говорят нам, что свою задачу мы выполнили и оставаться здесь дольше не можем — нас отрежут. Разъясняют, что побить белых на этом участке фронта только своими силами мы не сумеем и на Камышлов придется наступать попозже.

Видно, так оно и есть — надо отходить…

23 сентября. Лес неподалеку от Алапаевска

На днях по просьбе товарища Тарских я переведен в 3-ю роту, которой он командует. Не хотелось уходить из своей 9-й, но Павел Мамонтович — мой земляк, друг отца. Я ничего не имел против того, чтобы быть под его началом. Однако, когда перешел в 3-ю роту, увидел, что Тарских хочет сделать меня писарем. Это мне не по душе. Я шел добровольцем в Красную Армию, чтобы бить белогвардейцев, а не переводить бумагу.

Вчера с 3-й ротой участвовал в бою у села Коптеловского.

После отхода от станции Самоцвет рота собралась в лесу, неподалеку от железнодорожной будки. Часам к двум дня к этой же будке без всякого охранения прискакали белогвардейские кавалеристы — человек тридцать. Для нас это было полной неожиданностью. Но и наши выстрелы для белых оказались не меньшей неожиданностью. Кавалеристы бросились врассыпную, оставив нам несколько оседланных коней и винтовок.

Белые не знали толком наших сил и, обжегшись у будки, приостановили свое наступление вдоль железной дороги на Алапаевск. Тут повлияло еще и то, что под вечер наша рота удачно атаковала противника из Коптеловского. Потом подошел бронепоезд № 5 товарища Быстрова.

К ночи к Коптеловскому собрался весь наш батальон. Возле села слышалась стрельба. Стало очевидным, что враг подтянул новые силы и мы все больше и больше попадаем под угрозу окружения.

Ни один боец не смыкал глаз. Чувствовалось, как все напряжены, взвинчены. Не перестававший всю ночь дождь тоже влиял на настроение.

Находиться в деревне больше не было смысла. Это понимал каждый. Но приказа отступать мы не получали. Значит, надо оставаться на месте, какие бы мысли ни шли в голову.

Пример нам показали командиры. Они вели себя так, словно ничего не происходит, никакой угрозы не существует.

Под утро, наконец, приказ был получен. Все вздохнули с облегчением. Но радоваться было рано. Теперь оставался свободным лишь один узкий проход. Вязкая, размытая дорога вилась по оврагу, потом по косогору. Помог предутренний туман.

Командиры все время находились среди красноармейцев. Подбадривали, а когда надо было, давали нагоняй. Особенно хорошо действовали на всех суровое спокойствие комбата товарища Кобякова и твердость П. М. Тарских.

Часам к девяти батальон добрался до железнодорожной казармы в нескольких километрах от Алапаевска. Чистим оружие, сушим шинели, сапоги, портянки. В кухнях готовится завтрак. Солнышко пригревает. Настроение у всех снова хорошее…

…Пришлось прервать запись. Только что произошел такой случай. Вдруг слышим: «Держи, держи!». На лужайку выбегает какой-то человек, а за ним несколько наших кавалеристов. Я тоже бросился за беглецом. Но тут его нагнал один из конников и с ходу рубанул шашкой. Оказывается, это был местный контрреволюционер. Когда его вели через лес, попытался удрать. Однако не удалось.

На этом неожиданном случае и кончаю сегодняшнюю запись.

26 сентября. Деревня Нижняя Алапаиха

Начинаю немного разбираться в боевой обстановке. Мы стоим в обороне недалеко от Алапаевска. Соседствует с нами 2-й батальон, которым командует товарищ Ослоповский. Недалеко и 1-й Горный полк.

Нам хорошо видно, как над Алапаевским заводом рвется вражеская шрапнель, а у железнодорожной станции тяжелые снаряды поднимают столбы дыма и пыли.

Сегодня дошла до нас горькая весть: вчера в бою у Нижней Синячихи пал геройской смертью товарищ Жуков и многие красноармейцы моего родного 3-го батальона. Погиб и храбрый командир 7-й роты тов. Басов. Произошло это так: в то время как наш 1-й батальон держал оборону у Коптеловского, белые решили захватить Алапаевск с тыла. Командир полка товарищ Акулов спешно направил навстречу белякам 3-й батальон во главе с Жуковым — больше никого не было. И 3-й батальон спас положение. Но дорогой ценой.

Хочу занести в свою тетрадь некоторые детали этого боя. Когда-нибудь потом, если останусь жив, буду читать дневник и вспомню добрым словом моего первого комбата Василия Даниловича Жукова.

В окрестных лесах собирались добровольческие отряды офицеров и кулаков. К полудню человек пятьсот белогвардейцев начали наступление. Против них была всего лишь одна рота. Силы, конечно, неравные. Офицеры и кулачье окружили роту.

Когда стало известно, что наши отрезаны, товарищ Жуков из Алапаевска с двумя ротами пошел на выручку. Окруженные, стойко отбиваясь, сумели вырваться из деревни и присоединились к своему батальону. Батальон в полном составе дважды атаковал противника и оба раза вынужден был откатываться назад. Только в третий раз удалось опрокинуть врага штыковым ударом.

Мост через реку был сломан. Обезумевшие от страха

белогвардейцы кидались в воду. Многие тонули. Над рекой неслись дикие крики: «Жуковцы! Опять здесь жуковцы!». А Жуков в это время лежал без движения, тяжело раненный осколком снаряда, и через несколько часов скончался.

30 сентября. Станция Ясашная

Позавчера пришлось все-таки оставить Алапаевск. Утешение одно: белые за него дорого заплатили. Да и не только за него. Каждую деревню на пути от Егоршина до Алапаевска им пришлось брать с боями.

Борьба разгорается все сильнее, враги ни перед чем не останавливаются. Когда мы проходили мимо станции Самоцвет, видели сброшенные под откос вагоны. Здесь погибло немало товарищей из Камышловского полка. Белогвардейцы пытались задержать его переброску в Нижний Тагил и ночью организовали крушение.

Только это им все равно не помогло. Камышловский полк вовремя прибыл на место. Агитатор товарищ Лобков нам рассказал, как красноармейцы прямо из вагонов бросились в атаку, разбили беляков, отогнали их от завода.

Что ни бой — у нас новые герои. Сейчас в нашем полку все с гордостью говорят о помощнике командира Камышловского полка товарище Кангелари, который, несмотря на сильное ранение, не оставил боевых товарищей и продолжал храбро вести их за собой в наступление.

Твердо решил записывать в дневнике имена и подвиги наших смельчаков. Буду хранить их в памяти, пока сам жив.

От Алапаевска до Ясашной отходили без задержки. Каждый из нас понимал, почему нельзя мешкать: положение под Тагилом тяжелое, белые стараются прорваться к Кушве, в тыл нашей дивизии. Говорят, беляки наступают на Кушву также со стороны Ирбита. Занят ими и город Верхотурье.

Нашему 1-му Крестьянскому коммунистическому полку приказано постепенно продвигаться к Нижнему Тагилу. В таком марше приятного, конечно, мало, ведь мы отступаем. Но почти все держатся хорошо, спокойно. Чувствуется, что люди закалились, стали тверже. Теперь редко когда услышишь панический разговор или сплетню.

3-я рота расположилась у самой станции, возле небольшого деревянного вокзальчика. Развели костры, обжигаясь, попиваем чай с дымком. Такой чай можно пить только горячим. Чуть вода остынет, сразу почувствуешь, что она болотная.

Когда чаевничали, подошел командир полка Филипп Егорович Акулов. По одежде он нисколько не отличается от других командиров. Кожаная куртка, затянутая ремнями, серая каракулевая шапка, широченные галифе, высокие сапоги с узкими голенищами. На поясе наган и сабля. Между собой красноармейцы называют комполка «Бузуй». Это любимое словечко товарища Акулова. С него он и на этот раз начал:

— Ну что, орлы, бузуете?

— Бузуем, Филипп Егорович!

— Дальше идти можете?

— Можем!

— Отдохните часика два, а там опять давай бузуй.

Товарищ Акулов отозвал в сторонку командиров, и по долетавшим до меня словам я понял: предстоит разрушить железнодорожное полотно и стрелки, поджечь порожние вагоны и вокзал.

Когда красноармейцы узнали, в чем дело, приумолкли. Мы ведь хотим строить, а тут приходится уничтожать. Но что попишешь, надо мешать врагу двигаться вперед, затруднять его наступление. Чем скорее разгромим белую сволочь, тем быстрее начнем строить. И построим такое, что и не снилось людям!..

Размечтался я, а надо собираться. Уже одиннадцать часов вечера. Товарищи вздремнули; встают, поеживаются. Сырой туман смешался с дымом и гарью от подожженных построек. Трудно дышать. Кругом тишина. Ни выстрела.

Кончаю. Через полчаса выступаем.

3 октября. Нижняя Салда

Несколько суток стоим в Нижней Салде. Белые ведут себя тихо. Мы воспользовались этим, отдохнули, выспались, помылись в бане. Нижняя Салда — большой заводской поселок. На главной улице есть даже деревянный тротуар.

Полк пополняется. Прибыли две роты китайских добровольцев — человек около 200. Все они рабочие уральских заводов, копей и лесорубы.

Еще в Режевском заводе я слыхал, что в Красной Армии есть и китайцы. В Волынском полку была китайская рота. Во время мятежа она сильно пострадала от наших внутренних врагов.

А на станции Ясашной влился в наш полк большой добровольческий отряд товарища Павлова, с которым прибыло около сотни человек из алапаевского Союза социалистической молодежи.

Сил у нас теперь больше и настроение лучше.

Вчера состоялась полковая партийная конференция. Говорили о задачах полка и выбрали руководство партколлектива. Председателем — товарищ Ф. И. Стриганов. Членами: М. Д. Ковригин, П. М. Тарских, И. И. Басаргин, военком А. А. Юдин и помвоенкома А. М. Цеховский.

Сегодня после обеда объявлен приказ: двигаемся дальше, к Нижнему Тагилу. А хорошо бы пожить здесь денек — два еще. Но ничего не поделаешь: приказ надо выполнять… Возможно, двинемся не пешком, а по железной дороге.

7 октября. Станция Салка

5 октября весь полк собрался в окрестностях Салки.

Положение наше ухудшилось. Беляки не то позавчера, не то еще 4 октября взяли Нижний Тагил и станцию Сан-Донато. Мы отрезаны от бригады и дивизии. Из наступления, предпринятого полком, ничего не получилось. Соединиться со своими, которые воевали в Тагиле, не удалось. Теперь занимаем оборону у станции Салка. Рядом село Покровское. Белые обстреливают нашу роту из пулеметов, но близко не подходят. Мы в ответ стреляем по ним.

Видел раненых китайцев. Очень мужественно переносят боль. И сражаются до последней возможности. Когда кончаются патроны, с криком «контрами!» бросаются в штыки. Что такое «контрами», никто толком не ведает, но предполагаем что-нибудь вроде «бей контру!»

Под Шадринском сражались плечом к плечу с мадьярами, а теперь рядом с нами китайские товарищи. Как это прекрасно! Значит, и за пределами России люди понимают, что Октябрь несет свободу всему миру.

При царизме русских старались натравить на другие народы, а другие народы на русских. Но стоило свергнуть власть царя и капиталистов, как русские рабочие и бедняки-крестьяне протянули руку трудовому люду всех стран. Наши враги — не турки или мадьяры, а богачи любой национальности, и прежде всего — русские. Наша непобедимая сила в братстве с трудящимися всего мира.

Сегодня китайские товарищи вместе с нами проливают кровь под Нижним Тагилом. Но придет час, когда и мы поможем трудовому Китаю освободиться от своих и пришлых угнетателей…

Пока я сидел над своим дневником, командование приняло важное решение. Только что объявили: под утро отступаем

дальше. Надо торопиться — как бы белые окончательно не перерезали путь на Кушву. Отступать придется по бездорожью, через болота и леса. Что и говорить, дело невеселое.

А у меня есть еще и личные причины, из-за которых ухудшилось настроение. Я никому об этом не говорил, но в дневник записать надо.

Сегодня встретился со знакомым камышловским гимназистом Сашкой Чуваковым. Как он попал в полк, не знаю. Сашка немного старше меня, но остался однажды на второй год, и учились мы вместе.

Говоря по-честному, мне он в гимназии нравился: не унижался перед учителями, не выпрашивал хороших отметок. Когда выгоняли из класса, шел спокойно. В драках не трусил.

И вот мы снова вместе. Сашка — тоже красноармеец. Но на кого он похож! Шинель без ремня и хлыстика. Сам давно не умывался, винтовка в грязи. Вид растерзанный, жалкий. Даже трудно поверить, что это — некогда лихой и смелый гимназист Чуваков.

Разговорились. Он твердит лишь одно:

— Мы отрезаны, все пропало, спасенья нет…

Пытаюсь с ним спорить, но в ответ слышу:

— Дурак был, что пошел с красными.

Как же это понимать? Выходит, он пошел в Красную Армию, надеясь, что она легко и скоро победит. А едва наступил час испытаний, раскис.

Ясно: у него не было твердой и честной веры, убежденности в правоте пролетарского дела.

Я понимаю, что среди нас могут оказаться всякие люди, по разным соображениям примкнувшие к революции. Но когда сам встречаешься с таким человеком, да еще этот человек оказывается твоим давним знакомцем, становится не по себе.

А тут еще новое осложнение: вместе с нами через леса и болота пойдут подводы с беженцами. Белые без жалости и пощады расправляются с семьями красноармейцев. Потому и приходится нам брать с собой женщин, стариков и детей из-под Тюмени, Долматова, Верхней Течи, Катайска, Каменска, Камышлова, Егоршина, Алапаевска.

Как мы будем с ними двигаться, не могу себе представить. Но ведь не оставишь их, не бросишь на произвол судьбы!

10 октября. Деревня Ясьва

Неужели не найдется писатель, который рассказал бы людям

о нашем походе?!

Идем уже не первый день, а запомнился каждый час, каждый шаг. Поначалу, от Салки, дорога была сносная. Мы приободрились — не так страшен черт, как его малюют. Но вскоре выяснилось, что радовались преждевременно.

Поля кончились, колонна вошла в лес. Дорога превратилась в узкую дорожку, а еще через несколько верст — в тропку. Эта тропка и привела под утро в совсем гиблые места. Кругом — болота, поросшие реденькими елями и березками.

Было бы еще полбеды, если б шли гуськом несколько человек, а то — целый полк, с артиллерией, обозом. После кавэскадрона, головного третьего батальона и штаба от тропы ничего не осталось. Что ни шаг, чуть не по колено проваливаешься в грязь. Молодым так-сяк, а пожилым тяжело.

Вместе с нашим первым батальоном двигалась полковая батарея, за ней второй батальон, потом китайские роты и, наконец, тылы 1-го Горного полка.

Артиллерийские лошади выбились из сил и вскоре пристали. Тогда командиры приказали разобрать снаряды из передков, взять по одному на брата.

Так у нас в вещевых мешках оказались снаряды. Вытаскивать ноги из грязи стало совсем невмоготу. Да и лошадкам нашей помощи хватило ненадолго., Не ожидая приказа, мы на гиблых местах впрягались в упряжки сами. А как же иначе? Не оставлять же в беде нашу славную боевую батарею!

Совсем плохо было с беженцами. Детишки, старики, женщины ехали на подводах. Лошади то и дело останавливались. Колонна двигалась черепашьим шагом.

Кое-кто из бойцов начал роптать: «Связались с бабьем, а приказ останется невыполненным, к месту назначения опоздаем». Но таким быстро затыкали рот, обрывали на полуслове.

Однако так дальше продолжаться не могло. Командиры посоветовали беженцам по возможности сгрузить с подвод добро. Женщины и слушать не хотели.

Пришлось прибегнуть к принудительным мерам. И тут началось нечто несусветное. Крик, гам, слезы. Все вокруг покрылось пухом из разорванных подушек и перин.

Кто-кто, а мы хорошо понимали, каково женщинам лишиться своего скарба, годами накопленного на трудовые копейки. Но иного выхода не было. Ведь это делалось, чтобы спасти жизнь тем же женщинам, детям, старикам и иметь возможность снова бить врагов революции.

Я отлично понимал, насколько все это правильно. Однако у меня остался тяжелый осадок после «пухового побоища». Пишу, а

у самого и сейчас перед глазами стоят охваченные горем женщины, слышу их жалобы, ругань, плач…

Вскоре мы нагнали 3-й батальон. Не потому, что быстро шли. Просто он застрял. Начиналась непроходимая лесная топь. Теперь уж, казалось, никак не пробиться вперед.

Но, наверное, мы сами не знаем своих сил, не знаем, на что способны ради жизни, ради победы.

Принялись настилать гать. Одни рубили деревья, другие очищали их от сучьев, третьи укладывали. Беженцы, забыв о недавних обидах, тоже принялись за работу.

Продвигались мы медленно, но все-таки продвигались.

С грехом пополам вышли к реке Тагилу у деревни Ясьва. Здесь — снова беда. Река, хоть неширокая и неглубокая, но быстрая. А ни парома, ни моста нет. Первым встал вопрос: как быть с батареей? Над этим все ломали голову: и командиры, и красноармейцы. Предлагались разные способы. В конце концов решили перетянуть пушки канатами на небольшом плоту вручную. Одно орудие затонуло и его долго вытаскивали. Сам товарищ Акулов Ф Е. хлопотал по горло в воде. Четыре часа возились с батареей, а всего на переправе пробыли шесть часов.

За рекой Тагилом стало посуше. Плохонькие лесные проселки показались нам мостовой. Как приятно, когда под ногами не чавкает грязь, когда тебя не засасывает болото!

Однако опять же радоваться было рано. Мы потеряли связь с дивизией. Никто не знает, в чьих руках Кушва, к которой пробиваемся с таким трудом.

Командиры беспокоятся, как бы белые раньше нас не вышли на дорогу Ирбит — Кушва.

Стараемся идти побыстрее. Но чувствуется, что люди сильно измучились. Да и питаемся кое-как: сухари, чай.

Командиры рот, комиссар товарищ Юдин, его помощник товарищ Цеховский, заместитель председателя полкового партийного коллектива Миша Ковригин, председатель укома товарищ Федоров все время с нами. Они наравне со всеми мостили гать, перетягивали пушки и пили дымный чай из котелков.

От этого делаешься спокойнее и увереннее. Видишь, что вожаки наши, такие же простые люди, как и мы. У них есть перед нами лишь одно преимущество: в самый трудный момент умеют шуткой, острым словом приободрить всех нас. Этим же бесценным качеством обладает (и пожалуй даже лучше других) наш любимый агитатор товарищ Лобков. Он — маленький, невзрачный на вид человек лет тридцати, а уже успел побывать в Сибири на каторге. Когда он рассказывает о большевиках-

подпольщиках, об их работе «на воле» и поведении в тюрьмах, чувствуешь прилив сил, готов горы свернуть.

Разве пережитое нами на марше можно сравнить с тем, что испытали наши старшие товарищи, при кровавом царизме боровшиеся за революцию?!

14 октября. Кушва

Не так уж много времени прошло после нашего отступления от Салки к Кушве. Но теперь это — тема воспоминаний, повод для шуток. Можно посмеяться над тем, как вытаскивали из грязи ботинки, «воевали» с женщинами, «купались» в холодном Тагиле.

Шутки шутками, а ведь могло все кончиться худо, поддайся люди панике, страху, нарушь дисциплину, боевую спайку. Мог кто-нибудь и дезертировать, спасая свою шкуру. Ведь еще до похода один такой нашелся. Это был Сашка Чуваков. Хныкал-хныкал, да и удрал из полка.

В общем марш кончился гораздо радостнее, чем начался.

От Ирбита белые не успели подойти, и дорога нашему полку на Кушву была свободна. Со стороны Нижнего Тагила противник хоть и продвинулся, но отрезать нам путь тоже не смог.

Встретились с представителями 1-й бригады и политотдела дивизии. Они не меньше нас обрадовались этой встрече. В дивизии уже думали, что полк погиб, а мы живы-здоровы. Оставили белым лишь поломанные телеги и домашний скарб, брошенный в болото.

Когда вступали в Кушву, на улицу высыпали рабочие, женщины, дети. Все от души нас приветствовали.

Не стану описывать, как мы отмывались, отсыпались, как лихо расправлялись с горячими щами и кашей, с какой жадностью набрасывались на газеты.

Сразу же после прибытия в Кушву в моей красноармейской жизни произошла большая перемена. Меня вызвал комиссар полка товарищ Юдин и сказал, что я назначаюсь полковым корреспондентом. Должности такой, конечно, нет. Просто мне надо находиться с комиссаром, знать все, что происходит в полку, и писать о наиболее интересном в газету нашей дивизии «Окопная правда» и в газету 3-й армии «Красный набат».

Я немного растерялся. Кроме того, не хотелось уходить от друзей. Но товарищ Юдин обещал отпускать меня в любую роту. И не только отпускать, а даже посылать. «Какой же ты корреспондент, если не будешь знать, как живут красноармейцы», — сказал он.

Почему выбор пал на меня, не понимаю. Вероятно, комиссар заметил мои маленькие статейки, которые печатались иногда в «Окопной правде». Я не стал выяснять причину. Зачем задавать лишние вопросы?

Предложение комиссара, когда я его обдумал, мне понравилось. Ведь это благородное дело — писать о наших героических красноармейцах и командирах. Хорошо, если о каждом подвиге будут узнавать многие люди, если имя смельчака будет передаваться из уст в уста. Только сумею ли я красочно описать?..

Постепенно привыкаю к товарищу Юдину. По первому впечатлению, он мрачноватый, молчаливый. Невольно испытываешь робость перед этим большим, грузным матросом-черноморцем, перед его густым басом.

Однако я уже убедился, что комиссар наш в обращении с красноармейцами прост и душевен. Во время боя, это я не раз видел, товарищ Юдин верхом выезжает на позиции, словно ему и пули нипочем.

Поселился я в домике по соседству с командиром и комиссаром. Нас здесь трое. Кроме меня, мой земляк, один из немногих избежавших ареста коммунистов, Иван Андреевич Голиков, который ведает охраной штаба, и ординарец командира полка Осип Полуяхтов — тоже коммунист. Ивану Андреевичу под сорок, Осипу нет и тридцати. Чувствую, что мы с Полуяхтовым сдружимся.

17 октября. Кушва.

Со вчерашнего дня нашим полком командует товарищ Ослоповский. Товарищ Акулов стал командиром 1-й бригады. Батальон от товарища Ослоповского принял боевой командир роты товарищ Полуяхтов, бывший председатель Ильинского волисполкома.

Вчера зашел по делам к товарищу Юдину. Его не оказалось дома. Командир полка товарищ Ослоповский меня спрашивает:

— Кто такой будешь?

Я назвался. Он посмотрел внимательно, задумался:

— Случаем, не Ивана Николаевича сын?

— Его самого, — ответил я, волнуясь. (Когда спрашивают об отце, не могу не волноваться.)

Комполка вспомнил, как он с бойцами, отходя из Песков к Камышлову, попал в нашу Борисову. Там услышал про моего отца, про других коммунистов, арестованных белыми. Зашел к

нам домой, разговорился с матерью, утешил ее, как умел. От матери узнал и про меня.

— Не зря говорят, что земля тесна, — улыбнулся командир полка. — Выходит мы с тобой теперь вместе белых крошим.

— Выходит так, товарищ Ослоповский, — ответил я.

— Смотри, с тебя, как с сына Ивана Николаевича, спрос вдвойне…

Мне по душе пришелся этот короткий разговор. Понравилось и то, что командир полка побывал у нас дома, когда узнал о нашей беде, что запомнил разговор с мамой и называл ее теперь Вассой Васильевной.

В Кушве я опять увидел китайцев. Теперь они сведены в особый батальон. Командует батальоном Жен Фу-чен. Однажды при мне китайские товарищи фотографировались на улице вместе с Филиппом Егоровичем Акуловым, Ослоповским, Юдиным и помощником командира полка С. Т. Акуловым.

Среди наших бойцов много разговоров о китайских товарищах. Известно, что они любят оружие и никогда с ним не расстаются. Особенно ценят «машинки». Так они называют пулеметы. Штыков на винтовках у них сохранилось больше, чем у нас. Следят за обмундированием, ходят с красными бантами,

У китайцев, как я успел заметить, дисциплина крепкая. Безоговорочно выполняют любое требование не только батальонного или ротного командира, но и взводного, и отделенного. Сами красноармейцы строго следят, за, порядком. К нам относятся, как братья. При встречах смеются, хлопают по плечу, жмут руку.

Жаль будет, если придется расстаться с ними. А такие разговоры ведутся. Говорят, что создается китайский полк.

24 октября. Кушва

Наш кушвинский отдых продолжался недолго. Вскоре после того как мы вошли в Кушву, белые начали на нее наступление. Накопив порядочные силы, они захватили Лайский завод, станцию Лаю, деревню Малую Лаю, Нижне-Баранчинский завод и 18 октября приблизились к Кушве.

Тут-то командиры и решили направить на врага наш полк. Хотя у белых гораздо больше людей и оружия, надеялись, что мы не подведем. Полк и правда не подвел. Подошли к белякам незаметно, скрытно. Ударили с такой силой и яростью, особенно у горы Гребешки, что от беляков только пух полетел. На дороге противник оставил много пулеметов, винтовок, снарядов и обоз.

Поле между станцией Баранча и Баранчинским заводом усеяно убитыми и ранеными.

Мы, не давая белым передохнуть, гнали их верст двадцать пять. Вернули все деревни, станции и заводы до самого села Балакино.

А сколько истинных героев выявилось опять в нашем полку! Про начальника полковой пулеметной команды товарища Таланкина Афанасия Семеновича рассказывают просто чудеса. Переодевшись в форму офицера, он вышел навстречу белым и выспросил у них о заставе под горой Гребешки, выведал самые удобные подступы к ней.

После боя я, как всегда, заинтересовался пленными: нет ли из деревень нашей волости, не знает ли кто об отце, о нашей семье? На этот раз мне повезло. Среди пленных из разбитой 7-й пехотной дивизии князя Голицына отыскал несколько земляков. Они выложили все, что знали о моей родне.

Отец, по словам пленных, жив. Находится вместе со своими товарищами-коммунистами в челябинской тюрьме. Наша семья по-прежнему в Борисовой. Маму таскали в сборню[1] на допросы. Однажды в праздник кулачье выбило у нас окна. В Каменском заводе тоже бандитствуют кулаки.

Я понимаю, что рассказам пленных полностью доверять нельзя. Кроме того, многое могло измениться в последние дни. И все-таки у меня укрепилась надежда, что отец останется в живых.

Мысль о нем не покидает меня никогда. Бывает, ночью на марше бредешь усталый и представляешь себе, как встречаешься с отцом, как беседуешь с ним, вспоминаешь отцовы наставления. Закроешь глаза и видишь перед собой его лицо.

Чтобы спасти отца, надо скорее разбить белых.

Наши красноармейцы рвутся вперед. Последние победы разгорячили всех. Только и разговоров: «Отбить бы у беляков Нижний Тагил».

Но дальше наступать нам запретили: можем оторваться от соседних полков и попасть под удар.

29 октября. Кушва

О наших славных победах знают в Москве! Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет наградил наш полк почетным Красным Знаменем, а командование дало ему название — «Красные орлы».

Позавчера состоялось торжественное вручение Знамени. Те части полка, которые находятся на позициях, прислали в Кушву

своих делегатов. Было много представителей от других полков дивизии. Из столицы прибыл уполномоченный ВЦИК, из Перми — командующий армией, член Реввоенсовета и политкомиссар армии.

Утром на станцию Гороблагодатская для встречи прибывших от полка был выслан почетный караул, в который вошла вся 1-я рота товарища Баженова.

В Кушве около памятника жертвам революции состоялся большой митинг. В момент вручения Знамени выглянуло солнце и сделалось особенно светло и радостно. Первый раз в жизни я услышал сразу три полковых оркестра. Всем торжеством руководил товарищ Акулов Ф. Е.

Прочитали постановление ВЦИК и приказ по 3-й армии.

Я так волновался, что ничего не запомнил из постановления, да и приказ перечитывал потом снова. В приказе перечислялись боевые заслуги полка «Красных орлов», говорилось, что полк своим примером восстановил надломленные моральные силы дивизии и доказал всем: молодая Красная Армия никогда не допустит победы врагов трудового народа.

Представитель ВЦИК вручил Знамя командиру 1-й бригады товарищу Акулову, а тот передал его командиру нашего полка товарищу Ослоповскому. С ответной речью от полка выступал наш военком товарищ Юдин.

Наступила незабываемая минута. Товарищ Ослоповский вызвал первого знаменщика нашего полка рабочего-добровольца Якова Овсянникова. За Овсянниковым шел я, за мной — Саша Мясников, алапаевский комсомолец.

Когда я узнал, что вместе с Овсянниковым и Сашей буду принимать Знамя, то от радости не находил себе места. Вот бы увидел отец!

Я решил, что раз нахожусь при Знамени, должен как можно лучше вооружиться. Прихватил ручные гранаты. Русскую «бутылку» заткнул за пояс, а английскую гранату «мильса» прицепил на ремень.

Воодушевление наше не знает границ. Мы готовы к новым боям во имя всемирной власти Советов.

8 ноября. Кушва

Ровно год назад была свергнута власть помещиков и капиталистов. Этот день — праздник всего трудового человечества.

6 ноября мы собрались в нетопленом клубе Кушвинского

завода, чтобы отметить великую годовщину. Выступали товарищи из дивизии и из полка. Самую зажигательную речь произнес начальник политического отдела старый большевик Валентин Михайлович Мулин. Меня эта речь прямо-таки потрясла. Даже то, что говорилось уже товарищами, выступавшими раньше, Мулин как всегда сумел высказать по-своему, какими-то особыми задевающими каждого словами. В конце речи голос его вдруг зазвенел. Он стал на память читать Горького:

«— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко… Разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой. Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали, как камни. — Идем! — .крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям. Они бросились за ним, очарованные… Лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река…».

Когда Мулин кончил, никто не хлопал. Триста человек, сидящие в холодном зале, молчали потрясенные.

Некоторые и раньше читали «Старуху Изергиль», но большинство не знало этого знаменитого горьковского произведения. Однако до всех дошел смысл, который вложил товарищ Мулин в образ Данко: большевики — люди огненного сердца, ради счастья народа они готовы пожертвовать всем, готовы разорвать свою грудь и вынуть сердце, которое осветит беднякам путь к свободе.

Я раздобыл томик Горького. Вновь читаю и перечитываю «Старуху Изергиль». Хочу запомнить наизусть. Каждый раз, когда подхожу к словам: «Что я сделаю для людей?!» — слезы душат меня, строчки расплываются перед глазами.

Я немало пережил за последнее время. Видел, как гибнут в бою товарищи, сам бывал на шаг от смерти. Но никогда, ни разу не плакал. Никто не может сказать, что у меня «глаза на мокром месте». А читая про Данко, то и дело достаю платок. Данко выражает самое близкое моей душе, самое сокровенное в моих мыслях.

Рассказать об этом я никому не смог бы, не сумел, но в дневнике признаюсь: мечтаю хоть немного походить на него,

отдать сердце людям труда. Хочу, чтобы слова про Данко стали моей клятвой на всю жизнь.

9 ноября. Кушва

Вчера не успел написать об остальных событиях праздничных дней. Наверстываю сегодня.

Рано утром 7 ноября вместе с комиссаром Юдиным и двумя товарищами из политотдела — Басаргиным и Мендельсоном я верхом поехал на позицию в Малую Лаю. За нами в розвальнях везли подарки для красноармейцев. Труженики Советской России, несмотря на нужду, помнили о своих защитниках и слали им к празднику гостинцы. В белом мешочке — пачка махорки, курительная бумага, коробок спичек, нитки, иголки, конверты и другие полезные вещи. Кроме того, письмецо с сердечным поздравлением.

Ехали долго. Лесная дорога оказалась длинной и трудной. Когда приблизились к деревне, попали под артиллерийский обстрел. Снаряды рвались прямо на дороге, но мы благополучно добрались до околицы. Здесь начинались проволочные заграждения и окопы нашего батальона. Нагрузившись подарками, отправились по ротам.

Гостинцы принесли большую радость красноармейцам.

— Передайте рабочему классу, что мы не подкачаем, — просили нас товарищи.

После того как подарки были розданы, часть бойцов собралась на митинг в избе посредине деревни. Изба большая, но когда в нее набилось человек пятьдесят да все сразу задымили махоркой из новых кисетов, теснота и духота стали невообразимыми.

Товарищ Юдин открыл митинг, поздравил всех с днем 7 ноября и разъяснил, почему празднуется этот день. Потом объявил:

— Слово для доклада о текущем моменте имеет красноармеец товарищ Голиков.

Я вышел вперед, снял шапку и начал свою речь. Когда заговорил, так волновался, что не слышал собственного голоса, не различал перед собой людей. Это первое мое выступление в Красной Армии. Да еще в такой день!

Говорил минут двадцать. Остановился на текущем моменте, на героических боях Красной Армии против белогвардейцев и мировой буржуазии, на революционной борьбе рабочего класса других стран, на задачах нашего полка «Красных орлов».

Красноармейцы слушали внимательно, сочувствовали моим переживаниям. После речи стали задавать вопросы. Я отвечал, как умел. Завязался общий разговор. Потом я достал привезенные с собой газеты и листовки. На них набросились с жадностью, и в две минуты от большой пачки ничего не осталось.

Товарищ Юдин меня ободрил. Сказал, что получилось неплохо, что надо выступать почаще и не к чему так волноваться.

Во время митинга белые опять стали обстреливать деревню. Один снаряд попал в баню, неподалеку от нашей избы. Там отдыхало несколько красноармейцев. Убитых не было, но оказались раненые и контуженые.

14 ноября. Кушва

Вспомнил, что в Кушву переехала моя первая камышловская квартирная хозяйка Евгения Францевна Кузьмина-Караваева. Это она в 1911 году согласилась подготовить меня к вступительным экзаменам в гимназию и приняла за небольшую плату к себе на квартиру.

Мне захотелось повидаться и поговорить с ней. Я думал, Евгения Францевна обрадуется, когда увидит, что ее ученик стал красноармейцем. Но все получилось совсем не так. В первый момент мы не узнали друг друга. Евгения Францевна заметно растерялась при виде человека в военной форме, а я растерялся оттого, что она сильно смущена.

Успокоившись, повела меня к мужу — Владимиру Абрамовичу Кирхгоф. Это обрусевший немец. Служил почтовым чиновником в Камышлове и здесь, в Кушве, занимается тем же. Он почему-то сразу стал возмущаться:

— Смотри, каких они детей мобилизуют в свой армию.

Мне это не понравилось: «они»… «в свою армию»… Да и какой я ребенок? Я уже давно привык, что ко мне взрослые относятся, как к равному.

— Никто меня не мобилизовывал, — твердо сказал я. — По своей воле пошел.

Старики были несказанно удивлены. Они не представляли себе, как можно по собственному желанию идти в Красную Армию, чтобы бить белых. Владимир Абрамович стал уверять, что я по молодости сделал легкомысленный шаг, что я раскаюсь и т. д. Принялись уговаривать меня уйти из Красной Армии:

— Ты можешь остаться у нас. А потом, когда снова вернутся нормальные времена, мы все объясним властям.

Тут я вовсе не выдержал. Сказал, что вступил в партию

большевиков, ни за что не изменю своим товарищам, а «нормальные времена», о которых они мечтают, никогда не вернутся.

Больше говорить было не о чем. Я встал и пошел к двери. Евгения Францевна провожала меня, бормоча себе под нос: «Очень жаль, очень жаль…». Мне тоже было жаль, что эти люди зарылись в своем обывательском гнезде, ничего не видят и не понимают, как слепые, цепляются за прошлое, которому нет возврата. Как они заблуждаются!..

Встретился я в Кушве и с моим одноклассником Костей П — цовым. В гимназии с ним не дружил. Он держался особняком, спесиво, любил напускать на себя важность. Но все это относилось к давно минувшей гимназической поре. А теперь, когда я увидел Костю на улице, обрадовался ему, как родному. Он тоже был рад встрече и потащил меня домой.

Хотя Костя предупредил, что терпеть не может разговоров о политике, не прошло и двух минут, как. между нами вспыхнул спор по вопросу «кто кого?». Рядом со мной сидел человек, которому не по нутру наша народная власть. И в конце концов я заявил прямо:

— Нам не о чем больше говорить.

С тем и ушел.

До сих пор я видел врагов перед собой, в их окопах. Знал, что существуют подпольные банды и заговоры. Костя не стрелял в нас и не устраивал крушения поездов (я уверен, что П — цов, кроме всего прочего, трус). Но он тоже против нас и ждет прихода белых.

Закончится война, мы победим вооруженных врагов, а борьба все еще будет продолжаться. Мне это особенно ясно стало после встречи с Костей П — цовым.

Однако сколько бы не было недругов, как бы долго не пришлось драться, мы победим во что бы то ни стало!

16 ноября. Кушва

Хочется написать о боевых успехах, которых добился в дни годовщины Октября Камышловский полк. В этом полку у каждого из нас друзья и знакомые. Нам радостно слышать, когда говорят: «Молодцы, камышловцы!».

Пользуясь тем, что наш полк «Красных орлов» закрепился у Баранчинского завода и у Лай, командование бросило камышловцев в помощь соседней дивизии, которая оказалась в трудном положении и под натиском белых отходила в сторону

Лысьвы.

Камышловский полк — им командует бывший секретарь уездного исполнительного комитета Бронислав Швельнис — неожиданно для беляков подошёл к. заводу, после упорного боя выбил оттуда врага, погнал его дальше и занял станцию Кын. Бои происходили 8 и 9 ноября. За два дня Камышловский полк взял в плен больше трехсот солдат, двух полковников и девять других офицеров.

Пленных по узкоколейке перевозили в Кушву. Пока эшелон стоял, я разговорился с ними. Одеты они неплохо — все в добротных шинелях, в форменных папахах, в пимах. Большинство — молодые, недавно мобилизованные — из-под Шадринска, Камышлова, Ирбита, Тюмени и частью из Сибири. Пожилых сравнительно мало.

Но и пожилые и молодые производят одинаковое впечатление. Это — запуганные, забитые, темные люди. Спрашиваешь: «Зачем и за что воюете?». Отвечают все одно и то же: «Не по своей воле», «Погнали», «Мобилизованные мы».

Пленные у меня вызвали скорее сожаление, чем злобу. Белые пользуются темнотой и отсталостью. Стоит поговорить с иными, попавшими в плен, и слышишь просьбу принять их в Красную Армию. Я верю, что многие из пленных будут честно бороться за власть Советов.

Вчера камышловцы вернулись из-под Кына обратно в Кушву. Мы радостно встретили товарищей, достигших большой победы.

Камышловцы рассказывают о боях, о своих героях. Но, как всегда в таких случаях, к радости примешивается и горе. Победа под Кыном досталась нелегко. Полк потерял немало доблестных бойцов и командиров.

18 ноября. Станция Баранчинская

Белогвардейская разведка не дремлет. То там, то сям слышишь о шпионах и лазутчиках. На днях я сам участвовал в поимке тайных врагов.

Было замечено, что один из жителей Баранчинского завода ведет себя подозрительно, надолго отлучается из дому, к нему ходят какие-то никому из местных не известные люди. Командование поручило Ивану Андреевичу Голикову произвести у этого гражданина обыск. Он взял с собой меня и еще нескольких красноармейцев.

Хозяева не ждали нашего визита. Муж и жена, пожилые люди, вначале засуетились, а потом стали в углу, как каменные. Мы не

обращали на них внимания и делали свое дело. Нигде ничего подозрительного не обнаружили. Тогда Голиков полез за божницу. Тут хозяин не выдержал:

— Хоть бы господа бога убоялись.

— А мы бога не обидим, нам он ни к чему, — ответил Иван Андреевич и вытащил из-за божницы пачку бумаг. Это были вырезки из нашей дивизионной газеты и небольшие клочки с карандашными записями о количестве людей и пулеметов в ротах, занимавших позиции в заводе.

— Вот тебе, иуде, для чего святая икона нужна, — сказал Голиков.

На следующий день шпиона расстреляли.

Или еще один случай. На станции Баранчинской красноармейцы задержали двух мальчиков. Одному лет двенадцать, другому — четырнадцать. Чистенькие, беленькие, видно, городские. Я с ними разговаривал. За словом в карман не лезут. На любой вопрос отвечают, бойко, гладко. Врут без стеснения.

Правду от них узнали только, когда стали допрашивать врозь и построже. Выяснилось, что мальчики — белогвардейские шпионы. Вторично переходят фронт и пробираются к нам. На этот раз им поручили узнать, где находится штаб нашего полка, где располагаются батарея и бронепоезд, от которого белякам нет житья. Малолетние шпионы признались, что их специально готовили где-то за Тюменью.

Вечером лазутчиков отправили в Кушву. Но по дороге один сбежал.

Случай со шпионом-стариком и шпионами-подростками заставили меня опять призадуматься. Сколько же врагов у нашей едва родившейся Советской власти?

22 ноября. Станция Баранчинская

Я все больше сдружаюсь с товарищами, с которыми вместе живу и воюю. Много времени провожу с заместителем председателя полкового партийного коллектива Мишей Ковригиным, помощником комиссара товарищем Цеховским, помощником полкового адъютанта Сашей Мясниковым.

Мы находимся по-прежнему на станции Баранчинской, возле батальонов. Здесь же командир и комиссар, а также адъютант полка Леонид Афанасьевич Дудин. Дудин — сын камышловского портного. Был прапорщиком. После революции вступил в нашу партию и пошел добровольцем в Красную Армию.

По разным делам бываю в Кушве, где располагаются строевая часть, казначейство и хозяйственная часть. Строевой частью ведает очень интересный человек — товарищ Григорьев Борис Николаевич. До революции он был дьяконом в селе Кочневском Камышловского уезда. Когда начались бои, вместе с Кочневской дружиной добровольно вступил в Красную Армию и показал себя смелым и честным бойцом. Из дьяконов расстригся, ходит в шинели и сапогах. Только рубаха и брюки черные — донашивает домашнее. Красноармейцы уважают товарища Григорьева за прямоту характера и хорошую работу. «Должность у него, говорят, чернильная, а душа человеческая».

«Чернильная» — это не совсем точно. Товарищ Григорьев всегда пишет химическим карандашом, а не чернилами. Карандашом он выписал и мне мандат от 27 октября 1918 года. На гербовой печати надпись: «Командир 1-го Крестьянского Советского Красного полка».

В мандате сказано так: «Дан сей мандат красноармейцу 1-го Крестьянского Советского полка Голикову Филиппу в том, что он есть действительно то самое лицо, что и удостоверяется». А внизу синим карандашом лихо расписался наш комполка товарищ Ослоповский.

На днях, когда я был в Кушве, меня позвал к себе председатель уездного комитета партии большевиков товарищ Федоров Антип Евгеньевич. Как и всегда, он находится вместе со штабом. Товарищ Федоров вручил мне форменный партийный билет № 39. Берегу билет как зеницу ока.

Мы с Яшей Овсянниковым и Сашей Мясниковым живем в теплушке, где хранится Знамя полка.

С Яшей разговаривать любопытно и полезно. Он всегда научит чему-нибудь ценному, даст дельный совет. Яков пришел в полк с тремя братьями, все они добровольцы, рабочие Каменского завода.

В старой армии Овсянников служил бомбометчиком, и, как только в нашем полку появились бомбометы, он взялся обучать команду. Я тоже заинтересовался. Обучение у нас практическое. Яша стреляет по белым. Сам заряжает, сам подкладывает мешочки с зарядами, сам отмеряет запальный шнур и отрезает его на нужную длину, сам поджигает. Когда бомба вылетает из ствола, мы долго видим ее в полете, а потом следим по дымку. Разрывается бомба очень громко, особенно если в воздухе — «на шрапнель».

Белые помалкивают, когда рвутся яшины бомбы, а наши бойцы любят такие минуты. Хорошо, что бомбометы нетяжелы в весе, их нетрудно переносить. Плохо, что бомб маловато да

возиться приходится долго при выстреле.

Стреляет бомбомет недалеко, меньше чем на версту. А все-таки белым он не по вкусу.

26 ноября. Станция Баранчинская

На моих глазах проходит жизнь и работа командира и комиссара полка. Чем больше я узнаю о товарищах Юдине и Ослоттовском, тем уважительнее к ним отношусь.

Живут они просто, скромно, в одной небольшой теплушке. Еду им готовит и стирает белье жена товарища Юдина — маленькая подвижная женщина, очень энергичная и бесстрашная.

Я вначале предполагал, что женщина должна робеть на фронте. Но однажды увидел, как держит себя при сильном артиллерийском обстреле товарищ Юдина, и подумал: дай бог так каждому мужчине.

Она уже довольно пожилая — больше тридцати лет, — но со всеми, в том числе и с нами, молодыми красноармейцами, держится свободно, по-приятельски. Когда надо, не постесняется сделать замечание: почему хлястик оторвал или рубаха грязная.

В командирской теплушке всегда полно народу. Вечерами, до поздней ночи, сидят командиры батальонов товарищи Григорьев, Полуяхтов и Баженов, помощник командира полка Кобяков, товарищи Стриганов и Ковригин, бессменный адъютант полка товарищ Дудин, командир бронепоезда товарищ Быстрое, командир батареи товарищ Лашкевич. Всех и не перечислишь.

Утром, еще затемно, командир и комиссар выезжают верхом то в Баранчу, то в Лаю, где стоят батальоны и роты. Я еду с комиссаром, а с командиром — его ординарец Осип Полуяхтов. Раньше наши с Юдиным лошади шли рядом, и мы разговаривали между собой. Но в последние дни выпал снег и можно ехать только гуськом. Разговаривать почти не приходится. Жаль…

Теперь я хорошо узнал нашего комиссара, привык к нему. Это добрый, заботливый, во все вникающий человек. Даже странно вспомнить, что я вначале немного боялся и стеснялся товарища Юдина.

Все дела командир и комиссар решают совместно, дружно. Они умеют, словно бы незаметно, перекинуться при всех двумя — тремя словами и сразу договориться. Помогает им то, что оба они флотские и с первых дней революции бесстрашно служат ей. А главное — оба члены нашей партии коммунистов.

А вот характеры у них несходные. Товарищ Ослоповский легко вспыхивает, чуть что — кричит, грозится. Комиссар

сдержаннее, он редко повышает голос. Его спокойствие охлаждает Ослоповского, и тот переходит на деловой тон.

Конечно, иногда и поспорят. Бывает, что и комбаты в чем-нибудь не соглашаются с комиссаром. Товарищ Юдин никого не обрывает, дает высказаться. Потом приводит свои соображения. Мне нравится, когда идут такие деловые споры, обсуждения. Чувствуется, что все наши начальники — одна семья, дружная, единая. Ослоповского и Юдина особенно уважают за их большой опыт, военный и революционный. Ведь они тоже прежде были обыкновенными красноармейцами. А теперь вот возглавляют полк.

Командир полка очень дружит со своим ординарцем Осипом Полуяхтовым. До революции Полуяхтов был унтер-офицером в пехоте. Наш командир ценит боевую сметку ординарца, часто спрашивает его: «Как ты считаешь, Осип Иванович?». Осип выкладывает свое мнение. И не было случая, чтобы комполка с ним не посчитался,

Все мы живем одной мечтой — добиться победы рабоче-крестьянской власти и мировой пролетарской революции. Отсюда и дружба наша, и наше единение.

Я по-прежнему много времени провожу в ротах. Доставляю газеты, листовки, брошюры. Читаю вслух, беседую с бойцами о текущем моменте. Обо всем интересном в красноармейской жизни вечерами пишу в «Окопную правду». Заметки мои печатаются часто. Недавно к нам приехал начальник политотдела товарищ Мулин. Он подошел ко мне, пожал руку и сказал:

— Я вас знаю.

— Откуда, товарищ Мулин?

— По заметкам в нашей «Окопной правде». И не только вас, но и многое о «красных орлах».

Я смутился, почувствовал, что краснею. А товарищ Мулин глянул на меня по-отцовски и посоветовал писать не только о хорошем, но и о недостатках.

Последнее время я таких недостатков замечаю немало. Плоховато, например, у нас с обмундированием. Не хватает пимов, шинелей. Совсем худо с полушубками Красноармейцы ходят в чем придется: кто в домашней одежде, кто в форменном обмундировании, кто вперемешку. А на улице все холоднее и холоднее. Морозы достигают двадцати градусов. Впереди зима.

Неладно с питанием. Совсем редко бывает мясо. Трудно с хлебом: из овсянки и то не всякий день. Исправно получаем только крупу и сушеные овощи.

О харчах и одежде много разговоров. Об этом красноармейцы нередко спрашивают командиров и комиссара. Но все понимают

— республика Советов в трудном положении, надо терпеть.

Наш полк давно не получал пополнения. Последний раз мы пополнялись около Алапаевска. Тогда в полк влился добровольческий отряд алапаевских рабочих, которым командовал товарищ Павлов. Алапаевцы крепко поддержали нас в бою под горой Гребешки,

Но ведь сколько времени прошло с тех дней, сколько боев? А что ни день — потери. И сейчас санитарная летучка все время возит раненых в Кушву. Особенно достается ротам, которые сидят в первой линии. Окопы неглубокие, одиночные, изредка на два — три человека.

Белые в последнюю неделю что-то оживились. Даже по ночам не дают покоя: ходят в разведку, делают огневые налеты, изредка атакуют наши позиции. Красноармейцам всю ночь приходится мерзнуть в окопах. Появились обмороженные.

Из разговоров в штабе я понял, что беляки подтягивают свежие силы, готовятся к наступлению против нас и соседних с нами полков, а также у Верхотурья.

Под Верхотурье послали на усиление китайский батальон. Мы очень сожалеем об уходе китайских товарищей. Сердечно прощались с ними, от всей души желали км победы.

С недавних пор у беляков появились два бронепоезда. Теперь мы почти ежедневно наблюдаем поединки бронепоездов. Весь штаб выходит из теплушек, красноармейцы вылезают из окопов посмотреть на это зрелище.

Белые бронепоезда от станции Лая направляются к Нижне-Баранчинскому заводу. Едва высунувшись из леса, открывают огонь по станции Баранча, где стоит наш штаб, и по голой высотке у железной дороги.

Тогда из низинки выходит геройский бронепоезд товарища Быстрова и смело открывает огонь по двум белым поездам. Беляки начинают маневрировать, и мы по дыму из паровозов определяем их место. Наш бронепоезд не ослабляет огня, и вражеские поезда, как ошпаренные, мчатся к Лае.

Но однажды пострадал и красный бронепоезд. Вражеский снаряд угодил в переднюю балластную площадку. Бронепоезд дал задний ход и отошел на станцию под прикрытие полковой батареи. Когда балластную площадку отремонтировали, поезд снова помчался к лесной опушке, где укрылись белые. Мы кричали «ура», махали руками, подбрасывали шапки.

С большой радостью убеждаюсь я в том, что в наших рядах много героев. Только вчера услышал от комбата-2, в какой переплет попал он у Баранчинского завода еще в октябре!

Товарищ Полуяхтов зачем-то зашел в нашу теплушку. Мы

попросили его рассказать, как было дело. Комбат долго отнекивался, но потом рассказал.

С группой красноармейцев он ворвался в толпу белых. Силы были неравные. Беляки стреляли и напирали со всех сторон. Особенно неистовствовали два офицера. Дело дошло едва не до рукопашной. Наши пускали в ход наганы. Товарищ Полуяхтов расстрелял два барабана, уложил несколько солдат и обоих офицеров. Но когда стал перезаряжать, барабан заело.

— Ну, а дальше что? — нетерпеливо спрашиваем мы.

— Вот и все, — отвечает товарищ Полуяхтов, лукаво усмехаясь.

— Как же так все?

— Раз мы здесь, а белые на том свете, значит все в порядке…

Так и не рассказал до конца.

1 декабря. Станция Гороблагодатская

Обстановка трудная. Третий день не стихают бои.

На рассвете 28 ноября белые атаковали наших в деревне Малая Лая. Против 2-го батальона и 9-й роты полка «Красных орлов» под сильным артиллерийским прикрытием наступали два пехотных полка, да еще два бронепоезда.

Беляки все время пытались окружить наших. Но красноармейцы дрались ожесточенно и храбро. Огнем из винтовок и пулеметов скосили две белогвардейские цепи. Третьей удалось все же ворваться в окопы. «Красные орлы» многократно поднимались в контратаку, чтобы удержать Малую Лаю. Не удалось. Пришлось ее оставить. 6-я и 9-я роты попали в окружение, однако вырвались, сохранив все оружие. Опять показал себя храбрецом комбат Полуяхтов.

Ночь с 29-го на 30-е прошла тихо. А утром, едва рассвело, белые нежданно-негаданно появились с тыла у самой Баранчинской станции и в упор открыли огонь по нашему полевому штабу. В это же время разгорелась стрельба у Нижне-Баранчинского завода.

Нас была небольшая группа, и мы нерешительно толпились у вокзала, кое-как отстреливаясь от наседавшей пехоты белых.

Вдруг дверь командирской теплушки распахнулась и мы увидели товарища Ослоповского. С минуту он стоял, широко расставив ноги, потом бросился к нам.

— Что вы тут?.. Вперед! За мной!

Мы воспрянули духом и с дружным «ура» устремились за своим командиром.

Белые ударили из легких пулеметов «льюисов». Но пули свистели над нашими головами: белогвардейские пулеметчики не на шутку струхнули и стреляли не целясь. Мы сразу же сообразили, в чем дело, и бросились в штыки.

Белые не выдержали, стали отходить к лесу. Мы едва успевали за своим длинноногим командиром.

Пробежали с полверсты по снежной целине и залегли. Дальше бежать невмоготу. Завязалась перестрелка.

Между нами и белыми шагов двести. Я нашел пенек и стал стрелять на выбор с упора. Видел, как попал в одного. Вероятно, тяжело ранил. Он полежал минут десять и пополз к своим.

Перестрелка продолжалась больше часа. Потом белые скрылись в лесу.

А бой за Нижне-Баранчинский завод не утихал. Я не хотел оставаться в штабе и отправился в роты, которые оборонялись на окраине завода.

До обеда наши дела шли неплохо. Как только противник поднимался в атаку, мы усиливали огонь, и уцелевшие беляки, бросая убитых и раненых, откатывались обратно в лес. Так повторялось несколько раз. Напрасно офицеры, размахивая револьверами и шашками, гнали солдат в наступление: ничего из этого не получалось.

Но когда стемнело, белогвардейцы, пользуясь поддержкой своих бронепоездов, захватили высоту неподалеку от станции. О той высоте часто говорили командиры на совещаниях: «От нее многое зависит». Теперь мы были у белых как на ладони. Они взяли наши роты под обстрел с фланга и опять попытались обойти полк. Но не там, где мы дали им отпор утром, а глубже — через железную дорогу между Кушвой и Баранчинской. Чуть-чуть не перехватили и большак Кушва — Нижне-Баранчинский завод. Если бы им это удалось, мы оказались бы в сплошном кольце.

Однако и без того наше положение было очень плохим. Прорываться из окружения нелегко. И кто знает, как сложилась бы судьба «красных орлов», если бы на помощь не подоспел наш старый верный друг — Путиловский кавалерийский полк. Спасибо также пехотинцам из резерва, которые пришли на выручку со стороны Кушвы.

Нас едва не постигла большая беда — чуть не потеряли полковое Красное Знамя. Дело было так.

Штабные теплушки двигались с Баранчи на Гороблагодатскую. Белые подошли к самому полотну железной дороги. Яша Овсянников, спрятав под рубашкой Знамя, отстреливался из дверей вагона, бросал под насыпь гранаты. Но какой-то гад выстрелом из винтовки попал Якову в грудь. Тот

упал у самой двери и чудом не вывалился из теплушки. Обливаясь кровью, почти в бессознательном состоянии, он отполз в сторону. Ему пособил лежавший тут же рядом тяжело раненный командир 1-го батальона товарищ Баженов.

Сейчас мы стоим на станции Гороблагодатекой. Стрельба со всех сторон: от Баранчи, от Кушвы и за Кушвой.

Рассвело. Холод пробирает до костей. Мороз больше двадцати пяти градусов. Вторые сутки не могу согреться. Пишу на вокзале. Но и здесь не теплее, чем на улице. Едва держу в руках карандаш.

Со вчерашнего утра ничего не ели. Провианта нет и не обещают.

3 декабря. Станция Гороблагодатская

Сейчас около 12 часов ночи. Но никому не до сна.

Товарищ Ослоповский назначен начальником Кушвинскрго боевого участка. Он бьется над тем, чтобы организовать отход собравшихся здесь частей 29-й дивизии.

4-му Уральскому, Стальному Путиловскому кавалерийскому и нашему полкам приказано приготовиться к отходу на станцию Азиатскую.

У нас полком командует временно товарищ Кобяков. Чтобы задержать белых, он приказал батальонам занять высотки, расчистить от снега окопы, выставить заставы и полевые караулы. Разведка ведется в сторону Верхне — и Нижне-Баранчинских заводов.

Пока что белые не напирают…

Минуту назад получено приказание комбрига товарища Акулова. Наш и Камышловский полки перебрасываются не на станцию Азиатскую, а еще дальше на станцию Теплая Гора.

Неужели придется отступать так далеко?

4 декабря. Станция Хребет Уральский

День ото дня все хуже и хуже.

Дорога заметена снегом. Ветер не дает дышать. Мы отступаем вдоль железнодорожной линии от Кушвы к станции Теплая Гора. Надо же такое название, когда мороз не меньше тридцати градусов?

Полк сильно пострадал. Сколько убитых, раненых! Немало товарищей замерзло в лесу. Стоит чуть отстать, сбиться с дороги

и — конец.

Мы сильно истощены. Некоторые едва передвигают ноги У организма нет сил бороться с холодом.

Голодаем. С провиантом было плохо еще под Баранчинским заводом. Но тогдашнее наше положение даже сравнить нельзя с теперешним.

Я видел, как красноармейцы набирают в котелок снег и черпают его ложками — создают иллюзию еды.

Голод доводит до отчаяния. Один товарищ сказал мне в минуту горького раздумья:

— Разве пустить себе пулю в лоб? Все равно ведь не дойдешь до Теплой Горы…

Вчера в штаб принесли кусок мороженого мяса. Сварили, разделили поровну на всех. Каждому Досталось по жесткому, как резина, ломтику. Сжевал и не понял — то ли говядина, то ли конина.

Такое трудное положение не только в нашем полку, но и во всей дивизии. Одинаково с нами голодают и бедствуют люди в бронепоезде товарища Быстрова.

Мы идем вдоль Горнозаводской железной дороги. Нас догоняют недобрые вести.

По слухам, под станцией Выя и Нижней Турой белые окружили Камышловский и китайский полки. Товарищи дрались геройски. Никто не сдавался в плен, не просил пощады. Китайский полк будто бы погиб целиком. Беляки особенно ненавидят китайцев. Против них они и двинули больше всего сил. Если кого-нибудь захватывали в плен, зверски терзали, а потом убивали.

Никогда не забудем о гибели китайских братьев!

Остатки Камышловского полка прорвали все-таки вражеское кольцо и с боями отошли к Кушве. Теперь они тоже отступают к Теплой Горе. Только другой дорогой.

Нет с камышловцами их доблестного командира. Бронислав Иванович Швельнис погиб смертью храбрых, когда выводил полк из окружения. Под станцией Выя он был тяжело ранен и, не желая попасть в плен, застрелился.

Для меня это особенно большое горе. Ведь я знал товарища Швельниса еще в Камышлове. Он как друг помогал мне в первые дни моей работы в конторе «Известий».

Тогда-то я и решил, что надо быть таким же отзывчивым, внимательным к рабочим людям, как секретарь исполкома коммунист Швельнис. Теперь нет его с нами. Ветер намел, наверное, уже сугроб над его могилой.

Многих красноармейцев и командиров потерял за пять дней

боев и рабоче-крестьянский полк, который оборонялся неподалеку от нас на позициях под Кушвой, в Куткино. В штабе я слыхал, что против одной нашей 29-й дивизии наступало четыре дивизии белых. Да ведь суть не только в цифрах. Белые подвели свежие части, а мы воюем беспрерывно пять месяцев.

На стороне врага и численный перевес, и сил у него больше. Не говорю уж про продовольствие.

Наши бойцы приуныли. Они страшно утомлены. Действует и то, что мы все удаляемся от родных мест, от дома. Ведь большинство наших из Шадринска и Камышлова

И все-таки мы не сломлены.

Раньше чуть что, какая-нибудь неудача на фронте — сразу пошли разговоры: «Все пропало», «Советской власти конец». Сейчас не услышишь такое, хотя хуже нынешнего положения, по правде сказать, я не представляю.

Мало нас, но мы держимся друг за друга. Каждый старается не отстать от своей роты, своего батальона. Знаем, как белые ненавидят «красных орлов» и что ждет нас, если попадем в руки врага.

Наш полк отходит, но не бежит. Паники в своих рядах мы не допускаем. Ни одна из частей нашей дивизии не была отрезана.

По железной дороге везут раненых, боеприпасы. Придет час, раненые выздоровеют, станут в строй, в наш полк вступят новые бойцы. И боеприпасы еще пригодятся.

Я в это верю. Поэтому-то, несмотря на голод, мороз, потери, продолжаю вести дневник.

6 декабря. Станция Теплая Гора

Вчера мой дневник мог оборваться самым неожиданным образом. Я чуть было не погиб.

Ехал верхом из первого батальона с разъезда № 110 в штаб на станцию Теплая Гора. Иначе как по железнодорожному полотну для лошади нет пути. Кругом такой снег, что и шагу не ступишь.

Еду час, второй. Темнеет, крепчает мороз. Вот и выемка. Теперь, думаю, до Теплой Горы не больше двух верст. Не то чтобы заснул: какая-то дремота охватила.

Вдруг сзади грохот. Оглянулся. Из-за крутого поворота выскакивает паровоз, Дергаю за повод. Лошадь — на дыбы, ни в какую не желает сойти со шпал. Надо прыгать самому. Но не бросать же боевого друга! А поезд уже рядом, за спиной. Соскочил с седла, тяну изо всех сил за повод, повис на нем.

В самую последнюю секунду, когда паровоз уже наезжал на

нас, лошадь рванулась, сбила меня с ног, и я полетел в сторону.

Паровоз прогрохотал над головой. Машинист, наверно, ничего и не заметил.

Пришел в себя, успокоил лошадь и снова по шпалам двинулся к Теплой Горе. Часов в семь вечера прибыл в штаб. По простоте душевной рассказал о случае на железнодорожной линии. Командир и комиссар полка отругали. Говорят: «Дурацкая могла смерть произойти». Иван Андреевич Голиков тоже масла в огонь подлил. Один Осип Полуяхтов посочувствовал. Он считает, что я правильно поступил: и сам жив остался, и лошадь спас.

Сегодня утром прислушался — к северу от Теплой Горы орудийная стрельба. В штабе говорят, что это со стороны Нижней Туры приближаются белые. Они хотели занять Теплую Гору еще два дня назад, чтобы обойти дивизию, отрезать ей путь к отступлению. Но не сумели.

В помощь нашей дивизии прибыл свежий 22-й полк. Ему спешно передается часть наших обозных лошадей.

Теплая Гора оправдала свое название. Здесь и впрямь потеплее. Поселок большой. Жители относятся к нам сочувственно, приглашают домой, угощают чаем.

Немножко лучше стало с продовольствием. Хоть и всухомятку, а все-таки сегодня перекусили.

Настроение поднялось. Тем более что здесь же, в поселке, находятся некоторые батальоны из других полков нашей дивизии и кавалерия.

Хорошо в Теплой Горе. Но долго, нам здесь не стоять. Откуда-то сзади белые подошли к Лысьве, могут нас отрезать. Скоро выступаем. Двинемся пешком и по железной дороге в сторону станции Бисер.

8 декабря. Завод Кусье-Александровский

Давно уже не приходилось мне писать дневник в такой просторной, теплой, уютной пятистенке, как сегодня.

Рядом на столе хозяйка раскатывает тесто для пельменей, посматривает на меня, спрашивает:

— Небось писарь?

Ей и невдомек, что пишу я про нее и про ее мужа. Хозяин нам попался любопытный. Он рабочий. Но живет не только с завода: есть у него и огород, и лошадь, и корова, и птица, да и на поле своя полоска. Невесел хозяин — боится белых. К нам относится вроде хорошо, сочувствует. То и дело расспрашивает, как голодали, как мерзли. Но поесть сам не предложил. Когда мы

намекнули, сделал вид, что не понимает. Осип ему прямо сказал:

— Пролетарский ты как будто человек, рабоче-крестьянской армии на словах сочувствуешь, а голодных красноармейцев покормить не желаешь.

Тот сразу засуетился.

— Я со всей душою… чем богаты — тем и рады. Велел жене делать пельмени. Коням нашим задал корму. Но тоже неохотно, словно из-под палки, после того, как Осип попросил.

Скуповатый человек и, по-моему, не совсем искренний: учитывает, что белые идут за нами по пятам. Мне больше нравятся его соседи. Они держатся с нами свободно, просто. О чем хотят о том и спрашивают. Иные интересуются, можно ли записаться в Красную Армию, в наш полк?

В последние дни я несколько раз слышал вопрос о том, как вступить в Красную Армию? Спрашивают не только рабочие, но и крестьяне. На нашем пути стали чаще попадаться деревни. Есть где погреться, есть чем покормиться. Мужики в большинстве на нашей стороне Это видно по тому, как встречают нас, как делятся продуктами, хотя, конечно, знают, что мы отступаем,

Да, отступление продолжается. Мы движемся к Чусовскому заводу и думаем уже не столько о тех белых, которые идут за нами по следу, сколько о тех, что наступают на Лысьвенский завод и рвутся к Чусовой. Нас торопят: еще вчера полку велено было прибыть на станцию Чусовую, собраться в деревне Камасиной на отдых и формирование. Но отдыхом что-то и не пахнет. Вместо погрузки в вагоны полку вчера пришлось оборонять позицию у станции Вижай, чтобы дать возможность вывести составы из Теплой Горы и пропустить отходящие части.

Я ехал вместе с комиссаром полка верхом.

Если бы кто-нибудь спросил: «Хочешь ехать на лошади или в теплушке?» — ответил бы не задумываясь: «На лошади». На воле, по-моему, лучше. Несмотря на мороз. Едешь лесом — кругом высоченные, покрытые снегом ели, сосны. Посмотришь на макушки и кажется, они в самое небо упираются.

Видел косачей и даже одного глухаря. Ружьишко бы…

Ставлю точку. Хозяйка зовет на пельмени.

12 декабря. Разъезд № 103

Все завертелось так, что и понять трудно. Поздняя ночь. Нахожусь на разъезде № 103 и пытаюсь разобраться, что происходит, восстановить в памяти все, как было, по порядку. Лысьва с 10-го числа — у белых.

Разъезд № 103 недалеко от узловой железнодорожной станции Калино, а си а в 14 верстах от Чусовского завода. Нашему полку с остатками Лесновско-Выборгского и 58-го Владимирского, а также с новым бронепоездом товарища Гордеева приказали перейти в наступление и отбить у белых Лысьвенский завод.

Белые подошли почти вплотную к железной дороге. Если перехватят ее, отрежут наши части и эшелоны, которые находятся на станции Чусовой.

Положение на разъезде неважное. Наш 1-й батальон подошел вчера днем и укрепился. 2-й батальон прибыл вечером, не успели утром отрыть окопы, как увидели, что прямо на их позиции бегут какие-то перепуганные насмерть люди. Оказывается, это части Лесновско-Выборгского полка бросили деревню Новиковку и отступают в панике.

Почему?

Сказались утомление, потери, непрерывные бои. Лесновско-Выборгский полк не раз попадал под сильные удары врага и в нем осталось всего несколько сотен человек. В этом главная причина. Дело там зашло слишком далеко. В полку появились паникеры и даже дезертиры.

Наш 2-й батальон вместе с дрогнувшим полком послали взять Новиковку обратно. Но паника хуже заразной болезни. Батальон не сумел ни остановить Лесновско-Выборгского полка, ни отбить Новиковку.

После этого в бой за Новиковку был брошен наш 1-й батальон, и он занял деревню без единого выстрела. Теперь выяснилось, что утром в Новиковку зашла лишь разведка белых. Значит, не одна сотня бойцов бежала от десятка разведчиков. Вот что такое паника!

1-й батальон под командованием товарища Сарафанова не ограничился одной Новиковкой. Мы заняли также деревню Заталую, а маршевый — деревни Косачи и Топорки. Все, казалось бы, складывается хорошо.

Расположились на обед. К 1-му батальону подъехала кухня. Красноармейцы с котелками побежали за супом. Вдруг слышим, у самой околицы стрельба. Оказывается, прибывший вчера из Перми маршевый батальон ни с того ни с сего ушел из Косачей и Топорков. В этом батальоне дела не лучше, чем в Лесновско-Выборгском полку. Но, в отличие от выборгцев, его люди в боях совсем не участвовали и свиста пуль еще не слышали…

Побросали мы котелки и опять схватились за винтовки. Несмотря на неожиданность, белые не добились успеха. На поле боя они оставили пятнадцать трупов. В их числе был и командир

7-го Кузнецкого полка капитан Щеткин. У него в сумке нашли ценные для нашего штаба документы.

Одна из рот маршевого батальона с перепугу сдалась белым в плен. Мы ее выручили, отбили у врага и немного улучшили положение у разъезда.

Но мне по-прежнему неспокойно. Никто не знает, что нас ждет завтра. Отсутствует связь с Калино, где остался наш 3-й батальон. Оттуда доносится сильная артиллерийская стрельба.

Как-то вяло и бестолково идут дела…

На улице чуть теплее, Без конца валит снег, наметает сугробы. Лыж у нас по-прежнему нет и белых халатов тоже.

Чувствую сильную усталость. Ложусь спать.

13 декабря. Станция Селянка

Положение стало яснее, но нисколько не легче.

Вчера поздно ночью белые заняли станцию Калино. Комбат-3 товарищ Григорьев рассказываем что ожесточенный бой за нее шел весь день и почти всю ночь. Чусовая еще у нас.

Сегодня утром у разъезда № 103 наш полк занял оборону. Белые опять атаковали Новиковку, но безуспешно. Однако в другом месте им удалось сбить заставу, проникнуть на четыре версты к нам в тыл и взорвать железнодорожное полотно. Штаб полка, 1-й батальон, три железнодорожных состава оказались отрезанными. Оставался лишь один путь — через занесенный снегом лес, по целине.

К утру линию исправили, и днем комиссар приказал мне добраться до Селянки, выяснить, как там дела. Эта станция у нас в тылу и на ней должен был находиться наш 2-й батальон.

Доехал в Селянку без приключений на паровозе с двумя теплушками. Но едва прибыл туда, как сразу же попал в бой. Станцию атаковали белые.

Нас хорошо поддерживали пулеметчики. Но и белые сильно напирали.

На наше счастье, появился бронепоезд имени товарища Ленина. У него три орудия и пятнадцать пулеметов. Бронепоезд, обстреливая белых, двигался то вперед, то назад, и они вынуждены были залечь на опушке леса.

Завязалась перестрелка. Откуда-то из-за леса в нашу сторону летели тяжелые снаряды.

Так мы воевали час, другой, третий. Вдруг по цепи крик:

— Не стреляйте! Белые в плен сдаются!

Смотрим, идет солдат, поднял руки. Мы наготове — мало ли

чего можно ждать от беляков. Потом появилось еще шестеро. А один умудрился сдаться в плен бронепоезду: подошел к самому полотну, дождался паровоза, замахал рукой. Машинист притормозил, и солдат вскочил на подножку.

У пленных вид измученный. Они в кожаных сапогах. Дрожат, зуб на зуб не попадает.

Но ведь и мы одеты не теплее, и нас мороз пробирает до костей. Однако никому и на ум не приходит сдаться в плен.

Мы знаем, за что бьемся, и ради своей ясной цели готовы терпеть любые невзгоды. А во имя чего белым солдатам мучиться?

Пленные рассказали, что их еще утром погнали в цепь и велели любой ценой взять Селянку. Сначала они потеснили наши заставы, продвинулись к станции. Но здесь застряли…

Пока беседовал с пленными, усилилась стрельба со стороны Комарихинской. Потом вдруг все стихло. Оказывается, белые попали между двух огней. Незаметно, лесами, к ним в тыл зашел Путиловский кавалерийский полк под личным командованием комбрига товарища Акулова. Беляки не выдержали такого удара и пустились наутек.

Наши кавалеристы, воспользовавшись охватившей врага паникой, вышли к деревне Кутамышской. Там располагался в резерве 3-й Барнаульский полк белых, недавно сформированный в Томской губернии. Этот полк был окружен путиловцами и почти весь полег под саблями. Уцелели немногие, и те попали в плен.

Сейчас уже известны результаты боя. С радостью заношу их в свой дневник: 160 пленных, 2 исправных 48-линейных орудия с 40 снарядами, 3 исправных пулемета «максим», около 300 винтовок. А патроны даже подсчитывать не пытались. Захваченные орудия, так же как и снаряды, красноармейцы тут же пустили в ход.

Уже стемнело, когда путиловцы подошли к Селянке. Они очень устали, но двигались, соблюдая порядок, поэскадронно. Мы все высыпали встречать дорогих друзей. Кричали: «Ура!», «Да здравствует революция и власть Советов!» Потом нарушили ряды, стали обнимать и целовать кавалеристов. Товарищ Акулов и командир полка товарищ Прокопьев «попали в окружение». Кто-то предложил: «Качать!» Командиры шутили, отбивались. Но это им не помогло.

Путиловцы спешились. Завязались разговоры. Кавалеристы считают, что это мы, «красные орлы», помогли им пробраться в тыл к врагу, отвлекли на себя большие силы, и благодаря нашей твердости в обороне они сумели так сильно побить беляков.

Наверно, товарищи из Путиловского полка правы. Тем отраднее. Мы столько дней вели неравные бои, столько трудностей пережили!

Выходит, наши муки не напрасны, не зря льется кровь. Вспомнил китайских товарищей, вспомнил Бронислава Швельниса, камышловцев…

Мы громко обсуждали события, а в стороне молча стояли пленные. Захотелось с ними побеседовать, узнать, как они ко всему относятся.

Это оказалось нелегким делом. Здоровые, крепкие сибиряки лет двадцати — двадцати пяти робко отвечали на вопросы.

— Чего уж разговоры разговаривать, — сказал худощавый солдат. — Все едино комиссары нашего брата в расход пустят.

Не хотели мне верить, что мы пленных солдат не расстреливаем, что про комиссаров офицеры врут.

Тем временем к пленным подъехала кухня. Пленных солдат кормили тем же, чем нас. После этого они стали пооткровеннее. Понимают, что воевали за царя и генералов. Оправдываются: «Как было поступить иначе? Рядом — офицер с наганом. Замешкался — в зубы. Сказал слово поперек — пуля в лоб… Сегодня утром офицерье гнало солдат в атаку пинками».

Про Советскую власть знают мало. Но кое-что знают. Правда перемешана с ложью, быль — с выдумками.

В сибирской тайге, по словам пленных, много красных партизан. В Сибири и Приморье происходят восстания против Колчака, белочехов, японцев и американцев.

Я думаю, почти каждого трудящегося человека можно склонить на нашу сторону. Надо только подойти к нему, хорошо растолковать все, доказать на фактах.

Но, конечно, бывают и такие случаи, когда словами ничего не добьешься. Вечером при мне в штабной теплушке допрашивали командира батальона 3-го Барнаульского полка капитана Степанова. На вид Степанову лет сорок. Крепкий, сильный мужчина. Держался уверенно. Как будто не в плену, а в своем штабе. О себе рассказывал охотно: кадровый офицер, воевал против немцев, попал в плен. После плена вернулся домой, хотел жить тихо-мирно: на попечении старики-родители, которые едва сводят концы с концами. Но был мобилизован адмиралом Колчаком и принял присягу. После этого верой и правдой служил белой власти.

В теплушку вошел комбриг товарищ Акулов. Он послушал офицера и говорит:

— Нас ваши почтенные родители не интересуют. Скажите лучше, сколько здесь полков у белых, сколько батарей?

Капитан вскинул голову:

— На такие вопросы не отвечаю.

О чем ни спрашивает комбриг, офицер либо отмалчивается, либо грубит. Слово за слово, вскипел товарищ Акулов, схватился за шашку:

— Ты — белая сволочь. Тебе не мирная жизнь нужна, а рабочая кровь. Увести гада, прикончить!..

Кавалеристы зарубили офицера. Это — война, а белогвардейский капитан — враг. Из-за таких, как он, гибли и гибнут наши бойцы.

Может быть, у Степанова и небогатые родители. Но сам он продался буржуазии, готов биться за нее до последнего. Он люто ненавидит нас. Дай ему волю — шомполами бы всех засек.

Давно не писал в свою тетрадь столько, сколько сегодня. Все уже спят, а мне не хочется. Какой день! Есть над чем подумать.

14 декабря. Станция Селянка

Сегодня под вечер в лесу возле станции наткнулся на тела убитых во вчерашнем бою беляков. На опушке, откуда они стреляли в нас, насчитал 25 трупов. Почти все убитые — молодые: лет двадцать с небольшим. Один постарше — фельдфебель.

Наши стрелки и пулеметчики косили точно. Куда ни посмотришь — тела врагов. Некоторые, видно, умерли не сразу. Мороз довершил дело, начатое пулей. Обескровленные раненые замерзали в тех позах, в каких ползли.

Я задумался. За что же погибли люди?

Это, скорее всего, мобилизованные сибиряки-крестьяне. Они хотели жить, мечтали о лучшей доле. И вот — бесславная смерть. Их настигли пули тех, кто стремится построить светлую и справедливую жизнь на всей земле. Что может быть нелепее такой гибели!

Но они умерли не по воле случая. Их послали на смерть эксплуататоры, которым ненавистно человеческое счастье, которые ради своих барышей могут земной шар утопить в крови.

Двадцать пять человек! Крестьяне, рабочие. Уж наверняка среди них нет ни одного помещика или капиталиста.

Неужели еще не всем трудовым людям ясно, кто их злобный, смертельный враг, кто готов погубить все живое, чтобы сохранить свою паразитическую, мерзкую жизнь?!

Мы тоже несем немалые потери. Но нас ничто никогда не остановит! Нет силы, которая помешала бы наступлению царства

коммунизма! На крови погибших вырастут новые поколения. Они будут помнить о тех, кто честно, не страшась смерти, невзирая на стужу и голод, сражался против ненавистных врагов трудового человечества.

16 декабря. Станция Комарихинская

Второй батальон теперь на станции Комарихинской. Селянку вчера наши части оставили. Мы уходили, когда пылал вокзал и пристанционные постройки. Что поделаешь? Этого требует война.

Поблизости красных полков нет. Большинство их ушло к Перми. Опять наш полк один прикрывает отход главных сил 29-й дивизии.

Путь от Чусовой до Комарихинской обильно полит кровью. Здесь шла жестокая борьба труда с капиталом.

Станция Комарихинская стоит в глухом бору. Когда стихает стрельба, можно подумать, что ни души вокруг нет. Лесная чаща на сотни верст.

Неподалеку от Комарихинской произошел вчера тяжелый и позорный случай. Как ни досадно писать о нем, а должен занести в дневник.

Комбату-2 товарищу Полуяхтову было приказано выбить белых из Климовки, Паинц и Белой. В распоряжение Полуяхтова командир полка передал маршевый батальон под командованием товарища Авдеева. Маршевики только что прибыли на станцию Комарихинскую, едва успели выгрузиться из вагонов. Батальон насчитывал человек 600–700. Одеты добротно, тепло, в шинели не привычного для нас черного цвета.

Маршевиков направили занимать сначала Климовку, а потом Паинцы. Наш батальон двинулся на Белую.

Все вроде бы шло хорошо. Маршевики под командой товарища Полуяхтова атаковали Климовку и почти без потерь вступили в нее.

Товарищ Полуяхтов вместе с командиром 5-й роты товарищем Коробицыным, довольные победой, отправились к своим бойцам. Вдруг их нагоняют командир и комиссар маршевого батальона с десятком красноармейцев в черных шинелях. Остальные, оказывается, перешли на сторону белых.

Как это случилось, никто толком объяснить не может. Одни уверяют, что красноармейцы, попав в деревню, сами побросали винтовки и огородами разбежались кто куда. По словам других, маршевиков неожиданно атаковали белые, началась паника и, воспользовавшись ею, враг пленил весь батальон.

Товарищ Полуяхтов поднял в атаку своих «красных орлов». Но Климовку отбить не удалось. Повторили атаку — и снова безрезультатно.

Мне очень хочется понять, почему же так случилось?

Маршевый батальон почти целиком состоял из вотяков. Этот народ при власти царей пребывал в темноте и невежестве. Надо было разъяснить красноармейцам-вотякам, за что мы бьемся в гражданской войне, какова цель мирового пролетариата в борьбе с буржуазией. Но политической агитацией в батальоне занимались плохо. При мне произошел такой разговор. Один из «красных орлов» спрашивает маршевика: «Ты коммунист?» А тот отвечает: «Не, я вятский».

Куда уж дальше?!

Батальон комплектовали в Перми наскоро. Оружие, обмундирование дали, немного подучили — и в бой, да еще на самый трудный участок. А обоза нет, кухонь нет. Даже котелками не снабдили. Пока до фронта доехали, проголодались, появилось недовольство, поползли слухи.

Где голод, беспорядки и нет политической агитации, там раздолье клеветникам и скрытым врагам. Тем более, когда командиры живут сами по себе, мало тревожатся о благополучии красноармейцев, о их просвещении.

Вот и выходит, батальон-то был не настоящий, не сплоченный, не знающий своей цели. Стоило белым поднажать, он и развалился.

Сегодня только и разговоров о маршевиках. Многие полагают, что командир полка поступил неразумно. Лучше было бы распределить пополнение по ротам, а не посылать прибывших прямо из теплушек в бой. Другие считают, что у комполка выбора не было. Я думаю, правы первые. Зря послали на боевое дело необстрелянных, голодных и политически темных маршевиков скопом.

Нашему полку вновь обещают дать отдых. Получена телеграмма от командующего 3-й армией. Благодарит нас за стойкость и героизм, просит продержаться еще несколько дней.

Продержимся, конечно! Однако до чего люди измучились. Около меня за стол только что сел комбат Полуяхтов. Налил из самовара стакан чаю, подвинул к себе и… заснул.

18 декабря. Станция Комарихинская

Полк наш седлает железную дорогу. Последние два дня прошли тихо. Боев не было. Мы радуемся тому, что 3-й батальон,

который отходил самостоятельно, присоединился наконец к полку.

Я почти не вылезаю из теплушки. Пишу, читаю. В «Красный набат» послал статью о том, как мы били белую гвардию под Комарихинской. Старался ничего не упустить, правдиво изложить все события.

Уже давно товарищ Юдин поручил мне вести историю нашего полка. Записываю урывками, иногда подолгу не удается сесть за бумагу. Отстал почти на месяц. Вчера дошел до 28 ноября, до нашего отступления. Дальше писать не хочется. Очень уж тяжелые дни приходится вспоминать. Как-нибудь на отдыхе наверстаю.

Теперь определенно говорят: смена полка через два — три дня. Не верится даже.

Больше всего мечтаю попариться в бане, отоспаться и почитать. Стосковался по книгам.

Сегодня полдня сидел над «Программой коммунистов». Читал не спеша, вдумывался в каждую строчку, самые интересные и важные места выписывал в тетрадку. Еще бы два спокойных денька, и я бы одолел «Программу коммунистов» до конца.

20 декабря. Станция Валежная

Со вчерашнего дня опять отступаем. Из Комарихинской выехали под обстрелом.

В ночь на 19-е белые атаковали 2-й и 3-й батальоны. Надеялись на неожиданность, но не тут-то было. Беляков встретили дружным огнем. Враг понес очень большие потери. Но и нам ночной бой тоже даром не сошел.

По заданию товарища Юдина составил очередную политсводку на имя военкома 29-й дивизии. В ней изложено все как есть. Занесу-ка я ее в свой дневник:

«Настроение команды неважное, подавленное. И ввиду тяжелой обстановки на фронте, где все тяжести защиты направления падают на 1-й полк, и вследствие переутомления. Но все же полк с упорством ведет борьбу против во много раз превышающих его сил врага.

Сегодня во время шестичасового боя на участке 3-го батальона было найдено 80 трупов солдат и офицеров противника, взят один пулемет системы „максим“ и четыре воза винтовок, из которых три доставлены в полк, а один сброшен в речку, т. к. противник занял ст. Комарихинская и село Сосновая Гора — мы были окружены.

7-я рота потеряла весь командный состав и около 40 красноармейцев. В 8-й и 9-й ротах потери незначительны.

На участке 2-го батальона потери противника в 2–3 раза больше, чем на участке 3-го.

Во время повторного наступления противник выбил 2-й батальон из Сосновой Горы, и судьба его не известна».

Отступление…

21 декабря. Станция Сылва

Вчера не пришлось даже закончить фразу. Снова напасти.

Под вечер на станцию Валежная на смену нам прибыл свежий 24-й полк Пермской бригады. В связи с этим наши два батальона были сняты с позиции и направлены на отдых в сторону Перми, в село Троицкое. Штаб и 3-й батальон тоже должны были вот-вот двинуться.

Вдруг в кромешной тьме белые начали наступление. Роты 24-го полка не успели ни оглядеться, ни закрепиться, как попали под убийственный огонь. Необстрелянные бойцы растерялись. Белые с криком «ура» ворвались на станцию Валежную. Наш поезд чудом успел уйти. Теплушка, в которой находились мы с комиссаром, продырявлена пулями.

Не хочется даже описывать все это.

Теперь надо удерживать последний подступ к Перми. А кто будет? Надежных сил все еще нет. Вероятно, нам придется. Обещают прислать к вечеру два полка. А пока суть да дело, «красным орлам» приказано занять позицию. Обещанной смене никто уже не верит. Такие обещания только изматывают людей.

22 декабря. Станция Сылва

Миновала тревожная и опасная ночь.

Сегодня наконец-то прибыли эшелоны с красноармейцами камских полков. Это, говорят, надежные части. Они будут нас сменять.

Но до чего доведены «красные орлы»! Вчера вечером роты нашего 2-го батальона отказались выступить на позиции и по собственной воле ушли из села Троицкого. Командиры ничего не могли поделать.

— Нас обещали сменить. Мы больше не станем терпеть обмана, — заявили вконец измученные, едва державшиеся на ногах красноармейцы.

Вначале об этом по телефону сообщил товарищ Полуяхтов. Он сказал, что деревня Польники занята белыми и батальону пришлось отступить в деревню Ишицы, но. удержаться в ней он не может: «Красноармейцы говорят — уйдем».

Товарищ Юдин немедленно выехал в батальон. Однако и ему не удалось успокоить людей. Позиция была оголена.

Пришлось возвращать уже отправленный на отдых 1-й батальон. 3-й батальон командование тоже вынуждено было задержать и поставить в сторожевое охранение.

Пока шла вся эта канитель, потеряли много времени.

Белые ожидали встретить на реке Сылва укрепленные позиции, проволоку, окопы, боялись сильного огня. А подошли к Троицкому без единого выстрела. Знай они наше положение, могли бы взять и Сылву.

От негодования я не находил себе места. Неужели нельзя было вовремя доставить смену, подвезти подкрепления!

Тыловики забили все железнодорожные пути порожняком. И движение остановили, и толку никакого.

Потеряв всякую рассудительность, я бранился последними словами и всюду стал усматривать измену.

Морозы опять крепчают. Сегодня 25 градусов. Но и в стужу, в глубоком снегу не стихает борьба не на жизнь, а на смерть.

Начальником боевого участка назначен командир 24-го полка. Мы теперь на втором плане и многого не знаем.

24 декабря. Деревня Забегаловка

Опять говорят, что мы едем на отдых. Через Левшино и Пермь в Верхние Муллы.

Но до чего же это странный отдых! В Перми белогвардейский мятеж, город не поймешь толком в чьих руках, а наш полк через него отправляется «отдыхать».

Пользуясь остановкой, расскажу все по порядку.

Послав почти весь полк вперед, командир, комиссар, несколько человек из штаба и политчасти, в том числе и я, с грехом пополам добрались до Левшино. Станция забита составами, хаос, неразбериха. Чтобы нагнать своих, мы двинулись дальше не по железной дороге, а верхом. Подъезжая к заводу Мотовилиха, стали встречать группы возбужденных рабочих. Сначала не поняли, в чем дело, но почувствовали неладное. Вскоре повстречалась большая толпа рабочих с оружием. От них мы узнали, что в Перми контрреволюционное офицерье подняло восстание. Две роты из взбунтовавшихся в Красных казармах

батальонов напали на завод Мотовилиха и попытались захватить его, но рабочие отбили мятежников.

Для нас все это было неожиданностью, как и ружейно-орудийная стрельба, доносившаяся из Перми. Красные полки бьются с врагом на Сылве, а у них в тылу белогвардейцы берут Пермь!

Рабочие нам разъяснили, что в городе последнее время скопилось много офицеров. Одни пробирались из Советской республики, чтобы перейти к Колчаку, а других сам Колчак направил в Пермь для подготовки мятежа.

Мы двинулись дальше и попали под обстрел. Стреляли из домов, с крыш, из-за углов. Как же проникнуть в город?

Встретились с комбригом товарищем Акуловым. Он со своей штабной группой тоже ехал в Пермь и тоже угодил под вражеский огонь.

Пробовали проехать по одной улице, по другой, но всюду навстречу летели пули. Прошло часа два. Товарищ Акулов ругался на чем свет стоит. Потом подумал и приказал следовать вместе с ним через Каму, чтобы стороной объехать центральную часть города и добраться до станции Пермь-2.

Объезд нам удался. На правом берегу Камы было тихо.

Но что творилось на Перми-2! Снаряды, летевшие из города, ложились на станцию. Пути забиты груженными эшелонами. Тут же составы с ранеными. Толпы безоружных, охваченных паникой красноармейцев бросались из стороны в сторону.

Мы во главе с товарищем Акуловым стали наводить порядок. Это оказалось нелегким делом. Паникерам пришлось пригрозить оружием. Постепенно установили охрану, назначили патрули. Через Каму двинулись поезда.

Товарищ Ослоповский тут же собрал команды стрелков и разведчиков, направил их в сторону города. Команды пошли вперед, отгоняя попадавшиеся на пути группы мятежников. Но артиллерийский обстрел не утихал.

Нам надо было поскорее догнать свой полк. Уже стало ясно: никакой это не отдых, нашим мечтам не суждено сбыться.

От командиров я узнал, что вчера, позавчера и вообще последние дни из города отводились на отдых полки 29-й дивизии. Странно, в городе беляки готовят мятеж, а наши части выводят отдыхать!?

С тяжелыми думами уезжали мы сегодня под вечер со станции. Чем все это кончится? Захватят ли враги Пермь? Удайся белым их план, много всякого добра и вооружения попадет в руки врагов Советской власти. А скольких людей они тогда заберут в плен, какой страшный удар нанесут!

Как все нелепо! Больше трех месяцев мы дрались с врагом и жили мыслью: не пустить беляков к Перми, защитить губернский город.

Я много слышал о Перми, надеялся побывать в ней. Еще несколько дней назад был уверен, что теперь-то попаду в Пермь. И вот те на — в Перми хозяйничают контрреволюционеры. Под пулями мы подошли к одной окраине, под снарядами вышли с другой. А город так и не видели.

Но все равно — будущее за нами. Мы вернемся и в Пермь, и в Камышлов, и в другие города и села, которые на время захватили враги.

Вернемся мы и в Екатеринбург, о котором столько разговоров в последние месяцы. Еще когда стояли под Егоршино, надеялись, что в августе наши соседи возьмут Екатеринбург. Потом, во время боев под Нижним Тагилом, думали, что Екатеринбург будет освобожден в сентябре. Особенно горячо ждали этого, узнав, что к Кунгуру вышли отряды товарищей Блюхера и Каширина. Казалось, вот-вот и над Екатеринбургом взовьется красный флаг с серпом и молотом. Мы тогда следили за каждым номером «Красного набата» и «Окопной правды», ловили слухи, которые доставлял «солдатский вестник». Не упускали из виду ни один шаг 30-й дивизии, созданной из отрядов товарища Блюхера, радовались ее победам, переживали неудачи. И все напрасно…

Хотелось еще о многом написать сегодня, но нет времени. Надо седлать лошадей, двигаться дальше. Недолго мы простояли в этой деревне со странным названием Забегаловка.

26 декабря. Село Нижние Муллы

Нижние Муллы — село не особенно большое. От него до Перми верст двадцать — двадцать пять. Стоят Нижние Муллы на левом берегу Камы.

По дороге из Перми мы заходили в село Верхние Муллы, потом в деревню Ясыри.

Здесь когда-то жили татары. С тех времен и сохранились старые названия. Но теперь это русские села.

Интересно сравнить с нашими местами. Деревня, как и у нас, такая же серая, невеселая, с неказистыми избами. Но когда всмотришься, замечаешь, что богатеев побольше, чем у нас. Немало крепких каменных домов под железом.

В Нижние Муллы прибыли вечером. Здесь уже расположились два батальона нашего полка. Третий батальон и нестроевые команды застряли по ту сторону Перми на станции Левшино, где

бьются с неприятелем камские полки. А Пермь захватили белые…

По пути из Перми в Нижние Муллы было немало происшествий. Некоторые из них хочу занести в свой дневник.

В одной деревеньке мы заметили хорошо одетого молодого мужчину. Поинтересовались, кто он, откуда? Оказывается, портной из советской швальни пермского гарнизона. Был призван в Красную Армию, но во время боев в городе сбежал домой. Вел он себя уверенно, свободно и не сомневался в своем праве на дезертирство.

Мы отъехали в сторону посовещаться между собой. Решили, что шкурника надо задержать. Оглянулись, а его и след простыл. Подошли к избе, возле которой он стоял, спрашиваем у женщин. Те уверяют, что в глаза его не видели.

Мы поняли: женщины лгут, хотят выручить родственника. Однако Ивана Андреевича не проведешь. В конюшне он быстро разыскал беглеца. Дезертира вывели за околицу и расстреляли.

Правильно ли это? Считаю, что правильно. Мы не могли выяснить всех причин. Но ясно одно: человек дезертировал, в трудную минуту бежал из рабоче-крестьянской армии, поступил как враг власти Советов.

В другом месте комбат товарищ Полуяхтов в гневе сам зарубил дезертира.

Чаще стали попадаться вражеские лазутчики. Был, например, такой случай.

Идут несколько красноармейцев, а навстречу им человек в оборванной, засаленной одежде. В руках молоток, из кармана торчит складной аршин. Наши товарищи попросили у него документы. Тот что-то стал мямлить, не спеша полез за пазуху. Красноармейцы решили ему помочь, сняли замасленную куртку, а под ней — офицерская гимнастерка, на боку — наган, в кармане — документы штабс-капитана.

Попал в наши руки и еще один переодетый белый офицер. Его приговорили к расстрелу, а приговор поручили исполнить одному маленькому, тщедушному красноармейцу. Тот ночью повел шпиона за деревню. Белый огляделся, видит конвоир малорослый, хилый, поблизости никого нет. Неожиданно обернулся и схватил бойца за горло. Боец попытался освободиться — не смог. Тогда он подножкой сбил белогвардейца, повалил его на землю, выхватил шашку и зарубил гада.

Наши бойцы становятся злее и зорче. Ведь ротозейство помогло контрреволюционерам поднять мятеж и захватить губернский город.

29 декабря. Станция Чайковская

Два дня полк совершал марш. Но не в полном составе. 1-й батальон оторвался сразу же от станции Пермь и пошел по железнодорожному мосту через Каму. О нем долго ничего не было известно.

Куда мы идем, тоже никто не знал. Я ломал голову, но не мог понять. Из Нижних Мулл попали в большое село Усть-Качку. Перешли на правый берег Камы, повернули на север к Усть-Сынам, а сегодня оказались на железной дороге Пермь — Вятка у станции Чайковской.

Теперь все понятно: полк будет седлать железную дорогу и защищать направление на Вятку. Для нас такое дело не в новинку. Еще со станции Егоршино мы деремся на железной дороге, вдоль которой неприятель больше всего и норовит наступать.

От Перми проделали верст сто. Дороги заметены снегом, стоят холода, идти трудно. Ночевали в избах. Набивалось столько народу, что и не продохнешь. Но все равно старались останавливаться в небольших избах, у бедняков. Те и нас покормят, и лошадям корма дадут.

Богатый мужик косится, глядит волком. Если и даст еду или подводу, то только под нажимом, из страха.

Ясно видно, кому Красная Армия по душе, а кому она, что кость в горле.

Крепких мужиков здесь немало, и мы часто чувствуем на себе косые взгляды. Но и сюда пришла наша народная власть, и здесь устанавливаются новые порядки.

Скитаясь по деревням Нижне-Муллинской и других волостей, я иногда заходил в школы, разговаривал с ребятишками. Однажды познакомился с мальчиком лет десяти, Васей. У него в тетради заметил несколько фамилий, а сверху заголовок — «Шалуны». Полюбопытствовал, что это за список. Вася рассказал: в классе бывают собрания, выбирают председателя и секретаря. Читают фамилии шалунов, тех, кто нарушал порядок или плохо учил уроки. Сами школьники решают, какое наказание применить: то ли не пускать несколько дней на занятия, то ли запретить бегать на переменах.

Мне понравилась такая самостоятельность малышей. Ребятишки с детства привыкают чувствовать себя хозяевами там, где они учатся. Понравилось мне и то, что школьники работают в библиотеке, сами выдают книги, следят за ними, подклеивают, переплетают.

В селе Нижние Муллы я с товарищами попал на ночевку в

богатый двухэтажный дом. Хозяин — торговец, был в отъезде. Оставались одни женщины — жена и две дочери. Усталые красноармейцы легли спать, а я задержался в большой комнате, у книжного шкафа. Хозяйская дочка спрашивает:

— Вы читаете книги?

Я рассказал о любимых писателях. Разговорились. Девушка два года назад кончила в Перми гимназию. Она удивилась, когда узнала, что я — бывший гимназист, и позвала свою старшую сестру. Той лет двадцать пять. Носит пенсне, по виду курсистка или учительница.

Сестры принялись меня жалеть, уговаривать уйти от красных. Я вспомнил старика Кирхгофа и Евгению Францевну.

Который уже раз меня жалеют, советуют бросить Красную Армию. Мне даже смешно стало. Никто не уговорит меня свернуть с моего пути.

А сестры не унимались. Они считали, что я еще молод, не понимаю жизни, что интеллигентные люди должны сочувствовать адмиралу Колчаку и желать Учредительного собрания. Если я с ними согласен, они готовы до прихода белых приютить меня в своем доме.

Пробовал им доказать справедливость борьбы Красной Армии против капитала, но они даже слушать не хотели. Едва не поссорились. Потом поняли, что каждый останется при своем мнении и споры тут ничего не дадут.

Мы мирно пили чай. Но я все время чувствовал на себе скорбный взгляд старшей из сестер.

1919-й год

Бои продолжаются

С Новым годом!!! Его мы встречали на станции Шабуничи. И не за праздничными столами, а в трудных боях.

Сегодня 2-е января, и пишу я уже в деревне Ошапы. В районе Чайковской долго задержаться не пришлось. Сразу двинулись обратно в сторону Перми и заняли оборону у деревни Черная. Здесь к нам присоединился наш 1-й батальон.

За минувшую неделю пройдено около 125 верст. Белые же, захватив 24 декабря Пермь, продвинулись по железной дороге всего лишь верст на двадцать с небольшим, хотя наших сил перед ними было совсем мало. Видно, дорогой ценой досталась им Пермь!

Штаб, командир и комиссар полка «Красных орлов» разместились в поселке у самой станции Шабуничи. Я поселился вместе с комиссаром. Вскоре узнали, что неподалеку от нас, за лесом, в селе Конец-Бор находится другой полк 29-й дивизии. Я слышал, как товарищ Ослоповский по телефону говорил о нем с командиром соседней бригады. Из разговора понял, что белые ведут наступление на Конец-Бор.

Против нашего полка они тоже наступают уже третий день. Поначалу полк дрался как-то вяло. Продолжались разговоры об отдыхе, который так и не состоялся. Однако последние двое суток красноармейцы сражаются упорно.

Весь первый день нового года я провел в деле. Наши роты крепко держались до темноты, но потом положение ухудшилось. Белогвардейцы — человек шестьсот — сделали глубокий обход в 12 верст и прервали сообщение между станцией и ротами. Подвоз боеприпасов прекратился, а патроны были израсходованы. Ротам пришлось отойти. Отступали без паники, в строгом порядке. Вел их комбат товарищ Полуяхтов.

Я все видел своими глазами. И, несмотря на отход, пришел к убеждению, что боевой дух «красных орлов» не сломлен. Есть еще порох в пороховницах!

В Шабуничи вернулся голодный. Сижу, обедаю, рассказываю товарищам последние боевые новости. Вдруг у самого дома стрельба из винтовок и пулеметов. Не пришлось мне доесть и договорить. Все кинулись наружу. Пока я одевался, хватал винтовку, никого в горнице уже не стало.

Выбежал на улицу, а лошади там, где я ее привязал, нет. Наверно, думаю, кто-нибудь угнал. Суматоха несусветная, понять ничего нельзя. Пули свистят со всех сторон. Рядом чья-то лошадь необузданная. Когда влез на нее, понял — лошадь-то командира

полка. Не привыкла она к такому легкому седоку — как взовьется. Я еле удержался.

Заметил двух красноармейцев, которые быстро ползли по снегу в низину. И тут же загудел знакомый спокойный бас:

Эй, вы, вояки, куда ползете?

Это командир полка, словно из-под земли, встал над «пластунами». Видно, один он не растерялся.

Не в первой убеждаюсь я в том, что товарищ Ослоповский не знает страха, не поддается панике. В трудную минуту он только крепче ругается. Склонился над перепуганными, зарывшимися в снег бойцами и кроет их на чем свет стоит.

Слез я с командирского коня, нашел свою лошадь, взнуздал, вскочил в седло. Потом вспомнил, вернулся в дом, взял свой башлык да заодно прихватил брошенные товарищами табак, мыло, аптечку.

Когда выходил на улицу, огонь белых усилился. Но теперь я держал себя в руках и не суетился.

Белые, очевидно, рассчитывали захватить нас врасплох и вызвать панику. Однако их план не удался. Товарищ Ослоповский успел выслать разведку, которая отбила первый натиск.

Через некоторое время беляки снова полезли вперед и снова получили по зубам.

Потом до нас донеслись какие-то крики, резкие команды. В лесу гремело «ура». Все ближе, ближе… И снова тишина. Минут через пять совершенно отчетливо с разных сторон:

Первый взвод второй роты — в цепь!

Второй взвод третьей роты — вперед!

Первая рота — за мной!

Стало ясно — мы в окружении. А нас горстка: команда пеших разведчиков да человек десять из штаба и нестроевых команд. Но на счастье с нами был командир полка. Спокойствие товарища Ослоповского действовало на всех.

Мы держались часа четыре, ожидая свои роты. Они так и не появились. Зато подошел бронепоезд. Правда, стрелял он мало, но одним своим видом сдерживал врага.

В темноте захватили одного пленного. Вернее, не захватили, а он сам к нам пришел. Сбился с пути, думал, что здесь белые. Пленный — сибиряк, солдат 6-го Мариинского полка.

Товарищ Ослоповский, взяв с собой Осипа Полуяхтова и меня, отправился разведать приутихшего противника: где укрепился, чем занимается? Едет как ни в чем не бывало, а ведь в случае чего с дороги и на шаг в сторону не свернешь — кругом глубокий снег. Мне даже не по себе стало: зачем командир так рискует жизнью?

Разведка прошла благополучно. Мы выбрались из вражеского кольца. Полк занял новую позицию возле деревни Ошапы.

4 января. Деревня Ошапы

Вчера и сегодня вместе с командиром и военкомом ездил по всему участку обороны полка. Особенно напряженным был вчерашний день. То сами стреляли, то попадали под вражеский огонь. Несколько раз выходили за нашу цепь, смотрели, как «грелись» белые. Они с утра начали наступать по снегу, вылезли на открытое место, на бугор и там вынуждены были залечь. Только поднимут головы, наши пулеметы та-та-та-та-та… Приходится опять носом снег рыть. И так десятки раз за день. А назад, в деревню, офицеры не пускают. Уверен, что не меньше половины белогвардейских солдат и унтер-офицеров обморозилось.

Вечером подошел наш бронепоезд «погреть» беляков. Он выпустил снарядов семьдесят. После этого почерневший бугор опустел. Сегодня беляки не показываются.

Вообще враг стал менее уверенным и настойчивым. Видимо, потому, что потерял Уфу. Туда были брошены большие силы белых. Однако все равно врагу не удалось удержать город. 31 декабря Уфа взята красными войсками. В тот же день советским стал и Стерлитамак. Поговаривают о взятии Оренбурга. Точно не известно, последние дни не получаем газет. Но телеграммы о победах у Стерлитамака и Уфы достоверны. Это большой успех!

Деревня Ошапы, где мы сейчас стоим, маленькая. Расположилась она очень выгодно в военном смысле — на вершине горы. Видно отсюда во все стороны, особенно в направлении Перми. Внизу леса, густые, темные, нет им конца-края. Где-то за лесом — Кама, а там и Пермь.

Около деревни проходит линия железной дороги. У разъезда стоит бронепоезд — наш боевой надежный друг. Он хорошо вооружен: одно 48-линейное орудие, две маленькие пушечки «макленки», ну и, конечно, «максимы».

Штаб полка — в большой избе из двух половин. Днем и ночью здесь полно народу.

Вчера вечером товарищи Ослоповский и Юдин остались с четырьмя приезжими, похожими на купцов. Здоровые. Видные. Богато одеты: в дорогих меховых шубах, бобровых шапках, поверх шуб дохи из собачьих шкур. Приехали они, когда уже стемнело, на двух больших, полных поклажи кошевах, запряженных «гусем» тройками крепких лошадей. Ни с кем не стали разговаривать.

Прошли прямо к командиру и комиссару.

Меня заинтересовало — кто такие? К нам в штаб купцы никогда не приезжали, да и что им у нас делать?

Сначала товарищи Ослоповский и Юдин отнеслись к приезжим с подозрением. Долго проверяли документы, грозились арестовать, а то и расстрелять. Но купцы держались уверенно, даже весело. Скоро между ними, командиром и комиссаром полка пошла дружеская беседа.

Я сидел в стороне, прислушивался и никак не мог взять в толк, что же это за люди, которые сразу с товарищами Юдиным и Ослоповским стали на «ты», как давние знакомые. Но потом, особенно когда услышал рассказ приезжих о жизни в Москве и Питере, понял: это же никакие не купцы, а коммунисты. Партия послала их в тыл к белым, к Колчаку, вот они под видом богачей и пробираются в Сибирь.

Во все глаза смотрел я на бесстрашных разведчиков и думал: вот с кого брать пример!

Я представлял себе, как они ходят по городу, захваченному белыми, собирают разные сведения, потом обо всем сообщают в Москву.

Часа в три ночи приезжие товарищи попрощались со всеми за руку. В том числе со мной. И ушли.

Я взял дневник и сразу же принялся писать.

16 января. Станция Менделеево

Перечитал страничку в дневнике за 4 января и стало смешно. Рассуждал о пассивности белых, находил причины… А сами мы с 5 января и по сей день отступаем. За одиннадцать суток я не нашел часа, чтобы сесть за дневник. Все время в боях, переходах. Устаешь настолько, что засыпаешь на ходу.

Но дело не только в усталости. Во время боев у Чайковской у нас в полку было много неприятностей. Люди очень измучились, а отдыхом и сменой словно дразнят. Это плохо действует на красноармейцев. Однажды часть бойцов 1-го батальона даже отказалась воевать.

Вот как это получилось.

Белые наступали на село Покровское, что неподалеку от станции Григорьевской. В селе оборонялся Волынский полк, которому помогал наш 3-й батальон. 3-я рота 1-го батальона охраняла фланг полка. В эту роту и направлялись мы с военкомом. До села оставалось еще с полверсты, и вдруг встречаем в лесу наших красноармейцев. Товарищ Юдин

удивился, спрашивает:

Что вы тут делаете?

Бойцы отвечают вразброд. Командиров не видно, не слышно. Тогда комиссар приказывает:

Возвращайтесь в село, на свои позиции. Выполняйте долг перед революцией.

Но красноармейцы и не думают подчиняться приказу Ругаются, шумят. Кто-то — я так и не разглядел кто — как заорет на весь лес:

Там белых тыщи! Не станем больше вшей кормить, кровь свою проливать. Кому надо, тот пусть и наступает…

Забыв все: совесть, революционную честь, забыв, за что гибли товарищи, 3-я рота пошла за крикунами-паникерами, люди потеряли голову.

Как же успокоить бойцов, как победить панику?

Товарищ Юдин привстал в стременах и в голос закричал:

Вы трусы, предатели революции! Не хотите идти в село — один пойду.

Развернулся и на галопе вперед. Я за ним. Вижу за нами бежит командир взвода коммунист товарищ Лескин.

Комиссар не хочет даже оглянуться. Подъехал к околице и, не останавливаясь — через ворота поскотины — прямо к избам. Но только мы выскочили на улицу, как из-за поворота, шагах в ста от нас, показалась колонна пехоты. Впереди на высоком коне офицер в серой папахе. Увидел нас, не растерялся, натянул повод и спрашивает:

Кто такие?

Мы вместо ответа, будто сговорились, сразу ударили из наганов. Конь под офицером взвился. Солдаты от неожиданности бросились врассыпную. Ну а мы, пока суть да дело, на галопе назад тем же путем, что прискакали. Но роту в лесу уже не застали.

Товарищи Юдин и Ослоповский всегда говорят, что командир в ответе за красноармейцев. Но в этом случае командиры были бессильны. Многие бойцы не выдержали напряжения непрерывных боев. Их вера в командиров ослабла.

В штаб полка мы вернулись поздно. В эту ночь мне впервые пришлось быть свидетелем ссоры между командиром и комиссаром. Я лежал на полатях, когда они начали обвинять друг друга в упущениях. Никогда такого еще не слышал. Разругались настолько крепко, что командир плюнул, хлопнул дверью и скрылся в горнице. Комиссар остался на кухне.

Время шло, никто не принимал мер для наведения порядка. Скоро рассвет, а никакие приказы еще не отдавались.

Я подумал, слез с полатей. На табурете сидит товарищ Юдин. Обхватил голову руками, смотрит в пол.

Заглянул в горницу. Там из угла в угол шагает комполка.

Я вернулся на кухню, набрался решимости и говорю комиссару, что сейчас не до ссор, надо меры принимать, время-то не ждет. Комиссар словно бы очнулся. Вижу, злости у него против командира нет.

Потом я зашел в горницу и сказал товарищу Ослоповскому то же самое, что и военкому. Минут через пять товарищ Юдин тоже вошел туда, протянул командиру руку. Сели как ни в чем не бывало за стол и принялись обсуждать, что же делать дальше…

У меня теперь нет сомнений: в ряды красноармейцев пробрались паникеры, шкурники, а то и прямые контрреволюционеры. За десять дней отступления они распоясались, подняли головы. Но в эти же тяжелые дни проявили себя и настоящие «красные орлы», те, что не поддались панике, не послушались провокаторов, непоколебимо служат власти Советов. Таких большинство.

Вчера читал в армейской газете, что красными взята Митава и учредиловцы просят у нас мира при условии созыва Учредительного собрания. Но революция, конечно, ни на какие соглашения с врагами не пойдет. Не дождутся буржуи своей учредилки.

Сегодня у попавшего в плен беляка забрал их газету. В ней тоже любопытные новости. На Украине Петлюра убрал Скоропадского, а потом рабочие и красноармейцы прогнали Петлюру. Атаман Семенов пошел против Колчака. Хорват — против Семенова. Хоть бы все они скорее перегрызли друг другу глотки…

Немного о своей жизни. Сейчас не голодаем. Я все время на лошади. Привык к ней.

Часто вспоминаю домашних, особенно сейчас, в рождество.

18 января. Станция Менделеево

За последние два дня в полку почти ничего не изменилось. Но на фронте происходят какие-то странные события. Белые оставили небольшие заслоны, а войска перебрасывают в другое место. Интересно, куда?

Наши роты двинулись вперед и почти не встречают сопротивления.

С 1-м батальоном по-прежнему плохо. Он совершенно вышел из подчинения. Сегодня у него отберут пулеметы, а людей

отправят на станцию Верещагино, то есть в тыл.

Прошлый раз, 16 января, я пропустил одно событие. Помнил о нем, но писать сразу не хотелось.

На пути в Менделеево мы заночевали в селе Кадилово. Получилось так, что я с товарищами попал к местному священнику. Дом небольшой, одноэтажный, две комнаты, кухня. Чисто, уютно. В горнице на окнах и по стенам цветы: герань, фуксия, фикусы, филодендрон, олеандр.

«Батюшке» под сорок. Попадья моложе. Дочке лет шестнадцать — маленькая, худенькая.

Я вначале настороженно следил за ними. Но вижу, относятся к нам с сочувствием и, как мне показалось, вполне искренне.

«Батюшка» пригласил всех на вечернее чаепитие, усиленно угощал. У нас в этот день был свой провиант, и мы тоже все выложили на стол.

За чаем завязался разговор. Конечно, о политике. «Батюшка» охотно излагал свои взгляды, говорил, что во многом согласен с нами, что и Иисус Христос был за бедных, за справедливость. Белые «батюшке» не по душе.

Дочка — ее зовут Оля — слушала всех, но сама молчала. Мы с ней разговорились после ужина. Она гимназистка, учится в Перми. Поехала домой на каникулы, а тут разгорелись бои. Отец не пустил обратно.

Оля показала мне свою библиотеку. Книжки почти все детские, кроме «Воскресения» Льва Толстого. Она ее читала.

Потом я предложил пойти погулять. Оля спросила у отца. Тот внимательно посмотрел на меня и просто сказал:

Ну, что ж, пойдите пройдитесь.

Ночь тихая, лунная. От сугробов черные тени. Снег скрипит под ногами.

Мы ходили по саду, потом вышли на улицу. Гуляли часа два. Я хотел взять Олю под руку. Но почему-то взял за руку. У нее вязаная варежка, как у детей.

Давно я ни с кем не говорил о том, о чем с Олей. Я описал жизнь, за которую мы боремся. Эта светлая жизнь наступит после того, как разгромим всех буржуев. Поэтому я и пошел в Красную Армию. Буду воевать, пока не добьем последних угнетателей.

Оля слушала меня и согласно кивала головой. Хоть и дочь попа, а понимает, что раньше не было справедливости, богатые обижали бедных. Я даже рассказал ей про Данко. Оле тоже нравится Горький, она читала «Старуху Изергиль».

Я видел: Оля доверчиво слушает меня. Говорит, что ей хочется приносить людям пользу, жить для народа.

Зашла речь и про любовь. Я сказал, что любить можно

девушку, которая так же думает, как и ты, у которой такие же идеалы. Оля согласилась.

Но сейчас, — продолжал я свою мысль, — не время для любви. Надо разбить всех врагов революции, а потом можно будет влюбляться.

Оля и на этот раз согласно кивнула головой. Я ей, наверно, казался совсем взрослым, очень опытным. Потом Оля замерзла, стала тереть щеку, и мы пошли домой.

Вот и все.

Но я и сейчас вижу Олино лицо, раскрасневшееся с мороза, ясные голубые глаза и толстую косу.

Интересно, увидимся ли мы с ней когда-нибудь?..

21 января. Станция Кузьма

Вступаю на новый путь. Откомандирован из полка на двухмесячные курсы агитаторов в Петроград.

Это произошло как-то неожиданно. Я лежал на полатях, собирался спать. Вижу, появляются Миша Ковригин и Павел Мамонтович Тарских. Глянули на меня, ничего не сказали, прошли в горницу к товарищам Юдину и Ослоповскому.

Пробыли там минут десять. Потом выходят и ко мне:

Давай слезай с полатей, дело есть.

Слез. Павел Мамонтович говорит:

Телеграмма получена из политотдела дивизии. Ехать тебе в Питер, на агитаторские курсы.

Я прямо растерялся. Желания — ни малейшего. Не хочется покидать родной полк, друзей, товарищей.

Отказывался, как мог. Но пришлось подчиниться требованию командира и военкома полка, а также нашего полкового партийного коллектива. Особенно неумолимо настаивал на поездке Павел Мамонтович.

Грозился, что пожалуется моему отцу, не станет уважать, если я не хочу учиться.

Павел Мамонтович умеет говорить. Помню, как он под Алапаевском, получив разрешение командира полка, заставил меня перейти из 9-й роты в 3-ю, которой тогда командовал.

Со штабом и партийным коллективом я расстался на станции Верещагино. Попрощался с боевыми товарищами и вчера вечером с грустным чувством уехал из полка.

Сегодня нахожусь в политотделе 29-й дивизии. Здесь и делаю эту запись. Скоро мне приготовят документы и под вечер я «ухну» куда-то далеко, в новую, не знакомую мне жизнь. А может быть,

это и неплохо — попасть в революционный Петроград. Поучусь и снова — в бой. Ведь за два месяца война против буржуев и капиталистов не кончится. Впереди еще много битв.

Пока я писал, принесли свежие газеты. Прочитал и сердце зашлось. В Германии подавлено восстание «Спартака», контрреволюционеры убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

В разгар великой борьбы между трудом и капиталом, когда на счету каждый коммунист, каждый сознательный работник в пролетарских рядах, враги убили одного из вождей — товарища Карла Либкнехта! Грязная рука злодеев-контрреволюционеров святотатственно поднялась на человека, который с молодых лет служил делу освобождения трудового народа!!

Мы уже понесли немалые жертвы. Кровью лучших сынов пролетариата полит путь к свободе и справедливости. Но мы не сгибаемся под бременем бед и несчастий. Наш дух несокрушим.

Убит вождь, но живы в сердцах бедняков и порабощенных слова, которые он сказал. Эти слова стали еще дороже, пламя их еще ярче.

Своей жестокостью слуги капитала лишь приближают час собственной гибели. Они роют себе могилу. Чем больше покушений на вождей и идеалы пролетариата, тем беспощаднее, безудержнее становится месть униженных и оскорбленных.

Несказанно тяжела утрата Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Мне хочется поделиться с кем-нибудь своими мыслями и переживаниями. Но в политотделе у меня нет знакомых. Я напишу заметку о смерти Карла Либкнехта и Розы Люксембург и пошлю ее в полковую газету «красных орлов».

23 января

Уже три часа сидим на каком-то разъезде верстах в пятидесяти от Вятки. Неизвестно, сколько еще просидим.

Едем все-таки спокойно, в классном вагоне. Попали туда с великим трудом, почти с боями.

До Глазова добирались ночью на лошадях. Прибыли к утру. Глазов — городок маленький, меньше Камышлова.

Приехав, явились в политический отдел 3-й армии. Здесь уже собралось несколько красноармейцев — будущих курсантов.

Мы получили документы, деньги — по 450 рублей на брата и продукты на всех: 75 фунтов хлеба, 25 фунтов мяса, соль, кофе и овсяную крупу. Снабдили неплохо, грех жаловаться. Надо вовремя добраться до Петрограда.

24 января

Только что выехали со станции Галич. Сижу на верхней полке и кое-как пишу.

Из Вятки отправились вчера ночью. Пока разыскивали свой поезд, долго бродили по путям. Устроились сносно. На всех заняли одно купе второго класса. Беда только, что нельзя сварить суп, поесть горячего. Коридор забит народом. Люди всюду: на крышах, площадках, буферах. Даже в уборной. Такое творится — зайти нельзя и описать невозможно.

Я подумал о Петрограде и мне захотелось прежде всего рассказать там о наших «красных орлах», о их героизме и доблести. Я в уме составил короткую речь.

Как со мной часто случается, в свободную минуту задумался об отце. Вспоминаю его жизнь, о которой знаю с его слов или со слов мамы.

Когда папе пришел срок служить, он попал в Тобольск и был солдатом в гарнизонном лазарете. Оттуда, видно, и идет его любовь к медицине. Года через два он вызвал к себе мою маму. В Тобольске она работала прачкой. На свое жалованье помогала отцу покупать книги и учиться. Он готовился сдать экзамены за четыре класса городского училища, чтобы потом выучиться на ротного фельдшера.

Кончился срок службы, и папа вернулся с мамой на свою родину, стал работать земским фельдшером. Получал в месяц 25 рублей. В деревне это большие деньги. Но и семья была уже, слава богу, немалая: четверо детей, я старший. Как отец любил нас, как играл с нами, когда был свободен!

Только свободен он бывал редко. К нему шли крестьяне со всей округи, да и сам он часто ездил по деревням, помогал людям.

В Борисовой решил папа ставить свой дом. Две комнаты под фельдшерский пункт, третью и кухню — для жилья. Отцу самому не пришлось достроить дом. Началась война, его забрали в армию. Дом кончала мама.

Помню, как отец, приехав после войны, сказал:

Теперь будем за новую жизнь биться.

Папа стал большевиком и горячо — он все так делал — принялся за новую работу. Собрал приятелей-фронтовиков в коммунистическую ячейку, помог бедноте выбрать волостной Совет. Сам трудился и в ячейке и в Совете, выступал перед мужиками, разъяснял текущий момент. У него были надежные друзья и товарищи. Вместе с отцом они устанавливали революционный порядок в деревне, проводили декреты о налоге,

образовании, реквизиции.

Сколько собирался папа сделать для крестьян! Но успел немного.

По рассказам пленных, я представляю себе картину его ареста. После Петрова дня ночью банда белых казаков, прорвавшись через башкирские земли, нагрянула в Борисову, Окатову и Зырянку. Наше кулачье тут как тут, заюлило перед казаками.

Отца забрали в исподнем белье, скрутили за спину руки и повели, подгоняя плетью. Мать, рыдая, бросилась за ним. Палачи отпихнули ее и с издевкой сказали:

Теперь ищи себе другого…

Трех братьев отца арестовали на сенокосе у озера Маян.

Всего по волости схватили человек тридцать и отправили в Бродокалмак. Потом одного из папиных братьев, дядю Матвея, отпустили избитого в кровь, Митрофана освободили, как малолетнего, а третьего, дядю Сергея, тоже коммуниста, засадили в тюрьму вместе с отцом.

Где они сейчас, что с ними?

Павел Мамонтович, который дружил с папой, рассказывал, что вечером накануне ареста у них был раз говор о создании своего боевого отряда. Уже имелись и винтовки, полученные из Камышлова. В волисполкоме дежурили по двое вооруженные коммунисты. В роковую ночь на дежурство заступили Федор Лобанов и Матвей Пеньженин. Там они и были схвачены белыми бандитами…

На фронте нет-нет, да и узнаешь что-нибудь об отце. В Петрограде уж, конечно, таких известий не получишь.

Петроградская жизнь

Поезд подошел к Петрограду в одиннадцать часов дня 25 января. А за дневник я сумел взяться только ночью.

Впечатлений столько, что не знаю, с чего и начать.

Еще из окна вагона я увидел большие питерские заводы. Их так много, что и представить трудно. Один кончается, другой начинается. Всюду дымят высокие кирпичные трубы. Охта, наверно, в несколько раз больше всего нашего Камышлова. А ведь когда-то Камышлов казался мне большим городом.

Опять невольно все сравниваю с Камышловом. Взять, например, Петроградский вокзал. В Камышлове такого размера лишь паровая мельница, да винокуренный завод, и то вряд ли. Военная казарма куда меньше.

А сколько на вокзале народу! И какая разнообразная публика!! Кто в военной одежде, кто в деревенской, кто в городской. У некоторых огромные, тяжелые мешки, другие совсем налегке. Толкотня, ругань. Я даже поначалу растерялся. Но потом вместе с товарищами через одни двери, другие, третьи вышел на площадь.

Впервые увидел трамвай. Но увидеть легко, а сесть в него — трудно.

Чтобы не мёрзнуть, прошлись по площади, посмотрели памятник Александру III. Ничего интересного и красивого: на неуклюжей, толстой лошади сидит такой же неуклюжий и толстенный городовой. Только и всего.

Можно было бы ехать на извозчике. Их тут немало. Зазывают: «Давай прокачу, недорого возьму!» Но мы воздерживаемся. Нам ехать далеко, и, конечно, это обойдется в копеечку.

В конце концов удалось штурмом взять трамвай. Давка невероятная. Я протиснулся к окну, подышал на стекло и стал наблюдать через проталинку.

На тротуарах, мостовых — сплошные сугробы. Даже рельсы заметены. Трамвай идет медленно. Иногда останавливается, ждет, пока расчистят путь. Снег убирают женщины. Их мало, а снегу очень много.

Несмотря на сугробы, беспорядок, видно, что город красивый. Я не мог оторваться от окна.

Еще на вокзале комендант нам объяснил, до какой остановки ехать и как пройти в гостиницу, где для нас подготовлены места.

На доме, к которому мы подошли, большая железная вывеска: «Меблированные комнаты Червонная Русь».

Впервые за свою жизнь попал в гостиницу и сразу же был

разочарован. На лестницах грязь. Коридоры длинные, холодные и темные, хотя освещаются не керосином, как у нас в Камышлове, а электричеством.

И все-таки после фронта, давки в вагоне здесь не так уж плохо!

Нас разместили по комнатам. В каждой два — три человека. Я прилег на кровать и почувствовал блаженство. Первый раз в жизни лежал на настоящей кровати с пружинным матрацем. В деревне спал на полатях и на полу, в Камышлове — на каком-нибудь диванчике или железной солдатской койке.

К вечеру в наших комнатах появились незваные гости. Прямо без стука заходили какие-то накрашенные и напудренные молодые женщины. Садились на стулья, на кровати. Бесцеремонно обращались к нам:

— Эй, миленочек, дай закурить, угости папироской.

Выпроводишь одних, появляются другие. Женщины эти нигде не работают и не хотят работать. Их интересует одно — нет ли у нас денег или продуктов. До поздней ночи они фланировали по коридорам.

Настроение испортилось. Гостиница показалась мне грязным притоном.

Когда первое возмущение прошло, я задумался. Если бы эти женщины жили в нормальных условиях, если бы они получили образование и труд по душе, разве стали бы такими, разве опустились бы? Конечно, нет!

Многое, наверно, мне предстоит узнать и понять за время петроградской жизни.

28 января

Удалось все-таки выбраться из «Червонной Руси». Жизнь там стала совершенно невозможной. Обращались в контору, разговаривали — ничего не помогло. Нашествие непрошеных посетительниц продолжалось. Отбою не было. Хорошо, что эти так называемые «меблированные комнаты» не сегодня — завтра закроют.

Теперь совсем другое дело. Нас разместили в Смольном. Раньше, в царские времена, в этом здании жили и учились дворянские дочки. Смольный тогда именовался «Институтом благородных девиц».

Во время революции, в октябре 1917 года, здесь был штаб большевиков. Товарищ Ленин отсюда руководил пролетарским восстанием.

Сейчас в Смольном — Петроградский комитет РКП (б). Нижний этаж отвели для наших курсов. Тут все под боком: классы, библиотека, канцелярия, кухня, столовая.

Курсы наши называются военно-агитаторскими, подчинены они Петроградскому военному округу. Учиться будем долго — месяца три. Нашего брата, красноармейцев, набралось человек полтораста — двести. Еще больше гражданских — человек четыреста, из всех губерний Северной коммуны[2]. Мы после курсов станем военными агитаторами в полках, они — работниками на селе.

Присматриваюсь к курсантам. Очень уж разный народ. Много людей зеленых, не видевших ни армии, ни завода, ни деревни.

Позавчера с несколькими такими же приезжими красноармейцами, как и я, гулял по городу, осматривал Дворцовую площадь и Зимний дворец. Стены дворцового корпуса, поврежденные во время левоэсеровского мятежа, уже заделаны.

Несколько часов мы провели во дворце. Бродили по лестницам, смотрели картины, мебель, заглянули в царские покои.

Больше всего меня заинтересовала комната, в которой жил Степан Халтурин. Сюда он тайно приносил динамит. Потом устроил взрыв, чтобы убить царя. Степан Халтурин — настоящий революционер. Он не ведал страха.

Мы долго стояли на Дворцовой площади. Представляли себе, как подходил сюда народ 9 января 1905 года, как по приказу царя стреляли в народ солдаты. Но эта площадь знала не только такие горькие часы. По ней 25 октября шли на штурм Зимнего питерские рабочие, солдаты, матросы.

Куда ни посмотришь в Петрограде — все напоминает о революции, о жестоких классовых боях.

Смольный и сейчас имеет военный вид. У высокой ограды из толстых железных прутьев дежурят на часах матросы. У каждого, кто входит в ворота или калитку, строго проверяют документы. Возле самого здания стоят направленные на улицу две трехдюймовые пушки. Их охраняют вооруженные солдаты-артиллеристы.

Вечером, после лекции, состоялось собрание по выборам курсантского комитета. Избрали десять человек.

Судя по первому впечатлению, основную работу на курсах и в комитете ведет завкурсами товарищ Зеленский. Ему не больше 22 лет. Одет в хорошее гражданское платье. Грамотный, развитый, уверенный в себе. Вопросы решает самостоятельно, быстро. Собрание ведет умело. Товарищ Зеленский, наверное, из студентов-большевиков.

Заведует учебной частью товарищ Иткина. Ей под тридцать, может быть меньше. Она черноволосая, черноглазая. Держится серьезно, говорит мало, никогда не улыбается, все время занята.

Что бы ни делал, не идет из ума родной полк. Много, конечно, интересного и хорошего в Петрограде, но по полку, по друзьям все равно тоскую. Тем более, что они на фронте, а я в тылу.

Почему все-таки Павел Мамонтович настаивал так упорно? Предполагаю, что из дружеских чувств к отцу. Мне кажется, у него такая мысль: «Голиков-старший арестован белыми, кто знает, как сложится его судьба, надо, чтобы сын вырос полезным для партии работником, а потому — пусть учится».

Не забыть мне прощания с товарищами Юдиным, Ослоповским, Стригановым, Цеховским, Мишей Ковригиным. Тепло расстались и с комбатом Андреем Полуяхтовым. Нравится он мне своей душевностью и смелостью. По-братски простился с Осипом Полуяхтовым, с боевым разведчиком Колей Садчиковым.

Павел Мамонтович, Иван Андреевич и Осип Полуяхтов отвезли меня к поезду на станцию Верещагине. Они были последними из нашего полка, с кем я виделся.

2 февраля

Бурно течет наша жизнь в эти дни. Прошло четверо суток с начала занятий. А сколько хорошего и дурного, интересного и скучного! Недостатков и непорядков куда больше, чем хотелось бы. Учеба трудно, медленно входит в колею. Одна лекция срывается, вторая переносится, третья заменяется. Занятие занятию рознь. Одно полезное, содержательное, другое — вялое, никчемное.

Состав курсантов еще не устоялся. Подъезжают опоздавшие, некоторые откомандировываются по болезни или неподготовленности. Есть и такие, что предпочитают учиться не на наших курсах, а на каких-нибудь других.

Не хватает книг. Идешь вечером в библиотеку, просишь такую-то книгу — нет.

Меняются не только учебные классы, но и жилые комнаты. Не успеешь обосноваться — пожалуйте в другой конец коридора. Забираем подушки, одеяла и перебираемся на новое место. Не налаживается дело с баней.

Никак не возьму в толк, что за странный набор курсантов. Большинство — гражданских, есть бывшие студенты, попадаются женщины. Среди военных имеются и матросы. Но их немного.

Еще на пути в Питер, где-то возле Вологды, к нам в поезд подсели два красноармейца. Оказалось, что они тоже посланы на курсы. Я с ними познакомился и вскоре сдружился. Иван Шабанов — серьезный, образованный; Василий Зеленцов веселее и проще. Сейчас наши койки стоят рядом. Другие товарищи, прибывшие с нами из 3-й армии, — Соснин, Опарин и Анчугов — попали в соседнюю комнату.

В помещении холодно. На ночь поверх одеяла накидываем шинели.

Нам объявили полное название наших курсов. Сразу и не упомнишь: «Военные агитационно-просветительные курсы при агитационно-просветительном отделе Петроградского окружного военного комиссариата».

Вчера разговорился с заведующим курсами товарищем Зеленским. Я считал, что он старше меня года на два — три, а выяснилось, что моложе на полтора года. Он окончил гимназию. В партию вступил в 1918 году. Работал секретарем уездного исполкома.

Одно время служил, как и я, в издательстве. Потом был комиссаром госпиталя.

Александр Федорович Зеленский — бодрый, живой, хлопотливый товарищ. Бывает почти на всех занятиях. Мне нравится его образованность, распорядительность. Никак не могу привыкнуть к мысли, что товарищ Зеленский моложе меня.

Но мне кажется, в отношениях с курсантами у Зеленского проскальзывает высокомерие. Нет-нет да и даст почувствовать свое превосходство.

Я думал, что товарищ Иткина заведует учебной частью наших курсов, а оказывается, она заведует агитационно-организационным отделением, и курсы подчинены ей. На днях она обходила наши комнаты, спрашивала насчет занятий, столовой, газет, книг. Выслушивала внимательно, но сама говорила мало. Распоряжения отдает быстро, строго. Все ей подчиняются.

Теперь мы знаем программу учебы. Будем изучать такие темы: капитализм, империализм, коммунизм, политическая экономия, почему мы воюем, о задачах Красной Армии, о школе, о сельском хозяйстве, о конституции, о партийности.

Военная учеба, физические упражнения, даже утренняя разминка не предусмотрены. Жаль.

День проходит так: встаем, приводим себя в порядок, завтракаем и идем на уроки. Вечером занимайся сам сколько влезет.

Постепенно знакомимся друг с другом. Откуда только не

приехали товарищи! Гражданские — из Петрограда и разных уездов Петроградской губернии, из Новгородской, Псковской, Олонецкой, Вологодской, Северо-Двинской, Архангельской губерний. Военные — из гарнизонов, расположенных в окрестностях Петрограда, с Восточного, Западного, Южного, Северного и Карельского фронтов. Моряки — с Балтики.

Народу много, но размещены мы не тесно. Нар нет. Между койками — проходы. Возле каждой койки — тумбочка.

Самая шумная у нас на курсах комната № 58, где размещается что-то вроде канцелярии. Сюда каждый идет со своей нуждой, со всякими хозяйственными, финансовыми и бытовыми вопросами. Служащие к нашим просьбам подходят строго: требуют документы, подтверждения. Но стараются во всем помочь, всегда идут навстречу. Курсанты получают записки на ремонт ботинок или пимов, замену телогрейки или вконец износившейся шинели. Тут же даются направления и на прием к фельдшерице. Сюда приходят письма, телеграммы и газеты.

Короче говоря, без пятьдесят восьмой комнаты нельзя себе представить курсантскую жизнь.

В это воскресенье не занимался. Партийная ячейка предложила мне сходить в город на собрание учащихся средних школ.

В зале было человек четыреста, все — бывшие гимназисты и реалисты. Вид не такой, как у наших камышловских учеников. Одеты лучше, чище, пострижены модно — «под польку». Многие в очках.

Однако очень плохо держат себя. Шумят, ругаются. Никто не признает порядка, дисциплины. Один выступает, остальные кричат, смеются.

Надо было обсудить вопрос о задачах учащихся советской школы и выбрать школьный комитет. Но разве в такой неразберихе можно что-нибудь решить?

Когда я немного освоился, то понял: дело не только в шуме и гаме. Учащиеся вовсе не хотят признавать советской трудовой школы, не желают изучать общественные науки. В то время, когда все честное, стремящееся к справедливым идеалам человечество пришло к нам, в наши ряды, эти чистенькие молодые люди стоят особняком. Они не видят, не хотят видеть жизни. В их упорстве есть что-то тупое, мещанское, отдающее странным, по-моему, запахом.

Чего же они ждут, о чем мечтают? Или, как Обломов, рассуждают о высоких материях, а сами способны только спать, спать и спать…

Уверен, среди учащихся есть и такие, которые интересуются

общественным движением, борьбой масс.

Но почему не слышен их голос, почему они отмалчиваются? Значит, эти люди не пошли дальше мелкобуржуазных идей, остановились на полпути, не доросли до сознательного участия в современных событиях.

Тон на собрании задавали маменькины сынки, белоручки. Их ничто не интересует, кроме собственной персоны. Это они все время кричали, что нужна организация «без политической подкладки».

Нет, такая организация нам не нужна. Организации «без политической подкладки» сейчас быть не может.

И еще я подумал вот о чем. Тысячи юных борцов сегодня бьются с врагами пролетарской власти, проливают свою молодую кровь на фронтах. А эти люди могут учиться, читать книги, получать образование. Так неужели они не чувствуют своего долга?

Если они не сольются с семьей трудящихся, не пойдут вместе с ней по пути борьбы за освобождение человечества, не нужны никакие их игрушечные, половинчатые организации. Никто не поверит их болтовне о «свободе личности». Волна жизни захлестнет, обгонит этих жалких кривляк. Их уделом будет духовно-нищенское прозябание.

Три часа шумели, разглагольствовали, а под конец решили не принимать никакой резолюции. Мотив: отсутствовали многие делегаты, они, видите ли, не могли явиться из-за того, что не шли трамваи.

Выискались умники, посоветовавшие «не терять непроизводительно времени на обсуждение вопросов, решение которых не будет авторитетно для более полного по составу другого собрания».

Нет, как раз наоборот. Коль пришли, назвали себя «собранием учащихся», то надо по-деловому разобрать вопросы, а не увиливать от них. Будущее собрание, узнав постановление, сможет присоединиться к нему. Во всяком случае, я считаю так: если пришел, то действуй.

Этот разброд, шумная и никчемная болтовня напоминают мне пустопорожние собрания, какие проводились иногда в нашей камышловской гимназии года полтора назад.

Но с тех пор вокруг нас и с самими нами произошли громадные перемены. Неужели же здешняя молодежь ничему не научилась за это время, не увидела своего места в классовых битвах? Неужто не появилась у этих молодых людей потребность стать наследниками тех, кто жил и умирал ради трудового народа. Встряхнитесь! Становитесь в наши ряды! Будьте нашими

боевыми товарищами!

4 февраля

В комнате тихо. Все спят. Я только что пришел с заседания Петроградского Совета. Нас, человек двадцать курсантов, посылали туда партийные ячейки.

Первый раз в жизни я был на таком заседании, слушал опытных большевиков-руководителей.

Дворец Урицкого[3], где размещается Петросовет, — красивое, просторное, хотя и невысокое здание. Зал и коридоры переполнены рабочими, пожилыми и молодыми. Немало красноармейцев, матросов.

Мы попали на балкон и оказались недалеко от президиума. Все было хорошо видно и слышно. Публика прибывала. Стало душно. Но на это, конечно, никто не обращал внимания.

Первым выступил с докладом товарищ Воровский. Он вместе с членами советской миссии только что вернулся из Стокгольма. Правительства Швеции, Норвегии, Дании, которые пляшут под дудку американских, английских и французских империалистов, порвали отношения с нашей Республикой. Теперь империалисты науськивают финских белогвардейцев, подталкивают их на войну против нас.

Обо всем этом рассказал товарищ Воровский и призвал всех слушавших его крепить военные и экономические силы Советской республики, по-братски дружить с пролетариями всех стран.

Я взволнованно слушал оратора. Товарища Воровского нельзя слушать иначе. Он говорит страстно, громко и смело. Очень ясно и твердо выражает свои мысли. В нем чувствуется опытный агитатор-большевик.

Свою речь Боровский закончил словами: «Империализм спасует перед нами». И сошел с трибуны — высокий, прямой, подтянутый.

Мы вместе со всем залом долго и громко аплодировали ему.

Потом сделал доклад товарищ Литвинов. Он тоже недавно вернулся из-за границы. Совнарком посылал его убедить империалистов кончить интервенцию и заключить мир.

Товарищ Литвинов подробно рассказал о своей поездке, о дипломатических беседах. Потом зачитал ноту насчет переговоров на Принцевых островах. Эта нота, подписанная наркомом по иностранным делам товарищем Чичериным, послана самым крупным странам капитала.

Сейчас дома на столе я увидел «Петроградскую правду», в

которой напечатана нота товарища Чичерина. Прочитал ее. Как точно и правдиво описано здесь наше положение, как настойчиво добивается мира наша рабоче-крестьянская власть.

Я вырезал из газеты ноту и вложил в дневник. Вот она:

«РАДИО НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ ОТ 4 февр. 1919 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВАМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ, ИТАЛИИ, ЯПОНИИ И СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ ШТАТОВ

Русскому Советскому правительству стало известно из радиотелеграммы, заключающей в себе обзор печати, о якобы обращенном державами Согласия ко всем фактически существующим в России правительствам приглашении отправить делегатов на конференцию на Принцевы острова. Не получив никакого приглашения такого рода, которое было бы ему адресовано, и узнав опять-таки из радиотелеграфных обзоров печати, что отсутствие ответа с его стороны истолковывается, как отказ дать ответ на это приглашение, русское правительство хочет устранить всякое ложное толкование его образа действий. Принимая во внимание, с другой стороны, что иностранная печать систематически представляет его действия в ложном свете, русское Советское правительство пользуется этим случаем для того, чтобы точно определить занятое им положение в полной ясности и откровенности. Несмотря на все более благоприятное положение Советской России и в военном отношении и в отношении ее внутреннего состояния, русское Советское правительство считает настолько желательным заключение соглашения, которое положило бы конец военным действиям, что оно готово немедленно начать с этой целью переговоры, и, как оно неоднократно заявляло, добиться такого соглашения даже ценою серьезных уступок, поскольку они не будут угрожать дальнейшему развитию Советской республики, принимая во внимание, что враги, против которых ему приходится бороться, черпают свою силу сопротивления исключительно из той помощи, которую ему оказывают державы Согласия, и что поэтому последние являются единственным действительным противником русского Советского правительства.

Последнее обращается именно к державам Согласия с изложением тех пунктов, по которым такие уступки оно считало бы возможным, с целью прекращения

всякого конфликта с этими державами. Ввиду особенного значения, придаваемого не только в печати, но и в многочисленных заявлениях представителями правительств Согласия вопросу о русских займах, Советское правительство прежде всего заявляет о своей готовности сделать уступки по этому вопросу требованиям держав Согласия. Оно не откажется от признания своих финансовых обязательств по отношению к своим кредиторам, причем точное определение того, каким образом эти пункты будут проведены в жизнь, будет заключаться в специальных договорах, выработка которых будет являться задачей предлагаемых переговоров.

Во-вторых, ввиду затруднительного финансового положения Российской Советской Республики и неудовлетворительного кредита ее за границей, Советское Правительство предлагает гарантировать уплату процентов по своим займам известным количеством сырых материалов, относительно которых должно еще состояться специальное соглашение. В-третьих, ввиду постоянно обнаруживаемого иностранным капиталом значительного интереса к вопросам эксплуатации естественных богатств России, Советское Правительство готово предоставить подданным держав Согласия горные, лесные и другие концессии на условиях, подлежащих еще точному определению, с тем, чтобы экономический и социальный строй Советской России не был затронут внутренними распорядками этих концессий. Четвертый пункт, к которому, по мнению Советского Правительства, могли бы относиться предлагаемые переговоры, касается территориальных уступок, так как Советское Правительство не имеет в виду во что бы то ни стало исключить из этих переговоров рассмотрение вопросов о каких-либо аннексиях державами Согласия русской территории. Советское правительство прибавляет, что, по его мнению, под аннексией следует подразумевать сохранение на той или другой части территории бывшей Российской империи, за вычетом Польши и Финляндии, военных сил Согласия или же таких, которые поддерживаются правительствами Согласия или пользуются их финансовой, технической, военной или иной поддержкой.

Поскольку идет речь о пунктах 2-м, 3-м и 4-м,

размер уступок, на которые пойдет Советское Правительство, будет зависеть от его военного положения по отношению к державам Согласия, причем в настоящее время это положение улучшается с каждым днем. На Северном фронте советские войска только что овладели Шенкурском. На Восточном фронте, только что потеряв Пермь, они взяли обратно Уфу, Стерлитамак, Белебей, Оренбург и Уральск, в результате чего, между прочим, железнодорожное сообщение со Средней Азией находится теперь в их руках. На Южном фронте они недавно взяли важные железнодорожные станции: Поворино, Алексиково, Урюпинскую, Таловую, Калачев, Богучар, и таким образом, в их власть перешли железные дороги этого края, в то время как с юго-запада движущиеся со стороны Луганска украинские советские войска угрожают тылу Краснова. На Украине местные советские войска завоевали Харьков, Екатеринослав, Полтаву, Кременчуг, Чернигов, а также многочисленные менее важные города. Белоруссия, Литва, Латвия почти целиком перешли в руки советских войск вместе с большими городами Минском, Вильной, Ригой, Двинском, Митавой, Виндавой и др. Значительное укрепление внутреннего положения Советской России доказывается фактом — начатием с Советским правительством переговоров со стороны членов учредительного собрания, которых представители, а именно: председатель их съезда Ракитников, секретари Святицкий, Вольский, Хмелев, Гуров, Черненко, Антонов, состоявшие все членами центрального комитета партии с.-р. прибыли вчера, 3 февраля, в Москву, причем эти, пользующиеся значительной известностью представители социалистов-революционеров высказались с большой решительностью против вмешательства держав Согласия в дела России.

Улучшение отношений между Советским Правительством и элементами русского общества, бывшими до сих пор по отношению к нему враждебными, иллюстрируется переменой положения меньшевиков, конференция которых равным образом протестовала против вмешательства держав Согласия в дела России и орган которых „Вперед“ свободно теперь издается в Москве. Общее ослабление прежней напряженности внутреннего положения в России доказывается упразднением уездных чрезвычайных

комиссий. Наконец, лживое измышление иностранной печати относительно якобы происходящих в Петербурге и других местах беспорядков — являются целиком с начала до конца выдумкой. Подчеркивая еще раз, что положение Советской России не может не отразиться на размерах предполагаемых уступок, русское Советское правительство тем не менее остается при своем предложении вступить в переговоры по изложенным выше вопросам. Что же касается часто высказываемых в печати стран Согласия жалоб по поводу международной пропаганды русского Советского Правительства, последнее, указывая на невозможность для него ограничить свободу революционной печати, заявляет о своей готовности в случае необходимости включить в общее положение державами Согласия, на указанных основаниях, обязательство не вмешиваться в их внутренние дела.

Русское Советское правительство готово немедленно „начать переговоры или на Принцевых островах, или в каком бы то ни было другом месте со всеми державами Согласия совместно или же с отдельными державами из числа их, или же с какими-либо российскими политическими группировками. Согласно желанию держав Согласия русское Советское Правительство просит державы Согласия немедленно сообщить ему, куда направить ему своих представителей, когда именно и каким именно путем“.»

Из ноты видно, как нам необходима передышка. Мы должны пользоваться каждым случаем, чтобы сохранить и умножить свою силу, еще больше укрепить Советскую Россию и Рабоче-крестьянскую Красную Армию. Ведь буржуи никогда не станут нашими искренними друзьями. Они всегда будут точить нож против нас.

Нота товарища Чичерина очень важна и в другом отношении: если капиталисты не примут сформулированных в ней наших мирных предложений, то они до конца разоблачат себя. Трудящиеся всех стран еще яснее увидят ложь и подлость буржуазии, которая только на словах клянется в своем миролюбии.

В общем будущее покажет многое. Я уверен, что Ильич все предусмотрел.

От товарища Литвинова мы узнали также о нарастающем стачечном движении зарубежного пролетариата. Рабочий класс

готовится к новому революционному выступлению. Эксплуататоры в страхе мечутся, ищут, как им быть: то ли идти напролом, то ли лавировать, уклоняться от открытого боя. Но какую бы тактику они ни избрали, все равно дни их сочтены. Мировая революция не за горами. Об этом очень убедительно говорили представители пролетариата Швеции, Дании, Норвегии. Они приветствуют нашу революцию, учатся у нас. Они верят: коммунизм спасет трудовое человечество.

Я даже не могу найти слов, чтобы выразить свое впечатление от заседания Петроградского Совета. По-моему, это — выдающееся заседание.

5 февраля

Только недавно узнал: оказывается, наш набор не первый, а второй. Руководители и учебная часть уже имеют некоторый опыт. Поэтому неполадки первых дней довольно успешно утрясаются. Правда, еще не совсем утряслись. Бывают срывы занятий.

Работать приходится допоздна. Читаю, пишу, обдумываю. Много нового и интересного открывается мне.

Больше всего, по-моему, пользы, когда сам, сидя над книжкой, доходишь до сути. Но чувствую, что за последние месяцы голова отвыкла от занятий. Отвлеченные понятия по программе политической экономии усваиваются с большим трудом. Спасибо Ване Шабанову — терпеливому и умному другу. Он всегда готов пособить, побеседовать. В такой беседе и выясняется то-, что оставалось непонятным.

Особенно пригодилась Ванина помощь, когда я читал у Маркса о труде, прибавочной стоимости, деньгах и прибыли. Остальные разделы дались легче.

В гимназии у меня тоже не все шло гладко. Математика и физика давались гораздо труднее, чем другие предметы.

Понял, как важно делать выписки, конспектировать.

Вечерами к нам часто присоединяется Вася Зеленцов. Он очень старателен. Но ему порой приходится туго.

7 февраля

Приятно после бани попить горячего чаю. Особенно, если баню ждешь давным-давно, а «разведчики» работают вовсю. Теперь они уничтожены горячей водой и мылом. Можно

распивать чаи. «Чай» у нас название условное. Пьем-то мы ячменный кофе.

Занятия идут своим чередом. В последние дни Почти без срывов, строго по расписанию. Охотно посещаем все лекции. Даже если лекция не особенно удачная, из нее можно кое-что извлечь. Это я понял сразу и совсем не хожу в город. Потому до сих пор и не выполнил поручения, которое дал мне еще на фронте мой дальний родственник Зиновий Иванович Золотавин.

Зиновий Иванович — коммунист, доброволец полка «Красных орлов», раньше служил матросом на Балтийском флоте. В Питере у него много дружков из военных моряков. Одному из них он прислал со мною письмо. В ближайшие дни обязательно надо передать его адресату.

Постепенно мы знакомимся с работниками агитационно-организационного отделения. Курсанты обращаются к ним по своим делам. Кто насчет жалованья, командировочных, суточных, верстовых. Кто насчет ботинок, гимнастерки. Кто хлопочет о дорожных литерах, продовольствии, табаке.

Эти просьбы почти всегда удовлетворяются. Хозяйство у нас не свое, а общее со всеми учреждениями Смольного. Поэтому, накладывая на заявление резолюцию, работники агитационно-организационного отделения обычно пишут: «В Смольный».

Товарищ Иткина подписывает документы как член коллегии агитпросветотдела Петроградского окрвоенкомата. Что такое «коллегия», я еще не представляю себе ясно.

В агитпросветотделе, оказывается, кроме агитационно-организационного, есть культурно-просветительное отделение. Чем занимается это отделение, видно по его секциям. Секции такие: школьно-курсовая, клубная, театральная, музыкальная, библиотечная, кино и массового пения.

Это отделение, как мне объяснили, работает еще и совместно с инспекцией военных оркестров Окрвоенкомата. Ею заведует товарищ Чернецкий.

Агитпросветотделом, говорят, заведует товарищ Холодилин. Я его никогда не видел.

12 февраля

Все было бы неплохо, если бы не приходилось подголадывать. Особенно не хватает хлеба.

Почти все мы занимаемся с восьми утра до одиннадцати вечера. Нагрузка немалая, а питание слабовато.

Делаю новые открытия. Узнал, что при наших курсах имеется

школа военные комиссаров. В ней учится около тридцати человек. Все военные. Есть и моряки. Программа отличается от нашей. Комиссары изучают политвопросы, топографию, тактику, историю военного искусства, стратегию, артиллерию, фортификацию и войсковое хозяйство. Занимаются они много и не только в помещении Смольного.

Говорят, что скоро будут создаваться курсы чтецов, инструкторов массового пения, работников внешкольного образования. Никогда раньше не представлял себе, что бывают и подобные курсы, особенно чтецов и пения. А ведь и верно — нужны нашим красноармейцам такие люди. Почему только до сих пор их никто не готовил?

С завистью смотрю на товарищей, которые получают вести из дома. Правда, иногда это невеселые вести. Бывает, что курсанту надолго приходится оставлять курсы!. Некоторым и вовсе не удается больше вернуться на учебу.

Курсант Кузнецов получил телеграмму о том, что вся его семья болеет. Надо спешно выезжать. Дали отпуск на четырнадцать суток. Потом поедет прямо в свою часть.

Курсанта Жеглина телеграммой вызвали домой, так как у него отец при смерти. Получил недельный отпуск с возвращением на курсы.

Товарищам Степанову и Изборскому сообщили о тяжелой болезни их жен. Вернувшись из отпуска, они будут продолжать учебу.

После заседания Петросовета я не ходил больше в город. Некогда. И все другие товарищи нашего отделения такие же домоседы. Знакомых у нас здесь нет. Развлекаться не собираемся. Народ подобрался трезвый.

Установили закон: никаких разговоров о женщинах. Стоит кому-нибудь нарушить уговор, его сразу же обрывают.

В общежитии мы ничего друг от друга не прячем, не знаем никаких ключей и замков, а все всегда в целости и сохранности.

Некоторые курсанты получают из деревни посылки с продуктами, сухарями. Хочет товарищ — делится, не хочет — нет. Никто никогда не просит.

Целую неделю не принимался за дневник. Все больше ухожу в занятия. Растет и напряжение, и интерес. Много хороших, поучительных лекций. Но для меня по-прежнему важнее всего самому думать над книгой и записями.

Преподавателей не хватает. Те, что есть, едва успевают прочитать лекции, побеседовать с нами. Больше половины работы остается на вечер. В какую комнату ни заглянешь, всюду одна картина: курсанты допоздна сидят, читают.

Наш «тройственный союз» продолжает действовать. Сначала мы с Шабановым и Зеленцовьгм занимаемся врозь, потом сходимся вместе, обсуждаем прочитанное. Часто присоединяются и другие товарищи, особенно из числа слабых. Мы их охотно принимаем. Порой собирается кружок в пять — семь человек.

Сейчас я делаю выписки из очень интересной и богатой мыслями книги Фридриха Энгельса «Материалистическое понимание истории».

Вдумываюсь в прочитанное у Маркса и Энгельса, и словно пелена падает с глаз. Я уже давно не верю в бога, в загробную жизнь, во всякие сказки о душе. Но только сейчас начал постигать происхождение людей и человеческого общества. Мне стало ясно, какую роль в истории играют экономические отношения людей, что значила в прошлом и значит сейчас борьба классов.

В библиотеке отыскал Шекспира. Особенно мне нравятся его исторические трагедии. Прочитал «Юлия Цезаря» и «Гамлета». Надеюсь в ближайшие дни Прочитать «Леди Макбет».

В гимназии я установил для себя определенную систему в чтении. Сперва читал основные произведения одного писателя. Потом принимался за другого. Так я прочитал всех русских классиков. Мне по душе Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Короленко, Мамин-Сибиряк, Мельников-Печерский, Лесков. Больше всего люблю произведения, о народной жизни. Поэтому, наверное, из поэтов мне особенно дороги Некрасов и Кольцов.

Сейчас хочется получше узнать Горького, Чехова и Андреева. Особенно Горького. До сих пор помню отрывок о Данко, который читал товарищ Мулин в первую годовщину Октябрьской революции.

Из иностранных писателей мне нравятся прежде всего те, которые пишут о приключениях, путешествиях и на исторические темы. В Камышлове я прочитал многие книги Вальтер Скотта, Майн Рида, Жюля Верна, Луи Буссенара. Шиллера и Байрона, к сожалению, читал маловато. Все мы в гимназии увлекались Натом Пинкертоном, Ником Картером, Шерлоком Холмсом, Путилиным, вообще «сыщиками». Начинаю понимать, что это не ахти какая ценная литература.

Недавно написал и отправил два письма в полк. Ответа еще нет. Скорей бы уж. Как они там, на фронте?

В партийной ячейке нам сказали, что финские белогвардейцы готовят нападение на Питер. Но внешне в городе все спокойно.

Не так давно раскрыт новый заговор «левых» эсеров. У них обнаружили подпольную типографию, конспиративную квартиру, листовки. Заговорщики ставили своей целью свержение власти Советов. В Москве и Питере арестовали их главарей. Спиридонова

опять попалась. Едва над Республикой нависает какая-нибудь новая опасность, эти гады сразу же вылезают из своих нор

В столовой все хуже с питанием. На обед дают какую-то жижу, в которой плавают два — три капустных листа. Встаешь из-за стола таким же голодным, каким сел. На сутки получаем по фунту черного хлеба, как правило, невыпеченного.

Нам дают много больше, чем жителям города. Ценим это. Но голод не проходит. Среди курсантов все время разговоры о хлебе.

Нашлось несколько человек, которые из-за голода бросили учебу. Считаю, что у товарищей не хватило стойкости.

19 февраля

Ничего особо важного за последние дни не произошло. Но был один случай, о котором хочу написать. Этот случай чем-то характерен для нашей курсантской жизни.

Вчера и сегодня нам давали совсем плохой суп. Вода с гнилой капустой. Но это еще полбеды. И сегодня, и вчера мы обнаруживали в супе червей.

Братия привыкла уже к супам, именуемым у нас «жареной водицей». Но вот черви — неожиданность. Неприятная неожиданность! Ругань, шутки, недобрый смех не затихают в столовой.

Сегодня большинство курсантов обедало одной чечевицей.

После обеда тарелку супа с десятком белых червячков принесли товарищу Зеленскому. Вместо того чтобы разобраться, он отмахнулся: «Ничего не могу сделать, я тут ни при чем, никакого отношения к продовольствию не имею». Посоветовал «пострадавшим» подать заявление в Петроградский Совет.

Пусть даже товарищ Зеленский «не имеет никакого отношения к продовольствию», все равно нельзя закрывать глаза на безобразия, стараться во что бы то ни стало остаться чистеньким, незапятнанным администратором — «моя хата с краю». Курсанты прямо это высказали заведующему. Он только кусал губы и удивлялся нашей дерзости.

Безобразия с питанием все сильнее возмущают товарищей. Они обращаются не только к заведующему. Шлют записки лекторам. Результатов пока не видно.

Из-за недоедания, беспорядков в столовой интерес к занятиям ослабевает. То от одного, то от другого слышишь: «Хоть бы поскорее уж убраться отсюда». Такие настроения появились и в нашей компании.

Опять часто отменяют и заменяют лекции. Время иногда

проходит без всякой пользы. Очень досадно. Я вошел во вкус и мне сейчас хочется заниматься.

Все-таки еще надеюсь, что дело наладится.

22 февраля

Завтра наш праздник — день Красной Армии. Первая годовщина!

Я вступил в Красную Армию, когда ей было три месяца. Много же я повидал за это время. Самое главное и отрадное — наша армия на моих глазах делалась все сильнее. У нас были очень трудные бои, мы терпели поражения. Но только слепой не заметит, как мы крепнем.

И сейчас обстановка нелегкая, враги налезают со всех сторон. Однако Красная Армия сдерживает беляков, а местами сама наступает.

Большую пользу принесут Красной Армии всевозможные курсы, на которых из нашего брата — красноармейца, готовят командиров, комиссаров, агитаторов. Сколько таких курсов в одном лишь Питере!

Теперь я не жалею, что попал на учебу. За четыре недели узнал много полезного. Постараюсь, чтобы и оставшееся время не прошло впустую.

Недавно сообщили, что после окончания занятий нас направят в губернии Северной коммуны. Для меня это неожиданность. Но коль так случится, я бы хотел попасть в деревню. Деревня — мое родное место. Старался бы принести пользу крестьянам, да и сам продолжал бы учиться.

Как только услышали об окончании учебы, стали считать дни. С одной стороны, хочется учиться, а с другой — не терпится поработать.

По случаю годовщины Красной Армии каждому курсанту выдали по два фунта хлеба. Все очень довольны. Сидят по комнатам, жуют хлеб, запивают его водой или овсяным кофе. Настроение поднялось.

Днем было небольшое собрание. Докладчик говорил о текущем моменте и о Красной Армии.

23 февраля

Занимаюсь. Никуда не хожу, не отрываюсь от книг. Теперь у всех такое чувство: надо нажимать, поторапливаться.

Праздничный день прошел по-деловому. По-моему, это очень хорошо.

27 февраля

Сижу в комнате один. Товарищи ушли в театр. Первый раз за время учебы мы получили билеты. Мне очень хотелось, да и братия агитировала. Но я дал себе зарок — проводить вечера только за книгой.

Сегодня изучал труд Ленина «Государство и революция». Сейчас сделал короткий перерыв и взялся за дневник. Кончу запись, примусь за «Памятную книжку марксиста».

Решил приналечь в эту неделю на занятия, чтобы суметь к 5 марта держать экзамены за всю программу. Нормально курс учебы должен кончиться через месяц. Но я измерен ускорить окончание. Программа в основном знакома, особых трудностей не предвижу, а засиживаться на курсах нет резона. Скорее сдам и уеду в деревню или на фронт.

Вопросы, которые нам зададут на экзамене, уже известны. И мне кажется, большинство курсантов в и их разбирается. Почти каждый сумеет разъяснить, что означает материалистическое понимание истории, в чем состоит значение книги товарища Ленина «Государство и революция», как надо понимать тему «Капитализм и коммунизм». Я имею в виду ответы сознательные.

Вчера ненадолго ходил в город, в книжные магазины. Купил много ценных книг на политические темы и томик стихотворений Некрасова.

Из полка — никаких известий. Каждый день читаю газету, прежде всего просматриваю сводку с фронтов. Особенно внимательно слежу за Пермским фронтом. Тянет меня туда.

1 марта

28 февраля для нас, курсантов, оказалось неприятным днем. С самого утра мы ходили, как травленые тараканы, неприкаянно слонялись с места на место. В помещении холодно, как на улице.

В комнате, расположенной над нашей, недавно был случай оспы. Пришлось делать дезинфекцию. Сделали неудачно. Запах жженой серы распространился по всем комнатам и коридорам. Многие курсанты отравились. У меня было такое чувство, что грудь вот-вот разорвется.

В довершение всех бед в комнате, где делали дезинфекцию,

вспыхнул пожар. Пол прогорел и остатки его рухнули к нам, чуть не на головы. Больные, едва державшиеся на ногах, мы перебрались в нетопленые комнаты. Ночь просидели в шинелях, пальто, пимах. У кого что было, все натягивали на себя. Выспаться не удалось.

Несмотря на эти неприятности, именно 28 февраля состоялось общее собрание по перевыборам курсантского комитета. Администрации и старому комитету досталось по первое число. Собрание проходило бурно. Товарищи резко говорили о недостатках. Я тоже выступал.

Избрали новый состав комитета.

Комитет должен помогать налаживать занятия, укреплять порядок, защищать интересы курсантов, а с тех, кто халатно учится или неправильно ведет себя, строго спрашивать.

Товарищи Зеленский и Иткина были на собрании все время. Им нелегко приходилось. Товарищ Зеленский очень нервничал, сердился, несколько раз брал слово.

Я считаю, что их справедливо критиковали и за учебные дела, и за столовую. Но кое-кто на собрании вел себя не как сознательный, курсант, а как скандалист. Такие крикуны не желали признавать порядка, творили и говорили, что в голову придет. Словно анархисты. Особенно отличался высокий рыжий курсант в студенческой шинели. Фамилии его не знаю.

Мы потребовали от этой публики подчиняться общему порядку. Тогда несколько человек во главе с рыжим студентом в знак протеста ушли с собрания. Ну и черт с ними. Зачем и как эти бузотеры попали на курсы?

Лучше всего держали себя фронтовики и матросы.

Меня избрали в новый состав комитета.

2 марта

Вчера у меня был неожиданный фронтовой гость. Из полка «Красных орлов» в Питер приехал на несколько дней мой родственник Зиновий Иванович Золотавин. Он очень похож на моего деда Николая Андреевича. Тоже черный, с карими глазами, с большим лбом. И, как дед, уже лысеет, хотя и не старый.

С Золотавиным мы встретились в полку, когда шли бои под Егоршином. Он прибыл к нам с отрядом товарища Ослоповского.

Сейчас суровая зима, а Зиновий Иванович щеголяет в матросском бушлате и бескозырке. Только обут по-зимнему — в большие пимы.

В Питер Золотавин приехал из Глазова по заданию

хозяйственной части: должен кое-что купить для полка. Весь вчерашний день провел вместе с ним. Узнал от него о полковых делах.

Много крови «красных орлов» утекло с тех пор, как я расстался с друзьями и уехал на курсы. Отправлен в госпиталь тяжело раненный помощник командира полка товарищ Кобяков. Нет в живых командира 5-й роты Миши Коробицына, бесстрашного коммуниста, верного друга всех красноармейцев.

Смерть Миши Коробицына особенно тяжела. Ведь погиб он, как и некоторые другие товарищи, ни за понюшку табаку.

Произошло это еще в конце января. Наш 2-й батальон наступал на деревню. Одна рота с фронта, другая — в обход. Это-то две роты и столкнулись с 62-м Ржевским полком, приняв его за белогвардейский. Трижды ходили в атаку на ржевцев. Положение разъяснилось только тогда, когда взяли в плен нескольких красноармейцев.

Дело это расследовал товарищ Цеховский. Он арестовал Сухарева, исполнявшего должность командира 2-го батальона. Сухарев во время боя вел себя как трус. Ни во что не вникал, отсиживался в хате, лопал блины и просил прислать еще один батальон «красных орлов».

Мы прикинули с Зиновием: за девять месяцев непрерывной, жестокой борьбы наш полк потерял многих старых бойцов-коммунистов. Сколько их, дорогих товарищей, отдало свою жизнь за победу пролетарской революции и власть Советов! В Нижней Синячихе, около Алапаевска, погиб Василий Данилович Жуков. Погиб в бою командир пулеметного отделения товарищ Шабанов… Да разве всех перечислишь.

Но кровь эта льется не зря: наступит светлая жизнь для всех трудовых людей.

Положение на Пермском фронте прекрасное. Вскоре после моего отъезда были разбиты офицерский штурмовой ударный батальон и два белых полка. При этом захвачены исправные орудия, пулеметы.

Особую роль в бою сыграл комбат товарищ Полуяхтов. Он со своими связистами сумел подслушать телефонный разговор белых офицеров. Беляки сговаривались насчет предстоящего боя, обсуждали его план, свои силы. Этими сведениями воспользовались комполка товарищ Ослоповский и комбриг товарищ Акулов. Командиры 29-й и 30-й дивизий совместно устроили белым ловушку и задали баню. Вернули назад все станции по линии железной дороги до самых Шабуничей.

Я всегда верил, что пролетарская сознательность и боевой дух «красных орлов» будут побеждать.

Как жаль, что мне не пришлось участвовать в таком славном деле!

С середины февраля «красные орлы» на отдыхе в Глазове. Вот когда только удалось. их сменить! Полк пополняется: получает людей, оружие. Вовсю работает партийный коллектив. Военком товарищ Юдин выбран делегатом на Всероссийский съезд Советов в Москву.

Павел Мамонтович назначен начальником учебной полковой команды. Я знаю, это его давнишняя мечта. В царской армии он был унтером в учебной команде, любит и умеет обучать солдат.

Иван Андреевич Голиков выдвинут на должность начальника полковой саперной команды.

Товарищ Акулов получил новое назначение — командует кавалерийской бригадой. Вместо него комбригом-1 товарищ Пульников.

Лучше всего было бы, если бы меня после курсов направили на фронт, в свой полк или куда-нибудь поблизости. Я стану разъезжать по батальонам, рассказывать о текущем моменте, о наших боевых задачах. Такой теперь будет моя работа.

С самого утра и до вечера водил меня Зиновий Иванович по Петрограду. Он хорошо знает город со времен своей флотской службы. Показал Адмиралтейство, Дворцовый мост, Фондовую биржу, Марсово поле, Главный штаб, штаб корпуса жандармов, казармы царской гвардии, памятник Суворову. Потом повез на Лиговку.

Я слыхал про эту толкучку, однако никогда не видел ее своими глазами. Что тут творится! Сотни людей. Кого только нет! Глаза разбегаются. Но теряться нельзя — вмиг карманы очистят. Кругом шныряет шпана.

Есть и другого сорта завсегдатаи Лиговки. Солидные барыни продают какие-то ленты, кружева, коробочки, флакончики. Старики в шубах с бобровыми воротниками торгуют подсвечниками, кусками мыла, старыми альбомами.

Чего только не предлагают тебе на толкучке — драные брюки, часы, тыквенные семечки, люстры, фарфоровые безделушки, хрусталь, певчих птиц, связки дров, офицерские мундиры, генеральские шинели! Втридорога продают хлеб, селедку, воблу. Навязывают сахарин и еще черт знает какие порошки. Торгуют и русские, и цыгане, и евреи, и татары, и чухонцы. Много нищих, калек, старух, детишек.

Когда мы уже собрались уходить, Зиновий Иванович попросил меня подождать, а сам отлучился. Через минуту вернулся и сунул мне в руку карманные часы:

— Держи подарок.

От благодарности я не знал, что и сказать. Это первые в моей жизни часы. Сейчас пишу, а они лежат рядом на столе. Иногда беру, прикладываю к уху. По-моему, ход очень хороший.

Зиновий Иванович поделился со мной своими командировочными запасами хлеба и картошки, я в свою очередь поделился всем этим с товарищами. Вроде бы и наелись, но сытости не чувствуем.

5 марта

Последние дни среди курсантов наблюдается прямо-таки бегство домой, вернее туда, откуда прибыли. Объясняется это прежде всего плохим питанием. Кроме того, с занятиями опять дело ухудшилось. Ежедневно срывы лекций. Беспокоят заразные болезни, появившиеся у нас, — оспа, тиф. Несколько человек уже отправлены в госпиталь и там умерли.

Всеми правдами и неправдами, добиваясь какой-нибудь бумажки об окончании, товарищи покидают курсы.

С моим планом сдать экзамены 5 марта ничего не вышло. Я теперь и не стремлюсь к этому. Тем, кто уезжает преждевременно, вместо диплома дают куцые удостоверения о том, что лекции прослушал. Мне такое удостоверение ни к чему. Если уж делать шаг вперед, то не оставлять ногу поднятой. Обязательно нужно опустить ее и идти дальше. Я мечтаю и после войны учиться.

Сегодня вечером занятия не клеятся. Кружится голова то ли от табачного дыма, то ли от простуды. Болит горло, насморк. В комнате духота, форточки нет.

С трудом читал книгу Павловича «Что такое империализм». Вчера дочитал его же «Милитаризм, маринизм и война 14–18 годов». Очень устал. На что уж люблю писать дневник, а и то нет охоты.

8 марта

По случаю международного праздника работниц партийная ячейка поручила мне вчера сделать доклад на митинге в 18-й столовой.

Должны были прийти женщины из трех столовых. Собрались только из одной восемнадцатой. Было человек сорок, не так уж много. Но я волновался. Никогда не выступал перед женщинами.

Сели полукругом в большом обеденном зале. Для меня выдвинули столик на середину. Я не сел за столик, подошел

поближе к работницам. Слушали хорошо, внимательно. Но когда кончил — ни одного вопроса. Вызываю на беседу, советую выступить — никто не хочет.

Так я один и стоял минут десять. Женщины смотрят дружелюбно, улыбаются, а слова ни одна ее берет. Говорят: и так все понятно, разобьем буржуев, настанет настоящая жизнь для трудящейся женщины. За резолюцию, которую я предложил, проголосовали все как одна.

Я недоволен митингом — не сумел добиться простоты, откровенности. А еще агитатор. Хорошо хоть вовсе не стушевался.

В Москве недавно открылся I конгресс 3-го Коммунистического Интернационала. Сегодня Питер встречал иностранных товарищей. Мы тоже ходили на площадь Восстания к Николаевскому вокзалу. На митинг собрались тысячи рабочих и работниц. Погода была хорошая — сильный снегопад, но тепло. Когда иностранные товарищи вышли на площадь, все дружно кричали «ура», «Да здравствует мировая революция!»

Товарищи говорили на своих языках. Но такие слова, как «Ленин», «революция», «советы» всем нам понятны и близки. Снова и снова кричали «ура», махали флагами, пели «Интернационал».

10 марта

Вчера был на торжественном заседании Петроградского Совета, посвященном 3-му Интернационалу. Мы между собой много говорим о Коммунистическом Интернационале, читаем в газетах все, что о нем пишут. Вчера напечатано приветствие Петроградского Комитета РКП (б) делегатам конгресса.

На заседании вместе с депутатами Петросовета сидели представители от профсоюзов, красноармейцы, матросы, курсанты с командирских и наших, военно-агитаторских, курсов. С появлением иностранных гостей все встали, захлопали, запели «Интернационал». Их приветствовал председатель Петросовета. Потом один за другим выступали делегаты от рабочего класса Германии, Франции, Австрии, Венгрии, Сербии, Финляндии и Швейцарии. Выступление каждого сразу же переводили на русский язык.

Уверенно и твердо говорили зарубежные товарищи о грядущей победе пролетарской революции. Из их речей нам стало ясно, что рабочий класс капиталистических держав освобождается от угара шовинизма, который напустили во время войны господа каутские, томы, ланге и другие. Пролетарии всех

стран идут по пути русской революции. Классовая борьба кипит, как в котле. Рабочие собирают силы, организовываются. Час пролетарского наступления недалек.

В Германии положение особенно серьезное. Даже желтая пресса господина Шейдемана, как сообщил немецкий товарищ, признает, что спартаковцы оправились после поражения в Берлине. Если так пишут продажные газеты Шейдемана, плохи дела социал-предателей.

Чем-то кончится новое выступление германского пролетариата? Всем сердцем желаем ему победы. Гнусное убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург не обезглавило немецкий рабочий класс.

Проясняется сознание и французских пролетариев. С презрением гонят они своих прежних вождей — социал-демократических лакеев капитала.

Готовится к новым классовым схваткам рабочий класс Финляндии. Усиливает борьбу трудовой люд Швейцарии, Сербии.

Никогда прежде я так глубоко не чувствовал слова нашего гимна: «Весь мир насилья мы разрушим». Хоть и сопротивляется проклятый старый мир, дни его сочтены.

После иностранных коммунистов дали слово товарищу Луначарскому. Как зажигательно, умно он говорил, с каким подъемом прочитал резолюцию! Мы долго хлопали товарищу Луначарскому. Своим выступлением он завоевал симпатии всех. Заметно было, с какой теплотой относятся к нему товарищи из президиума и зарубежные гости.

В резолюции Совет благодарил делегатов конгресса за приезд в Петроград, за их горячее сочувствие рабочему классу России. Совет заявил, что он готов отдать все свои силы великому делу Коммунистического Интернационала, что он счастлив чувствовать себя отрядом армии освобожденного труда.

Когда председатель закрыл заседание, весь зал как один человек встал и с большим волнением снова спел международный пролетарский гимн «Интернационал».

Нам будут завидовать потомки: мы были свидетелями и хоть небольшими, а все-таки участниками создания 3-го Интернационала, который обновит земной шар, перестроит мир на принципах коммунизма.

Пусть тернист наш путь, пусть трудна борьба, но мы достигаем своего, добьемся светлой и счастливой жизни для всех тружеников земли!

Если бы отец был на этом заседании Петросовета! Если бы он слышал, как выступали представители зарубежного пролетариата, как мы пели «Интернационал»! Только он мог бы понять, что я

переживаю сегодня.

Но отец далеко, в лапах свирепого врага. Мне даже неведомо, жив ли он, знает ли о нашей работе, борьбе.

Все равно палачам не остановить, не запугать нас. Проклятье и смерть врагам революции!

11 марта

Все мои помыслы об одном: скорее окончить курсы и на фронт.

Прибывшие из Северо-Двинской губернии курсанты — человек сорок — едут домой 15 числа. Их нельзя задержать — начнется распутица. Так же как будто намерены поступить курсанты из Олонецкой губернии. Срок отъезда остальных не установлен. Живем слухами. Кто говорит, что экзамены проведут 25 марта, кто — не раньше 15 апреля. А сегодня я уже слышал, что курсы распустят будто бы 15 марта без всяких экзаменов…

13 марта

Питер бурлит — в городе Ильич!

Вчера во дворце Урицкого он выступал с большим докладом на заседании Петросовета. Потом отвечал на вопросы, на записки.

Сегодня группа курсантов, среди которых был и я, присутствовала на митинге в Народном доме. Сотни рабочих, красноармейцев, матросов в переполненном зале слушали товарища Ленина.

Вот какое счастье выпало на мою долю — я сам видел и слышал Владимира Ильича! Случилось это первый раз в моей жизни, а кажется, что я уже встречался с ним раньше. Такое же чувство, оказывается, у всех. Настолько прост, близок, понятен Ильич.

И еще интересная подробность: даже тот, кто находился далеко, в задних рядах, уверен, что был рядом с Лениным.

Ленин невысокого роста, немного худощавый. У него большой лоб. Говорит громко, быстро, чуть картавит.

Каждое слово Ленина было слышно во всех концах зала. Никогда не представлял себе, что собравшиеся вместе сотни людей могут соблюдать такую тишину.

Владимир Ильич говорил о самом важном: о Советской власти и ее укреплении, о текущем моменте и 3-м Интернационале, о продовольственном вопросе и мерах

Совнаркома по борьбе с голодом. Он сообщил, что пассажирское движение на железных дорогах приостанавливается на три недели. Весь транспорт будет перевозить хлеб с Волги,

Рассказал нам товарищ Ленин и о восстановлении разрушенного хозяйства, об успехах Красной Армии на Дону и на Украине.

Все, кто был в зале — рабочие, красноармейцы, — подались вперед. Сердцем слушали мы родного Ильича. С радостью и подъемом воспринимали его речь, полную уверенности в победе Советской власти.

После выступления Ильича была принята боевая резолюция. Председательствующий читал неторопливо, и мне удалось записать ее. Вот что в ней было сказано:

> «Многотысячный митинг рабочих, красноармейцев, матросов и других граждан Петербурга, выслушав речь вождя мировой революции тов. Ленина, заявляет, что красный Петербург ясно сознает подлинные причины голода и разрухи транспорта, что Советская власть делает для преодоления их больше, чем захотело бы и смогло бы сделать любое другое правительство. Он полон надежды на близкое улучшение положения, но твердо знает, что и улучшение это, и выздоровление транспорта, и дальнейшие успехи революции, и ее полная победа зависят от выдержанности, дисциплины, трудоспособности и внутреннего единства среди рабочих и крестьян России.
>
> Петербург готов вновь и вновь показать пример энергии, выносливости и верности знамени социальной революции!
>
> Да здравствует близкая победа мировой социальной революции!
>
> Да здравствует ее вождь Ленин!»

Полные радостных впечатлений, возвращались мы к себе в Смольный. Каждый испытывал такое чувство, словно бы заглянул в будущее и увидел жизнь, озаренную солнцем коммунизма.

Вчера на курсах была лекция об организации Красной Армии и ее задачах. Читал окружной военный комиссар Петроградского военного округа товарищ Позерн. Читал зажигательно, взволнованно. Товарищ Позерн — хороший оратор. Его лекция — лучшая из всех, прослушанные нами на курсах.

Неплохо читают товарищи Иткина, Зеленский, Алексеев. Но у некоторых лекторов получается не совсем удачно.

14 марта

Начались экзамены. Экзаменовались товарищи, отъезжающие в Северо-Двинскую губернию. Им нельзя дольше оставаться в Питере, т. к. скоро наступит весеннее бездорожье. Вслед за ними должны были держать экзамены мы с Шабановым и еще четверо курсантов. Несколько дней добивались этого и добились с большим трудом. Ни в какую не хотели выпускать нас досрочно.

Начало экзаменов взволновало всех. С утра братия толпилась у дверей комнаты, в которой отвечали северодвинцы. Только появится кто-нибудь из них, сразу же засыпают вопросами: строго ли спрашивают, на что делают упор, как ставят оценки? Экзаменационная комиссия строгая: товарищи Иткина, Зеленский и Алексеев.

Сорок два человека экзаменовались весь день. До нас с Шабановым очередь не дошла. Северодвинцев спрашивали крепко, оценки ставили без поблажек. Только двое — товарищи Грибанов и Кушмышев — получили хорошие оценки. У остальных оценки — «выше среднего», «среднее», «ниже среднего». Кое-кто схватил «слабо» и даже «плохо».

Те, кто заработал «слабо» и «плохо», получат удостоверение о прослушании программы курсов.

Слов нет, результат не особенно приятный. Но ведь у нас на курсах есть товарищи, которые едва умеют расписаться. Для них (да и не только для них, для всех нас!) курсы послужили неплохой школой.

Северодвинцев, когда они приедут на место, будут назначать на работу по уездам и волостям.

18 марта

Сегодня наконец экзаменовали меня, Шабанова, Юровского, Некрасова и еще нескольких товарищей. Мы шли отдельной группой. Спрашивала та же комиссия, что и северодвинцев. После вчерашних «слабо» и «плохо» мы, конечно, здорово волновались.

Начали в девять утра. Первым вызвали меня. Сперва расспрашивали, чему я научился на курсах, что успел прочитать, где хочу работать, почему тороплюсь окончить? Эта беседа меня успокоила, и я уже уверенно отвечал на главные вопросы — о классах и классовой борьбе, о государстве и Советской власти, об Интернационале и о задачах коммунистов в Красной Армии.

Прошло, наверное минут двадцать — двадцать пять (я сам времени не замечал, это мне потом товарищи сказали). Комиссия

объявила оценку «очень хорошо» и посоветовала остаться на очередной набор, который будут обучать шесть месяцев. Я ни в какую не согласился.

Нашу группу экзаменовали часа два. Шабанов тоже получил «очень хорошо», ему тоже советовали остаться на шестимесячные курсы, и он тоже отказался.

У остальных товарищей оценки похуже, но «плохо» получил только Костылев.

Мы с Шабановым попросили отправить нас обратно в 3-ю армию. Я мечтаю вернуться в родной полк «Красных орлов». После приезда Зиновия Ивановича особенно тянет к старым боевым друзьям. Сплю и во сне вижу себя опять с «красными орлами».

Мы с Шабановым довольны своими оценками. Но для того, чтобы особенно гордиться, не видим причин. Мне, конечно, сильно помогла гимназия, хотя там были совсем другие науки. Она дала хорошую общую подготовку, приучила заниматься, читать.

Сегодня вечером состоялось общее собрание, посвященное Дню Парижской коммуны. Потом показывали очень мне понравившийся фильм «Экспедиция в Северную Африку». За время учебы мы смотрели: «В Ясной Поляне», «Несчастная», «Уплотнение». Раза два волшебным фонарем показывали туманные картины.

Вспомнился один случай. Как-то раз группа наших курсантов пошла на концерт-бал в красноармейский клуб Нарвского рабочего полка. Там оркестр завода «Треугольник» исполнял чардаш, попурри из русских песен, увертюру Зутше. Потом выступала певица. После концерта были танцы. Товарищи остались довольны.

А на другой день я читал телефонограмму из культурно-просветительного отделения агитпросветотдела: «…на основании приказания по Петроградскому военному округу № 21 от 20.1.1919 года танцы безусловно запрещены». Телефонограмма попала в Нарвский военкомат и только оттуда была направлена в полк. Пришла она к адресату, когда танцы давным-давно кончились и красноармейцы уже спали.

Получилось, конечно, забавно. Но я считаю, что приказание правильное. Сейчас не до танцев. В дни, когда мировой капитал хочет задушить революцию, устраивать балы с танцами, по моему убеждению, совсем неправильно.

Скоро начнутся экзамены на курсах инструкторов массового пения, на курсах чтецов и на курсах внешкольного образования, где готовят также библиотекарей для красноармейских

библиотек.

Усиленно занимается школа военных комиссаров. Там экзамены после двадцатого марта.

Наш дружок Вася Зеленцов остается до конца обучения нашего набора, до 10 апреля. Он хочет тоже попасть в 3-ю армию. Хорошо, если бы удалось.

19 марта

Товарищ Зеленский подтвердил ходившие в последние дни слухи: действительно в Питере стали поднимать голову «левые» эсеры. Уже не первую неделю они подбивают против Советской власти несознательный, неустойчивый элемент среди рабочих. Лучшие силы рабочего класса ушли на фронт бить белогвардейцев. На заводах оказалось немало шкурников, бывших буржуев, а также отсталых и темных людей. На них-то и делают ставку «левые» эсеры, которые проникли даже на большие питерские предприятия.

Народ голодает, а эсеры пользуются этим, хотят всех натравить на Советскую власть. Они усиленно спекулируют на том, что в стране временно приостановлено пассажирское сообщение. Товарищ Ленин объяснил, для чего это нужно: транспорт перевозит хлеб голодающим рабочим, женщинам, детям, старикам, а кроме того, красноармейцам, которые на фронте бьют врагов.

«Левые» эсеры хотят возбудить недовольство трудящихся, подбить их на выступление против родной власти. Провокаторы под маркой какой-то делегации ходили по заводам и призывали к забастовке. На Путиловском и на «Скороходе» им было поверили некоторые. Но вскоре липовых делегатов вывели на чистую воду.

Эсеровская сволочь не гнушалась в такое тяжелое время подбить на забастовку и рабочих булочных, пекарен.

Из кожи вон лезли «левые» эсеры, но своего добиться так и не смогли. Питерский пролетариат, красноармейцы, моряки Балтики потребовали беспощадной расправы с врагами Республики Советов.

14 марта во дворце Урицкого состоялось экстренное заседание Петросовета. Разбирались вопросы о продовольствии, о «лево»-эсеровских провокациях, о положении на Путиловском заводе.

На курсах из рук в руки ходила «Петроградская правда», в которой написано об этом заседании Совета. Передовая статья называлась «Долой провокаторов!».

Прошло несколько тревожных дней, и вот уже полностью покончено с происками «левых» эсеров. Опять не удалось им осуществить свои гадкие планы. Подавляющее большинство рабочих Питера до конца оставалось верным знамени пролетарской революции. А те, что временно заколебались, поняли свою ошибку и тоже дали отпор провокаторам.

Не сбылась и никогда не сбудется надежда врагов революции!

20 марта

Одно отделение за другим держит экзамены. Проэкзаменовалась почти половина нашего набора. «Очень хорошие» отметки пока что лишь у двоих — у Шабанова и у меня. Оценок «слабо» 54 и полтора десятка «плохо». И все-таки, как мне кажется, это не огорчительные результаты. Ведь занимались неполных два месяца. А в каких условиях!

Мне не по душе, когда какой-нибудь товарищ, получивший «слабо» или «плохо», начинает винить всех на белом свете, кроме самого себя. Конечно, если искать для себя поблажек, всегда можно их найти.

Школа военных комиссаров сдает лучше, чем мы, хотя экзаменов там больше. Если смотреть по отметкам, то военкомы хорошо изучили не только политвопросы, но и военные науки: стратегию, артиллерию, фортификацию, топографию.

Сейчас в коридоре, в комнатах только и слышишь:

— Как сдал?

— Куда посылают?

Мы привыкли друг к другу, и всех волнует судьба каждого.

Нам с Ваней Шабановым повезло — мы едем в 3-ю армию. Всего туда направлено 16 человек. Почти все мы хорошо знакомы между собой. Так что ехать будет весело. Возможно, с кем-нибудь из товарищей доведется вместе воевать. Особенно хочу быть вместе с Иваном. Вот уж настоящий друг, сочувственный, честный, прямой.

21 марта

Мои сборы подходят к концу. Завтра получу на руки командировочное предписание, билет — и на вокзал.

Не зря прошли эти два месяца. Я узнал много нового и очень важного. До курсов только верил, что пролетариат должен победить, что справедливость и правда на стороне бедняков, но

научно доказать этого не умел. А сейчас, особенно после того, как прочитал книгу В. И. Ленина «Государство и революция» и работу Г. В. Плеханова «Материалистическое понимание истории», твердо усвоил, в чем состоит закон развития человеческого общества и почему это общество неизбежно придет к коммунизму. Хорошо понял я и роль партии коммунистов в классовой борьбе пролетариата.

Раньше знал лишь маленький Камышлов. Теперь проехал с востока на запад через всю Европейскую Россию, побывал в Петрограде, жил в Смольном. Своими глазами видел я город русской революции и Октябрьской победы, слышал, как бьется его пролетарское сердце. Этот великий город — твердыня, опора власти Советов и всемирной революции. Я дышал одним воздухом, горел одним огнем с питерскими коммунистами, с революционными солдатами и матросами. Такое навек запомнишь.

А разве забудешь когда-нибудь встречи с представителями мирового рабочего класса, с делегатами I конгресса Коммунистического Интернационала. Разве когда изгладится в памяти, как пел вместе с ними «Интернационал» и голосовал за скорейшую победу мировой социалистической революции?!

В Петрограде же мне довелось видеть и слышать старых борцов партии, а главное — нашего вождя Владимира Ильича Ленина. Я стоял совсем рядом с ним, видел его лицо и глаза, слышал каждое его слово, вместе с ним принимал боевую резолюцию.

На курсах у нас было много недостатков и с лекциями, и с питанием. Обо всем этом я писал в дневнике. Но вот кончились занятия, подошла к концу петроградская жизнь, и все недостатки куда-то отступили, а все хорошее — со мной, при мне.

Во время учебы над нами, шестьюстами курсантами, не было почти никакого начальства. Один заведующий — наш ровесник товарищ Зеленский, в распоряжении которого находились несколько преподавателей, фельдшерица Алексеева, машинистка Палту-сова, регистратор, уборщица и кладовщик. Как тут не сравнить с гимназией, где на триста учащихся — и директор, и инспектор, и священник, и классные наставники и два надзирателя. Я не говорю уж об учителях, о докторе и стороже.

Конечно, товарищу Зеленскому помогали партийные ячейки и комитет курсантов, тогда как в гимназии ничего подобного не было.

На курсах нам приходилось заниматься не только учебой, но и участвовать в субботниках, пилить и таскать дрова, убирать снег. По заданию ячеек мы выступали на митингах, на собраниях

рабочих. И не было случаев, чтобы кто-нибудь не выполнил поручение.

Курсанты во всем проявляли сознательность. Среди нас не случалось ни пьянок, ни дурных разговоров или слухов. Мы жили одной жизнью со всей Республикой и с рабочим классом всего мира. Нам было не до пустяков.

Доброе слово хочется сказать о наших руководителях. Эти люди не жалели себя, все делали, чтобы помочь нам в учебе. Они находили время поговорить с каждым и, если надо, пособить каждому.

Помню, в первые дни многие курсанты не имели теплой одежды. Тогда товарищ Зеленский посылал с запиской Ермолая Масельгина в Выборгский военный комиссариат, чтобы там дали две тысячи рублей на ватные телогрейки под его, Зеленского, личную ответственность.

Обо всем этом сейчас говорят курсанты, укладывая свои чемоданы и мешки. Прямо не верится, что в этих же самых комнатах не так давно было сказано столько резких слов насчет непорядков на курсах.

Сейчас все сходятся на одном: спасибо Питеру, спасибо Смольному, спасибо военно-агитаторским курсам, их руководителям и лекторам!

22 марта

Документы на выезд из Петрограда — в кармане. Получены на дорогу деньги, хлеб, сахар и чай. Сборы закончены, можно и в путь.

Приобрел бритву и красноармейский значок. Многие курсанты купили себе часы. Это оказалось не таким-то простым делом. Пришлось и здесь обращаться к товарищам Иткиной и Зеленскому. Они выдали отпечатанные на машинке справки: товарищ такой-то, слушатель военно-агитаторских курсов, действительно крайне нуждается в часах. В магазине с этими справками считались.

Поезд на Вятку отходит в 3 часа 25 минут дня.

Кончается моя петроградская жизнь.

Снова в 3-й армии

Петроград далеко. Уже двое суток едем на восток. Часам к шести будем в Вятке. Там, говорят, стоит штаб и политотдел 3-й армии.

Пока что мне везет — возвращаюсь в свою армию. Теперь только бы попасть в родной полк «Красных орлов».

Нас, окончивших агитаторские курсы, в поезде 17 человек. Каждый хочет одного — вернуться к старым товарищам. Я раньше не знал, что так сильна боевая дружба.

Первые сутки ехали в вагоне четвертого класса. На дорогах эти вагоны называют сейчас «Максимом Горьким». В них — что в ночлежке, которую Горький обрисовал в своей пьесе «На дне». Теснота, грязь. Но в ночлежке хоть тепло было, а здесь и печки нет.

Потом комендант одной из станций всю нашу компанию пересадил в вагон третьего класса. Мне досталась целая полка. Лежу, смотрю в окошко, пишу дневник.

Петроградский голод уже не чувствуется. Дорога сытная. Мы поначалу на всех станциях покупали молоко. Как видно, переборщили и теперь бегаем…

Ночь прошла спокойно. Выспался неплохо. Сейчас хочется занести в тетрадь дорожные впечатления.

На вокзале в Петрограде была страшная давка. Яблоку упасть некуда. Каждый кричит, что следует по важным делам, тычет мандат, называет себя не иначе как «делегатом». А когда поезд тронулся и пассажиры пообвыкли, разговорились, выяснилось: добрая половина едет по личным надобностям и мандаты имеет липовые. Несмотря на запрет пассажирского движения, люди научились добираться кому куда надо. Попадаются явные мешочники. Надеются «с божьей помощью» провезти хлеб в Питер и там втридорога перепродать его. Уповают, конечно, не только на «божью помощь», но и на проводников, среди которых есть спекулянты, взяточники. Наш проводник как раз такого сорта.

Я внимательно прислушивался к разговорам. В дороге люди обычно становятся откровенными.

По моим наблюдениям за последние месяцы настроение масс изменилось в лучшую к Советской власти сторону. Редко слышишь небылицы, дурацкие слухи. Но попадаются и «разочарованные»: власть, мол, у народа, а жить трудно, продовольствия не хватает, на железных дорогах много беспорядков. Люди эти, как мне кажется, честные, но сильно уставшие и не особенно сознательные. Таким важно объяснить

обстановку, текущий момент, откровенно поговорить.

Я так и старался делать.

Если возьмешь правильный тон, не высокомерничаешь, не заносишься, тебя слушают внимательно, доверчиво. Со многим соглашаются. Да и как не согласиться, коль правда на твоей стороне. Ведь нам приходится сражаться со множеством врагов, внутренних и заграничных. Международный капитал хочет утопить нас в крови и уморить голодом. Страна уже пять лет воюет. Глянешь за окно: то больной паровоз, то полуразрушенная станция, то фабричная труба без дыма.

Когда все это расскажешь, приведешь примеры, люди начинают понимать свою ошибку, верить в светлую жизнь, которая наступит после нашей полной победы.

В разговорах меньше нервозности, «матюков». Большая потребность во всем разобраться, доискаться до смысла событий, которые мы переживаем. Многие рассуждают правильно. Революция расширила кругозор людей.

Один старичок попросил разъяснить ему суть борьбы труда против капитала. Тут мне помог Карл Маркс, которого мы изучали на курсах. Потом зашла речь о взглядах Маркса на социализм. Старичок спросил, как будет с деньгами?

В разговоре участвовали все, кто находился поблизости. Народ очень интересуется общественными и политическими вопросами.

Беседовали несколько часов. Во время стоянок устраивали перерывы. Шли менять у крестьян питерскую махорку на хлеб. Потом снова занимали свои места, и разговор продолжался. Всех волнует завтрашний день Советской России.

26 марта. Станция Балезино

Позавчера ночью приехали в Вятку. А вчера всех нас, прибывших с курсов из Питера, позвал к себе начальник политотдела 3-й армии товарищ Лепа. Беседовал с нами часа полтора. Спрашивал, как жили, чему учились, что видели. Под конец прочитал по списку, кого куда назначают. Меня посылают в 10-й Московский стрелковый полк.

Когда услыхал об этом, сердце упало.

— Товарищ Лепа, — спрашиваю, — неужели нельзя к «красным орлам»?

— Нет, — отвечает, — нельзя. Надо в десятый, это полк саботажников.

Больше не стал говорить. Почему «нельзя», почему надо в

«полк саботажников», так я и не понял. Но делать нечего, раз приказано — поехал.

В политотделе нам объяснили, что мы находимся в распоряжении армии, а работать будем при частях. Может, мне еще улыбнется счастье, и я попаду все-таки к своим «красным орлам»?

Осмотрел Вятку. Город славный, веселый. Воздух чистый, не сравнишь с питерским. Небо уже по-весеннему солнечное. Но на улицах еще сугробы.

Выйдешь на окраину — поля, деревушки, перелески. Я стоял, глядел вдаль, думал о нашей деревне, о семье, о папе.

Потом вернулся в центр. На большой площади (большая-то она для Вятки) невысокое здание губернского присутствия, а рядом — дом губернатора. Сейчас здесь разные советские учреждения.

На одной из улочек разыскал «коммунистическую столовую». Долго стоял в очереди, долго сидел за столом, ждал. Но в конце концов поел.

На вокзал пришел за десять минут до отхода поезда. Сел без литера.

Сегодня утром приехал на станцию Балезино. Жду поезд на Чепцу, там неподалеку 10-й Московский Устроился на скамейке, положил дневник на вещевой мешок и пишу.

Заметно приближение фронта. На станции полно военных. Раненые ждут отправления санитарных поездов. Кто может, бродит по вокзальным помещениям. Много отпускников, возвращающихся в свои части. Около перрона под парами стоит бронепоезд. Чуть подальше — пятнадцать платформ. На каждой — орудие и зарядные ящики.

Присмотрелся к красноармейцам. Одеты гораздо лучше, чем «красные орлы» в те дни, когда я уезжал на курсы.

С тревогой думаю о полке, в который еду. Почему о нем так резко отозвался начальник политотдела? Что там за люди? Какая работа ждет меня?

27 марта. Деревня Тылошуры

Сегодня утром прибыл в 10-й стрелковый полк. Штаб нашел, как мне и говорили, неподалеку от станции Чепца, в деревне Тылошуры.

Познакомился и поговорил с комиссаром полка товарищем Болдиным, с его не то помощником, не то секретарем товарищем Коваленко. Мельком видел командира полка товарища

Ларионова.

В Тылошурах штаб стоит больше десяти суток. За это время полк по частям прибывал из Москвы, собирался вокруг станции Чепца, готовился к выступлению. Опоздай я на сутки, не застал бы никого на месте.

Комиссар сказал, что мне работать агитатором в полковой пулеметной команде. Такому назначению я рад. Ведь и в полку «Красных орлов» я первые месяцы: был пулеметчиком.

До расположения команды версты две. Не заметил, как прошел их, — волновался.

Первая встреча и первый разговор в пулеметной команде с ее начальником товарищем Ринком. Сам он латыш. Принял меня дружелюбно. Объяснил, чем занимается команда, предупредил, что народ «необстрелянный», в большинстве своем впервые в армии. Из Москвы многие ехали неохотно.

Про себя Иван Александрович Ринк сказал так:

— Я беспартийный. Офицер царской армии. Не военного времени, а кадровый. Всю войну — на фронте. Последний чин — штабс-капитан. Офицерский долг исполнял не за страх, за совесть. В Красной Армии служу тоже не из страха и не из корысти. Объяснить это сложно. Но поскольку нам воевать вместе, прошу все сказанное мной иметь в виду.

Ринк старше меня на 14 лет. Москвич. В Москве у него осталась жена. Не хочу судить поспешно, но есть в Иване Александровиче что-то располагающее к нему. Вероятно, прямота и чувство собственного достоинства.

Познакомился с вещевым каптенармусом пулеметной команды Михаилом Панферовым. И он москвич. Лет ему, по-моему, немного. Но сразу не определишь. Носит темно-рыжую бородку и усы. Панферов, как я успел заметить, человек разговорчивый, мягкий и, кажется, деловой.

Третий знакомец — тоже москвич, продовольственный каптенармус Иван Антипов. Красноармейцы его называют «Антипычем», хоть он и не старше их. Все время сыплет шутками-прибаутками. Не каждую с непривычки поймешь. Он говорит на языке московских толкучек, какой-то Сухаревки или Хитровки. Уверяют, что был завсегдатаем этих мест. Оттуда словечки, ужимки, прищелкивание языком, подмигивание. А в общем он совсем неплохой товарищ, заботливый, компанейский. Вместе с поваром Иваном Нехорошевым сытно кормит команду.

Только что пришел с организационного собрания полкового партийного коллектива. Партийных в полку единицы. Присутствовало 8 коммунистов да 20 сочувствующих. Не то, что у «красных орлов».

30 марта. В пути

Уже третий день на марше. Предполагаем, что полк двигается к Воткинскому заводу. Почему, зачем — не ведаем.

Идем в пешем строю. Только у начальника команды лошадь.

Я себя неважно чувствую. Все время довольно сильная боль возле сердца. Иногда так схватывает, что приходится присаживаться на сани. А это делать неприятно — все почти идут пешком.

Стараюсь как можно лучше узнать о моем новом полке. Сформирован он пару месяцев назад в Москве, потому и назван 10-м Московским. Красноармейцы из Москвы и пригородов. Но рабочих совсем мало. Коммунистов и того меньше. Комсостав почти целиком из бывших офицеров. Учебу полк не закончил. Пришлось поскорее отправиться на фронт — белые заняли Пермь и двигались к Вятке.

Внешне полк выглядит хорошо. Одежда и снаряжение добротные. Новые длинные шинели, ватники, папахи, у всех одинаковые рукавицы, патронташи.

В полку — три батальона полного состава, батарея, команды конных разведчиков, пулеметная, саперная, комендантская, связи. В одной хозкоманде свыше ста человек. Оружие новое, что винтовки, что станковые пулеметы.

Пишу об этом и вспоминаю своих «красных орлов». Как мы нуждались, как нам не хватало обмундирования, снаряжения! Но мы все-таки дрались и дрались стойко. Если бы было столько добора, сколько у москвичей, еще бы и не так громили белую гвардию.

Присматриваюсь к команде. Всего у нас 124 человека. Народ молодой, шумливый, бойкий, за словом в карман не лезет. Однако едва завязывается серьезный разговор, людей не узнаешь. Молчат, смотрят выжидающе, а многие так даже недоверчиво. Я не спешу навязываться в друзья. Поживем, повоюем — узнаем друг друга.

Пока что мне приглянулся командир пулеметного взвода товарищ Попов — строгий, аккуратный, подтянутый. Неплохое впечатление производит командир 3-го взвода товарищ Лапин. Но больно уж говорлив, шумлив, то и дело переругивается с красноармейцами. Очень деловой человек старшина Семен Ярисов. Из красноармейцев выделяется смышленый и любознательный Константин Плакунов.

Познакомился с начальниками пулеметных расчетов Королевым и Тумановым. Хорошее впечатление производит живой, бойкий помощник взводного Василий Павлов.

Настроение в команде, как мне кажется, неплохое. Приказания выполняются довольно быстро, но редко когда без разговоров. Оружием красноармейцы дорожат, берегут пулеметы, патроны, винтовки.

Однако едва малейшая неполадка с едой, шуму и гаму не оберешься. Не видали еще люди настоящей службы, фронтового горя не хлебали. Все впереди. Походная жизнь только началась. Уже первые дни марша показали, как много он требует сил. Идем с рассвета дотемна. Поднялись бураны. И без того узкие, плохие дороги совсем переметает, особенно в логах и по перелескам.

На второй день марша в одной из деревень пришлось оставить половину батареи. Сегодня утром оставили два последних орудия. Когда дорога станет получше, батарея должна присоединиться к нам.

У красноармейцев нет привычки к большим переходам. Особенно трудно тем, у кого кожаные сапоги.

Хорошо еще, что удается ночью отдохнуть. На пути крупные деревни, есть где разместиться. В каждой избе на полу устраивается человек семь — восемь.

Идем по удмуртским волостям. Отношение со стороны крестьян хорошее, приветливое. Кипятят чай, варят картошку, недорого продают молоко, а если есть, то и хлеб.

Наши красноармейцы ведут себя в деревнях сознательно, дисциплинированно. Однако о правильном отношении к трудовому крестьянству напоминаю все время. И сам, и через взводных.

31 марта. Город Глазов

Шли в Воткинский завод, а пришли в Глазов. Может быть, намеренно распускались слухи относительно завода.

Я в Глазов попадаю вторично. Через этот город ехал от «красных орлов» на курсы в Петроград.

Нашим полком временно командует товарищ Крылов, работавший у прежнего комполка Ларионова помощником по строевой части. Из бывших офицеров, кажется поручик. Человек странный: то ли больной, то ли от природы вялый.

Куда отбыл товарищ Ларионов, вернется ли, я не знаю.

Вчера исполнилось десять месяцев моей службы в Красной Армии. Помню, как 30 мая прошлого года в Камышлове я пришел к редактору «Известий» Степану Васильевичу Егоршину и заявил о том, что вступил в ряды армии. В тот же день получил обмундирование, а ночью уже ходил по улицам патрульным.

За эти месяцы смерть не однажды витала над моей головой, много раз я участвовал в жестоких боях. Но в своем поступке я никогда не раскаивался и не раскаиваюсь сейчас.

Вспоминаю о полке «Красных орлов», о доме, матери, семье. Впервые закралось в душу сомнение — увижу ли их?

Вероятно, это от плохого состояния здоровья. Боли в сердце не проходят. Все время испытываю недомогание.

Газеты стали получать ежедневно. Хожу от взвода к взводу и знакомлю красноармейцев с текущим моментом. Они очень интересуются новостями. Особенно положением на фронте под Глазовом. Здесь-то как раз дела идут плохо.

В нашей пулеметной команде на 124 человека два коммуниста — каптенармус Панферов и я. Сочувствующих четверо.

Сегодня получили приказ по полку. Во всех ротах и командах категорически запрещается играть в карты. Виновные, пишется в приказе, понесут строгую ответственность, вплоть до предания суду.

А у нас в команде народ как раз любит побаловаться в «двадцать одно». Надо будет объявить войну картам.

1 апреля. Глазов

За последние дни накопились впечатления об удмуртской деревне. Хочу их записать.

Неприглядно живут удмурты. Маленькие, грязные, темные избы. Семьи человек по 30–35.

Поинтересовался, почему такая скученность, теснота. Причины понятные: нужда, недостаток строевого леса, а кроме того, давний обычай.

Удивительно ли, что здесь столько болезней. Особенно много трахомы и чесотки. Чесоткой страдают не только люди, но и животные.

Темнота, бескультурье. Почти сплошная неграмотность. Редко где увидишь книгу.

Такое наследие оставил проклятый царизм.

К власти Советов у удмуртов враждебности нет. Подчиняются ей, признают. Но еще, мне кажется, не понимают, как свою кровную власть. Если хорошо вести агитацию и разъяснение, здешние люди станут сознательными борцами за революцию.

Жители удмуртских деревень хорошо выполняют подводную повинность, перевозят для нас снаряды, патроны, продовольствие, больных. Маленькие лошадки удмуртов очень выносливы,

хозяева-подводчики старательно ухаживают за ними.

Охотно, не считаясь с теснотой, крестьяне пускают нас ночевать в свои избы. Нередко делятся продовольствием. Короче говоря, относятся хорошо. Опасаться приходится одного: как бы красноармейцы не подхватили трахому или чесотку.

Удмурты — народ работящий, уважительный. Большой властью у них пользуются старики и старухи.

Жизнь в деревне начинается рано, до рассвета. Даже зимой.

На пасху почти на целый день все идут на кладбище. Украшают могилы родичей яркими лентами, венками, крашеными яйцами, какими-то фигурками. Прямо на могилы кладут пироги, шаньги, кутью. В обрядах и вере удмуртов есть что-то от язычества.

Многие из нас научились немного изъясняться на языке удмуртов: поздороваться, сосчитать до десятка, попросить хлеба или молока. Мне думается, что мы быстро усвоили этот язык не только по необходимости, но и из симпатии к удмуртам. Это ведь и политически важно, чтобы русские красноармейцы хорошо относились к местному населению любой национальности.

Вчера часов в десять проводил общее собрание команды. Разбирали два вопроса: текущий момент (Доклад делал я) и текущие дела. Считаю, что для начала собрание прошло неплохо. Присутствовали все, в том числе и товарищ Ринк.

Думал об организационном собрании коммунистов и сочувствующих. Но перед собранием двое сочувствующих заявили о своем желании выписаться. Двое других отсутствовали. С кем же проводить собрание?

Из разговоров я понял, что партийная работа в команде сильно затруднена одним обстоятельством. Перед выездом полка на фронт некоторые мобилизованные коммунисты каким-то образом остались в Москве, а часть других находится сейчас при штабе. В результате у значительного числа красноармейцев сложилось неправильное мнение о коммунистах.

Со здоровьем у меня неважно. Пришлось сегодня сходить в полковой околоток. Получил какие-то порошки.

4 апреля. Глазов

В два часа ночи вернулся с совещания от члена Реввоенсовета 3-й армии товарища Муралова. Мы вызывались к нему, чтобы дать характеристику боеспособности и сплоченности полка. За старшего у нас был военком. Из агитаторов пришли Степанов, Калашников, Калачев, которые находятся при батальонах, и я.

Совещание началось около двенадцати ночи и длилось больше часа. Каждый из нас выступал. Выявилось немало дурного: плохие настроения среди красноармейцев, слабая работа штаба. Многие командиры не подготовлены. Есть и пассивные, нетребовательные.

Товарищ Муралов был очень недоволен, держался сурово и строго. Это можно понять. Но к чему зря кипятиться, кричать? И на кого? На нас! Разве мы повинны в этих недостатках? От крика, по-моему, дело не выигрывает.

Товарищ Муралов наказал нам лучше работать и сообщил, что полк пойдет на позиции.

Вчера с утра в полку проводилось собрание агитаторов. Не обошлось без шума. Сильно досталось комиссару. Агитаторы говорили о недостатках штаба, полкового околотка, завхоза.

Я еще мало знаком с агитаторами. Они часто бывают в политчасти полка, видятся друг с другом, я же почти все время в своей команде.

Вчера удалось поговорить с двумя сочувствующими, которые отсутствовали в день собрания. Отличные товарищи, вполне сознательные, революционные. Они могут стать достойными членами РКП (б).

Сейчас десять часов вечера. Недавно кончилось партийное собрание. Удалось организовать ячейку из девяти человек сочувствующих и двух коммунистов. Актив — товарищи Попов, Панферов, Лапин и Плакунов. Обсудили многие вопросы. Во вступительном слове я остановился на внешнем и внутреннем положении Советской республики. Меня же выбрали председателем ячейки. Согласился. Из текущих дел на собрании разбирались такие: регистрация членов ячейки, запрещение игры в карты, выбор библиотекаря, выяснение вопроса о выборе красноармейских судов и контрольных комиссий, вынесение замечания начальнику команды, ударившему по лицу крестьянина, наконец, о содействии партийной ячейки командному составу в проведении занятий.

Заметен интерес к ячейке со стороны многих товарищей. Можно надеяться, что скоро число членов партии в нашей команде увеличится.

Завтра нужно бы написать доклад в политотдел 3-й армии. Сегодня у Вани Шабанова достал два десятка книг партийного содержания. Теперь у нас довольно солидная библиотека, а пришлось начинать с нескольких брошюрок.

Книжки, брошюры и листовки раздаю лично или через начальников пулеметных расчетов. Читают охотно. Потом возвращают. А вот газеты на следующий же день скуривают.

Книги помогают мне ближе познакомиться с красноармейцами, завязать беседу.

Работа в команде занимает все время. Почти не вижусь с Ваней Шабановым, хоть он в нашем же полку. Ваня оставлен при политчасти, помогает комиссару в агитации и пропаганде. Он вполне достоин такой работы. Серьезный, вдумчивый, очень способный человек. У него тоже свободного времени мало. Он лишь изредка заглядывает ко мне.

5 апреля. Глазов

Хотел сегодня устроить совещание, выработать общий план работы ячейки, но не успел. С минуты на минуту выступаем.

Только что узнал, что Ваня Шабанов откомандировывается в распоряжение политотдела армии. Очень жаль!

8 апреля. Завод Залазнинский

Вчера к трем часам дня прибыли в Залазнинский завод. От Глазова сделали верст 60 с гаком и попали в большое село дворов на тысячу. Есть и каменные дома.

Когда-то здесь стоял чугуноплавильный завод на две доменные печи. Но в один прекрасный день владелец почти всех в округе заводов проиграл свое добро в карты. Новый хозяин металлургией не интересовался, занялся сплавом леса, а завод в Залазне разрушил, чтобы не мозолил глаза. Сейчас, въезжая в село, видишь сломанные заводские печи и почерневшие остовы зданий. От такой картины делается не по себе…

Полк разместился в окрестных деревнях: Ежи, Пермятская, Большое Кочкино, Малое Кочкино.

Пришел приказ: в 11 часов выступаем. Надо пройти шесть верст.

Здешний фронт держала кавалерийская бригада. Она так слабо сопротивлялась, что неприятель без усилий продвигался вперед, занимал важные в военном отношении населенные пункты.

Где противник, где обороняются наши, понятия не имею. Знаю одно: полк идет на позицию, приказано наступать.

Как сложится обстановка и каковы будут успехи полка, трудно себе представить.

Население встревожено. Рабочие люди и крестьянство боятся прихода белых.

10 апреля. Завод Залазнинский

В ночь на девятое апреля три взвода нашей пулеметной команды и 9-я рота, перед тем оставившая позиции у деревни Ефимовской из-за гибели двух бойцов, пошли снова занимать эту же деревню. По пути от ста с лишком штыков 9-й роты осталось 30. Большинство ее красноармейцев вернулось назад в Залазну.

В полночь, когда были уже возле деревни, выслали в разведку четырех бойцов от роты и пулемет от нашей команды. Разведчики у околицы наткнулись на столб, решили, что это часовой и — давай бог ноги. Помощник взводного Василий Павлов, пулеметчики Лапин и Ширяев остались одни. Взяли «максим» и, не смущаясь открытыми подступами, смело пошли вперед.

Неприятеля в Ефимовской не оказалось. Был, да сам ушел в соседнюю деревню.

Утром едва стало рассветать, один из наших часовых поймал подозрительного парня лет шестнадцати. Тот пытался удрать. Но часовой пригрозил, что будет стрелять, и парень утихомирился. Говорит, что пришел за хлебом. Однако выяснилось: парень не здешний. Его отправили в Глазов, вероятно, в штаб армии.

Припоминаю, как наш полк «Красных орлов» поймал под Баранчинским заводом совсем малолетних шпионов. Судя по всему, у белых это гнусное дело практикуется широко. Ничем не брезгают, лишь бы выведать наши тайны. Даже ребятишек подсылают.

Когда рассвело, белые открыли огонь по Ефимовской, не давали пройти ни одному человеку. Им хорошо видны улицы, и они взяли точный прицел. Били даже по бойницам пулеметов. Красноармеец 2-го взвода товарищ Королев ранен в шею. Первая жертва в нашей команде.

Под вечер к нам довольно близко подошла разведка белых — восемь человек. Мы до поры до времени молчали, а потом ударили из винтовок и пулеметов. Били с прицела «12». Получилось неплохо. Побросав лыжи, беляки бежали.

Я выпустил из карабина 15 пуль. Одного беляка, кажется, ссадил. Но не уверен. Он упал не сразу, а пробежав несколько шагов.

Открыл огонь и белогвардейский «льюис». Однако, на наше счастье, никого из нас не зацепил.

Ночью сменились. В пять часов вернулись обратно в завод.

Был в штабе полка. Получил четырнадцать патронов для нагана. Узнал, что агитаторы Степанов и Калашников откомандированы в поарм. Лично я не желал бы такого откомандирования. Работа только начинается, и она очень интересная. Привыкаю к команде. Настроение у пулеметчиков неплохое. Но бывают и неприятные случаи. Вчера, например, 1-й

взвод отказался выступить на позицию. Заявили: «Не наша очередь». Действительно этот взвод трое суток вел бой, но ведь и остальные тоже дрались с врагом, стояли в сторожевом охранении. И вообще разве допустимо такое самовольство?

Думаю поговорить об этом случае с начальником команды, провести общее собрание, а также собрание партийной ячейки.

В штабе слыхал, что с 8 апреля полк в стычках с белыми потерял трех красноармейцев убитыми и шестерых ранеными.

Снова фронтовая жизнь. Пули свистят, кровь льется.

11 апреля. Завод Залазнинский

Провел собрание ячейки. Главный разговор — о дисциплине и революционном порядке. Обсуждали случай с 1-м пулеметным взводом, который отказался идти в сторожевую заставу. Все в один голос клеймили позором нарушителей пролетарской дисциплины. Ни единого слова не прозвучало в их оправдание. Это меня обрадовало. Если мы будем такими сплоченными, паникерам и шкурникам не удастся повести за собой красноармейцев.

Ячейка постановила: подобных явлений больше не допускать.

Крепко досталось командиру взвода товарищу Попову. Он неправильно строит отношение с красноармейцами — стесняется приказывать и требовать. Товарищу Попову как сочувствующему ячейка вынесла предупреждение.

Тот разволновался, говорил, что понял свою оплошность и теперь никто не услышит худого слова о его взводе. Под конец со слезами на глазах благодарил товарищей:

— Не забуду ваших советов…

На этом же собрании в сочувствующие записалось еще четыре красноармейца-пулеметчика. Заметно, что ячейка усиливает свое влияние. К нам тянутся бойцы. Нашим мнением интересуются командиры. Скоро мы сможем оказывать полезное влияние на всю жизнь команды. В ячейке есть развитые, толковые товарищи. Партийная работа улучшается. В протокол занесли важные решения. Не откладывая, стану добиваться, чтобы они выполнялись.

Товарищ Ринк подробно расспрашивал о собрании — какие вопросы, кто выступал, что говорил. Делился своими соображениями о наших людях и наших делах. Надеюсь, и он когда-нибудь придет в ячейку.

Сегодня утром полк двинулся на позицию. 1-й батальон перед рассветом ушел в деревню Ежи. По слухам, предстоит

наступление. Нашу пулеметную команду можно пускать в дело. А вот в других ротах не все благополучно. За последние дни из полка дезертировали 15 человек.

12 апреля. Деревня Пермятская

Сегодня рано утром начальник нашей команды получил из штаба полка приказ: срочно послать последний пулеметный взвод на помощь 1-му батальону в деревню Ежи. При этом было сказано, что положение батальона трудное, а деревня имеет очень важное значение: она стоит на перекрестке двух трактов, один — на Залазнинский завод, другой — на Омутнинский.

Командует взводом Алексей Суслов, старательный и исполнительный товарищ, хороший пулеметчик. Только мне кажется, что Суслов порой излишне мягковат, минутами нервный, неуверенный в себе. Во взводе три «максима» и без малого три десятка человек.

Красноармейцы быстро собрались, сели на подводы и рысью двинулись вперед. Взводу предстоит горячее дело, и мы с товарищем Ринком, конечно, тоже решили ехать в Ежи. Каптенармус товарищ Панферов упросил взять его с собой.

За взводом шла полковая саперная команда. Ее, как и нас, послали на помощь батальону.

Не проехали и полпути, как узнали, что 1-й батальон под утро оставил Ежи и отступил в деревню Пермятскую. Белые из Ежей заметили наши подводы и открыли огонь. Тут кое-кто из пулеметчиков растерялся, засуетился, стал действовать нерешительно. Иные попытались здесь же, у дороги, залечь в снегу.

Мы с товарищем Ринком соскочили со своей подводы и бросились вперед. Он схватил под уздцы одну лошадь, я другую и — бегом. Так вышли из-под обстрела, добрались до Пермятской. Обошлось благополучно, никто не пострадал.

Когда пришли в деревню, узнали, как все произошло. Оказывается, беляки пять суток изо всех сил напирали на батальон. Семь раз ходили в атаку, с артиллерией, с пулеметами. 1-й батальон и временно переподчиненная ему 4-я рота не выдержали напора и отступили в Пермятскую. Отступали неорганизованно, спасались, кто как может. Из шести пулеметов батальонной команды уцелело только два. Говорят, будто остальные разбиты артиллерией. Сомневаюсь. Тем более, что паника в Ежах была — не приведи бог. Белые лыжники с флангов подошли к селу. С фронта била артиллерия. А у батальона — ни

одного орудия, ни одного бомбомета, да и лыж нет.

Когда мы въехали в деревню Пермятскую, паника еще не улеглась. Белые продолжали артиллерийский и пулеметный обстрел. Растерянность передалась и нашим пулеметчикам. Вместо того чтобы быстро занимать позиции, они стали прятаться по дворам.

Начальник команды сам определил место для каждого пулемета. Я вместе с расчетами выкатывал «максимы» на указанные позиции: один поставили на правом фланге батальона, другой — на главной улице, в окне строящегося дома, у самых ворот поскотины, третий — шагов на триста сзади, чтобы можно было стрелять и прямо вдоль улицы, и влево — в сторону реки Вятки, — и вправо — туда, где открытое поле.

Обежал цепь пехотинцев. С одного места в цепи хорошо высмотрел расположение белых. Они ставили заставу, на глазах у нас строили из снега окопы, спокойно разгуливали по улице. Чтобы проверить бой правого пулемета, я сделал по белякам несколько выстрелов и пехотинцам посоветовал вести огонь залпами. Какое там! Они на меня зашикали, закричали:

— Перестань! Белых разозлишь, беду накличешь, начнут батареей палить. Без того весь день пропадаем. Уж лучше сидеть смирно.

Наши пулеметчики, наслушавшись всяких страстей, тоже приуныли.

Сейчас немного отогреюсь, кончу запись и пойду обратно на позиции.

Товарищи Ринк и Суслов ушли к командиру батальона. Должны скоро вернуться. Не будем их ждать. Начнем делать окопы из снега. Промерзшую землю долбить нечем.

На улице апрель, но снежно, холодно, словно в январе. Весной и не пахнет.

13 апреля. Завод Залазнинский

Чего только не видал я и не пережил в полку «Красных орлов», однако такого, как в прошлую ночь в Пермятской, не испытывал.

К вечеру пришел приказ: с рассветом наступать и отбить обратно Ежи. Все вроде бы стали готовиться. Но едва стемнело, до нас дошла недобрая весть: пехота приготовила белый флаг и при первом же нажиме противника решила сдаться.

Все честные бойцы и командиры были поражены столь низкой трусостью. Мы с товарищем Ринком задумались: «Что

делать, как поступить?» Решили сообщить по телефону командиру и комиссару полка, которые вместе со штабом находились в Залазнинском заводе.

Так и сделали. Однако командир и комиссар не обратили внимания на наши слова. Еще отругали нас, велели не «поднимать панику».

А пехотинцы укрепились в своем подлом решении и стали подбивать пулеметчиков, находившихся в цепи. Опасаются, как бы пулеметная команда не помешала им выполнить гнусный изменнический план.

Прежде чем пулеметчики уснули, я обошел их, поговорил с каждым. Но мои слова отскакивают от них, как от стены горох. Твердят тоже, что и пехотинцы: «Положение плохое, никто живым из деревни не уйдет…»

Робость овладела всеми. Я приводил примеры из жизни полка «Красных орлов», припоминал, как мы

Побеждали в куда худшей обстановке. Но никакие доводы не действовали. Командир взвода Суслов совсем растерялся. Неуверенно и жалко бормочет что-то.

И все-таки наши пулеметчики не присоединились к стрелкам. Чистили и заправляли «максимы», аккуратно набивали ленты.

А роты? Роты, ни о чем не заботясь, ушли с позиции в избы, завалились спать. Батальон вовсе не готовился к наступлению.

Мне в эту ночь почти не пришлось уснуть. Под утро, еще не светало, я вновь обошел пулеметы. К великому своему удивлению, ни у одного из них не увидел дежурных бойцов. Заглянул в караульное помещение взвода. Все, кроме Лукьянова, спали. Вышел на улицу, проверил первый же пулемет и убедился, что он направлен совсем не в ту сторону, куда надо. Развернул пулемет и заглянул обратно в избу, чтобы поднять людей. Но тут со стороны поля и с реки Вятки началась пулеметная и ружейная стрельба. Это зашли нам во фланг вражеские лыжники. Через десять минут они были уже у околицы. В предрассветной темени беляки подобрались совсем близко и с фронта.

А у нас на позициях спокойствие. Только справа раздалось несколько выстрелов.

Товарищ Ринк послал меня узнать, почему бездействуют наши пулеметы. Я пробежал шагов сто и остановился: беляки были уже в деревне.

В эту минуту сзади заговорил наш третий «максим». Я — к нему. Около пулемета лежит помощник взводного товарищ Павлов и ведет огонь длинными очередями. Командира взвода Суслова не видно.

Появилась луна. На улице стало чуть-чуть светлее. Ринк,

Панферов и я ударили из карабинов. Подбежали номера пулеметного расчета. Одни пустились за водой, другие — за новыми лентами.

Вдруг недалеко от нас появились вспышки пулемета белых. Он нащупывал нас. Пули то со свистом пролетали над головами, то взметали снег впереди. Захрипел наш раненый пулеметчик. Его заменил другой. Пулемет не умолкал, выпуская ленту за лентой.

Белогвардейское «ура» все приближалось. С флангов ближе и ближе трещали неприятельские «льюисы». Белые ворвались в деревню и с другого конца. Но мы продолжали отбиваться, пока вражеская пуля не пробила кожух пулемета.

Уже совсем рассвело, когда наша небольшая группка оставила деревню. Задержись мы еще минут на десять и — конец. Белые перерезали бы дорогу на Залазну.

Почти весь 1-й батальон и 4-я рота сдались в плен. Наши пулеметчики, находившиеся в цепи, были обезоружены своей же пехотой. Только нескольким удалось избежать плена и незаметно скрыться из деревни. К полудню они присоединились к нам. Из батальона сумели убежать единицы.

Полк в этом тяжелом бою потерял человек четыреста. Не меньше. А уж об оружии и не говорю…

Когда мы отошли от Пермятской версты полторы, заметили, что вслед за нами бегут два бойца, хотят спастись от преследующую их нескольких десятков белых кавалеристов. Нас же всего-навсего восемь человек.

Почти в ту же минуту заметили возле придорожного домика повозку с «максимом». Оказывается, нам навстречу из Залазнинского завода выехал командир. 1-го взвода товарищ Попов, взяв с собой только что отремонтированный пулемет.

Мы остановились, выкатили пулемет на бугор и саженей с четырехсот открыли по белым огонь. Сверху было отлично видно, как белые остановились. Их лошади бросались в стороны, проваливались в глубокий снег. Мы выпустили по белякам почти всю ленту. Многих утихомирили навеки. Оставшиеся целыми поспешили назад.

Из двух красноармейцев, что догоняли нас, один оказался раненым, второй — оставленным при нем фельдшером. Белые уже их обыскали, отобрали деньги. Приказывали разуваться. Но тут взял слово наш «максим», и белякам пришлось думать не о чужих сапогах, а о собственных шкурах…

Трусость 1-го батальона и 4-й роты сорвала боевые планы полка.

Под вечер я узнал о неудаче, постигшей и 3-й батальон,

который стоял на позициях в Шумайловской. Белые собрали крупные силы и двинулись в атаку. В штыковом бою смертью героя пал комбат-3 товарищ Попов. Погибли командир 9-й роты товарищ Сафонов и несколько взводных командиров. Большие потери во всех ротах и командах.

Сегодня вечером полку пришлось отойти к самому Залазнинскому заводу. Дорога туда от Ежей через Пермятскую для белых открыта. Однако днем они не решились идти по ней. Возможно, кавалеристы, нарвавшиеся на наш пулемет, сказали, что в этом месте у красных сильная оборона. Но на такого рода заблуждение долго надеяться нельзя. Беляки непременно узнают, что тут задержать их некому.

Дописываю и отправляюсь в 3-й пулеметный взвод, который выделен в помощь 2-му батальону.

Начальника команды вызвали в штаб полка. Какие еще новости ждут нас?

15 апреля. Поселок Зотовский

Полк оставил Залазнинский завод. Отошел верст на шесть к югу и обосновался в поселке Зотовском. Здесь же и наша пулеметная команда.

Хочу записать все, что произошло за последние дни.

К вечеру 13 апреля полк как будто начал приходить в себя. Роты встали на позиции по окраинам Залазнинского завода. Остаток дня прошел спокойно. Вечером белые подошли к заводу, но молчали, даже не посылали разведку.

Их наступление — и очень упорное — началось в ночь на 14-е. Бой длился долго. Мы старались удержать завод, но не смогли. Белые заняли его.

Опять большие потери, опять отход. Беда, по-моему, не только в том, что белые сильны, но и в беспорядках, несогласованности у нас. Многое мне не по душе.

Уже утром верстах в пяти от завода, у поселка Зотовской, путь нашим перерезали роты 23-го Верхне-Камского полка Особой бригады, в которую входим и мы. Красноармейцы 23-го полка были настроены решительно, приготовили оружие на случай, если бы наши бойцы не подчинились. Никогда прежде я не видел таких обидных сцен. Но все обошлось тихо, мирно. Наш полк остановился, стал приводить себя в порядок.

Посмотрел я на 23-й полк и увидел в нем что-то родное, знакомое. Так же были одеты и полки 29-й дивизии: шапки разные, кто в полушубке, кто в шинели, одни в валенках, другие в

холодных сапогах, некоторые на самодельных охотничьих лыжах. Привычны для меня эти красные ленты на папахах, банты на груди. Опять вспомнились родные «орлы»…

Бойцы 23-го полка нас поддевают: одеты, мол, хорошо, а воюете плохо.

Вскоре нашему полку и одному из батальонов 23-го отдали приказ приготовиться к наступлению, отвоевать завод у белых.

Из наступления ничего не вышло. Батальоны к обеду сбились вдоль узкой дороги. Справа и слева высокий, густой лес. Не разбежишься, не повернешься. Сойдешь с дороги — сразу в снегу по пояс, а лыж в полку нет ни одной пары.

Только высунемся на опушку, белые открывают пулеметный огонь. Им все видно с высокой колокольни залазнинской церкви.

Командиры кричат, люди топчутся на месте, приказы выполняются медленно и как бы с неохотой. С трудом продвинулись версты на две и остановились. Дальше ни шагу.

Потеряли 12 человек ранеными, один убит. Нескольких бойцов лишился и батальон 23-го полка. Когда стемнело, отошли в лес. Красноармейцы 23-го полка, пробыв ночью часов шесть на морозе, ушли обратно в поселок Зотовский. Мы стояли под открытым небом до рассвета, грелись у костров, разговаривали. Настроение у всех плохое. Утром узнали, что прибыл военный трибунал. Будут судить паникеров.

Из-за больших потерь наш полк превращен на время в сводный батальон. Роты тоже сводные. В каждой из трех рот человек 120–130. К нам в команду влиты остатки пулеметных команд батальонов. Народу стало больше прежнего — около двухсот бойцов.

Сводным батальоном командует товарищ Аничкин. К товарищу Ринку назначен помощником товарищ Царев, который раньше служил взводным в нашей же команде.

Никто не ведает, какие силы и планы у белых. В полку «Красных орлов» так не случалось. О беляках мы выведывали все, вплоть до подробностей. Под Егоршино и Баранчинским заводом нам были известны даже фамилии офицеров из бывших камышловских гимназистов. Я и сейчас их помню: Куренков, Комаров, Баранов. Особенно славился тогда своим изуверством капитан Казагранди, окончивший ирбитскую гимназию. Этот палач сам расстреливал рабочих, бедняков, пленных красноармейцев, измывался над женщинами и стариками, заподозренными в помощи красным. Да и Куренков не отставал от него.

Сегодня товарищ Ринк зачитал перед строем приказ по полку от 13 апреля о геройской смерти командира 3-го батальона

товарища Попова. Приказ гласит:

> «Сего числа в штыковом бою в дер. Шумайловская погиб смертью храбрых командир 3-го б-на Петр Алексеевич Попов. Отличный командир и прекрасный по своим душевным качествам человек, обладающий широкими познаниями в военном деле, имеющий боевой опыт, он с неиссякаемой энергией сражался за рабочее дело, всюду и везде являясь примером для красноармейцев, и был горячо любим ими. Смерть его является большой потерей для полка.
>
> Вечный покой тебе, дорогой товарищ Петр Алексеевич. Память о тебе будет вечно жить в сердцах знавших тебя.
>
> Скоро то время, когда луч свободы озарит весь мир и твой милый, светлый образ вновь ярко вырисуется в воображении товарищей и подвиг твой и великое дело с благодарностью будут передавать из уст в уста».

После того как чтение приказа было закончено, выступил я и призвал бойцов отомстить за гибель наших геройских товарищей, не посрамить их светлую память, храбро, как товарищ Попов, биться за революцию и Республику Советов.

19 апреля. Деревня Вороны

С 17 числа наш полк переведен в резерв. Расположились неподалеку от линии фронта. Отдыхаем третьи сутки.

Сегодня узнали любопытную новость: 18-го белые подключились к телефонному проводу, выведали, где стоят красные войска, имена командиров, и по телефону же приказали, чтобы наш полк, а также и 23-й Верхне-Камский спешно отошли верст на 30–40 в сторону от здешнего боевого участка.

Командир 23-го полка заподозрил неладное и запросил командира бригады. В нашем полку обман тоже был раскрыт. Телефонист белых ошибся в числе батальонов, он и не подозревал, что у нас из полка получился один-единственный сводный батальон.

Мы посмеялись над неудавшейся хитростью беляков. Но вообще-то радоваться нет причин. Положение неважное. Приходится думать, как бы не оказаться отрезанными от Глазова и от тракта на станцию Яр. Однако там, я слышал, стоит боевой 21-й Мусульманский полк нашей Особой бригады.

Хотя обстановка трудная, духом не падаю. Разве трудности

для нас внове? Все равно — будущее на нашей стороне! Я верю, крепко верю: мы одолеем всех врагов и все напасти!

Хотел было кончить, но тут новость — приказано подготовиться к наступлению. Придется всю ночь идти по плохой лесной дороге. Ничего не поделаешь, надо — так надо. Люди отдохнули, настроение поднялось.

За эти дни было у нас общее собрание. Выступал товарищ Ринк. Говорил дельно, серьезно. Он мне все больше нравится. В бою смелый, спокойный, твердый. Если надо, может наганом остановить труса, удержать паникера.

После боев в Пермятской и у Залазнинского завода мы с ним стали ближе друг другу.

Убеждаюсь, что в нашей команде много хороших людей. Отличился товарищ Попов. Помкомвзвода товарищ Павлов прямо-таки показал себя героем в ночном бою 13 апреля.

Не подкачал и Антипыч: ни разу не оставлял команду голодной. А ведь ему тоже нелегко приходилось. Тем более, что мы потеряли трех лошадей и возить провиант было не на чем.

Сегодня узнал, что от белых из Пермятской вырвалось совсем немного красноармейцев. Человек по восемь — десять из роты. Из батальонной пулеметной команды и того меньше — пятеро. С остатками 1-й роты вышел председатель полкового партийного коллектива товарищ Федоров.

В нашей команде не досчитываемся двадцати человек.

20 апреля. На марше

Двигаемся к селу Люм. От него верст тридцать с чем-то до станции Яр и верст двадцать до Глазова. Идем в армейский резерв. Это неспроста. Командование опасается, что белые станут наступать на Глазов.

Сейчас большой привал. Достал из мешка тетрадку и пишу. У меня теперь привычка: едва свободная минута — скорее за дневник, кто знает, когда удастся следующий раз писать.

Вчера всю ночь шел с красноармейцем Николаем Зеленским. Дорога плохая. За двадцать верст пути порядком устали. Но все время разговаривали.

Зеленский прибыл в команду недавно. Он москвич. Грамотный, образованный. Поэтому назначили писарем.

Зеленский говорил о поэзии, о любви, о настоящей дружбе. Читал стихи о Кавказе. Там он родился, жил до переезда в Москву и преданно любит этой край, о котором я знаю только по книгам. В мечтах Зеленский уносится на Кавказ, лучше которого для него

нет ничего на свете. Наши снега и леса для него, что тюрьма без решеток. Все здесь гнетет ему душу.

Я понимаю, как может тосковать человек по родным местам, особенно такой чуткий и впечатлительный. Сочувствую Николаю, но не всегда могу согласиться с его рассуждениями. По-моему, о некоторых вопросах он судит неверно, кое в чем заблуждается. Мы сильно спорили о боге, о великих личностях — Наполеоне и Петре Первом, о классах и народе.

Зеленский старше меня. Ему двадцать один год. Перенес и передумал он немало.

Сколько страданий, физических и нравственных, взвалила гражданская война на юное поколение! Не всем и не всегда легко сразу стать на сторону коммунизма. Люди думают, ищут. Иные мечутся в поисках выхода и, не отыскав его, преждевременно стареют душой. Им кажется, что жизнь идет по наклонной, человечество вырождается. Но это — величайшее заблуждение. Коммунизм обновит человечество, откроет в нем новые силы и таланты. Заря взойдет над миром, даст людям радость, счастье. Начнется сказочно прекрасная жизнь.

У людей только один путь вперед, к свету. Это — путь к коммунизму!

22 апреля. Село Люм

От места привала, где я делал последнюю запись, прошли лесами верст десять и попали в большое удмуртское село Люм. Будем, как выяснилось, стоять в резерве бригады.

В пути произошел сильно меня поразивший случай. Когда переезжали через речку, один старик-возчик бросился в воду, хотел утопиться, но его удалось спасти.

Все время думаю о старом крестьянине. Почему он хотел покончить с собой, что толкнуло его на отчаянный шаг? Тяжелая, оторванная от семьи жизнь, опасности? Сколько испытал этот несчастный старик-удмурт, вечный мученик и работяга! Наверное, когда он попал к нам возчиком, то и тут к нему не отнеслись душевно. Старик не вынес и бросился в реку. А веди и его скромный труд приносил пользу революции.

После прибытия в Люм комиссар полка товарищ Болдин все чаще стал отрывать меня от пулеметной команды. Это крайне досадно. У меня полно хлопот и забот. Положение в нашей партийной ячейке еще не очень прочное. Не все товарищи крепко стоят на ногах. Даже у некоторых взводных командиров, вроде Суслова, не хватает самостоятельности. Наши пулеметчики, как

показали последние бои и события, поддаются дурным влияниям, когда попадают в неустойчивую среду. Начальник команды все это видит и нервничает. В общем надо работать и работать.

24 апреля. Село Люм

Должны здесь ждать пополнения. Когда оно прибудет — восстановятся батальоны. С одним сводным батальоном полк — не полк. Надеюсь, что заменят некоторых командиров. Нынешний командир полка товарищ Крылов под Залазной вел себя нерешительно, и за это мы дорого заплатили.

Вчера и сегодня с утра до вечера занимался полковыми делами.

27 апреля. Село Люм

По заданию военкома провожу собрания. Сегодня в команде связи: одно — общее, другое — по организации партийной ячейки. В своей команде за эти дни провел два общих и два партийных собрания.

На общих собраниях по ротам и командам идут выборы в контрольную хозяйственную комиссию полка. Все ими очень интересуются. Пулеметчики, как и связисты, избрали членами комиссии сочувствующих.

Партячейка в нашей команде переживает трудный момент. Ее председатель, командир первого взвода товарищ Попов, вышел из президиума, а Панферов заявил, что вовсе намерен выбыть из членов партии. Я не на шутку столкнулся с ними во время собрания, потому что ничего подобного не ожидал от них. Поведение того и другого очень меня огорчило.

Был момент, когда мне казалось, что вся упорная работа пойдет насмарку. Однако так не случилось. Колебавшиеся товарищи поняли свои ошибки.

На собрании коммунистов полка избрали меня в состав бюро партийного коллектива. Отказывался, объяснял, что не желаю ослаблять работу в пулеметной команде. Но доводы мои не подействовали. Значит, придется приниматься за партработу в полку. Нелегко это. Особенно потому, что председатель партколлектива Федоров нерасторопный, вялый товарищ.

Первой задачей мы себе поставили — во всех ротах и командах организовали партийные ячейки. Это уже почти удалось. Дальше надо установить связь ячеек с полковым

партколлективом, провести регистрацию членов РКП (б), упорядочить дело с членскими билетами и партийными взносами.

Необходимо добиться, чтобы ячейки усиленно вели политическое воспитание, действовали на основе плана, энергично, самостоятельно. Для этого мы сами должны участвовать в их работе.

Вот бы когда особенно пригодился Ваня Шабанов. Но его, к великому моему сожалению, уже нет в полку. Еще 7 апреля отбыл в политотдел армии, а оттуда в какую-то часть. Ваня уезжал в спешке. Мы даже не успели как следует проститься.

Идет замена крестьянских возчиков. За эти дни отбыло человек триста, столько же прибыло. Каждый со своей лошадью и упряжью. Что бы мы делали без такой помощи, без крестьянских подвод!

28 апреля. Село Люм

Вернулся с собрания полкового околотка. Команда околотка подала рапорт на старшего врача Кемпистого, который ведет себя, как при старом режиме: оскорбляет бойцов, заставляет их прислуживать себе, словно денщиков, на фельдшеров орет, ничему их не учит, сам увиливает от приема больных.

В околотке организовалась партячейка из четырех человек. Надеюсь, что теперь доктор не посмеет безобразничать.

За эти дни очень устал. Политработу в полку организуют фактически три человека. Достается крепко. Однако мы не имеем права жаловаться. Надо все сделать, чтобы окончательно разгромить злобного врага, преждевременно празднующего свою победу. Не нам, коммунистам, плакаться. Наша работа дает свои плоды. Партячейки уже показывают себя…

В полк поступили строгие приказы по 3-й армии и нашей Особой бригаде насчет крестьянских возчиков и пользования лошадьми местных жителей. Можно требовать подводы, только если имеешь на то разрешение. Прибыл в конечный пункт (проехал не больше тридцати верст) — плати причитающуюся крестьянину плату. Безденежно брать подводы запрещено.

Приказом наказали тех, кто своевольничает, незаконно забирает или обменивает у крестьян лошадей. Комбриг товарищ Васильев и военком товарищ Рудженец сместили одного командира эскадрона, перевели его в красноармейцы за то, что он забрал у крестьянина хорошую лошадь, а отдал плохую.

Мне понравились эти приказы и такие решительные меры.

Все правильно. Мы бьемся за справедливость, за лучшее будущее трудящихся людей. Как же можно обижать крестьян? Тем более, что они нам помогают подводами и лошадьми. Каково бы нам пришлось без них? Ведь полку недостает двух сотен обозных лошадей и полутора сотен повозок.

29 апреля. Село Ляминское

Идет переформировка. Меняется состав и нашей команды. Одних зачисляем, других списываем по болезни.

Бойцы еще не оправились после тяжелых потерь, понесенных в боях под Ежами, Пермятской и Залазнинским заводом. Часто можно слышать разговоры об убитых и раненых. Уже известны цифры. Всего в полку убито 128 человек, ранено 176, около 300 пропало без вести.

В нашей пулеметной команде убиты товарищи Зубилин и Туманов. Ранены четверо. Пропало без вести 26 человек, в том числе Павел Лукьянов и взводный Алексей Суслов.

Недешево заплатили мы за последние бои, а результаты жалкие.

1 мая. Село Ляминское

Очень хорошо прошло собрание, посвященное международному рабочему празднику — 1-е мая. Присутствовали все без исключения — старослужащие и новички. Был начальник команды товарищ Ринк. Я делал доклад.

После собрания проводились занятия, как и в обычный день.

Вечером отправился в сельскую сборню побеседовать с крестьянами о всемирном празднике трудящихся. Пришло человек сорок, в большинстве люди нестарые. Я рассказал о празднике, о боях Красной Армии. Слушали внимательно, кое о чем спрашивали. Отношение жителей к нам неплохое, сочувственное.

3 мая. Село Ляминское

Здесь же в Ляминском стоит и штаб 21-го Мусульманского стрелкового полка. А части его на позиции, верстах в пятнадцати отсюда.

В последнее время больших боев нет — весенняя распутица.

Ни проехать, ни пройти.

От штабников слыхал, что Залазнинский завод у белых, но дальше Зотовского они продвинуться не смогли: не пустил 23-й полк.

Самая для меня радостная новость: где-то неподалеку занимают позиции «красные орлы». Узнать бы поточнее…

4 мая. Ляминское

Неужели я ошибаюсь? Или я еще молод и сужу опрометчиво?

Разве правильно, партийно доверяться во всем специалистам, считать их хорошими работниками даже тогда, когда они унижают и оскорбляют красноармейцев?!

А ведь именно так рассуждает агитатор Калачев, прибывший в полк из политотдела армии. Я ему рассказал про позорную историю в околотке, а он отнесся к ней совершенно равнодушно. Надо было, видите ли, предупредить доктора Кемпистого, посоветовать ему не обижать бойцов, быть вежливым, и только после этого, если он не исправится, «наступить на ногу».

Кемпистый не то, чтобы исправляться, а, наоборот, все более распускается. Ведет себя в околотке, словно помещик среди дворни, приказывает величать свою особу не иначе, как «господин». Когда об этом доложили комиссару, он набросился на фельдшеров: «Сами виноваты, зачем так называете его».

В представлении комиссара все это мелочи. А я не согласен. Из-за таких вот «мелочей» в том же околотке дело чуть не дошло до убийства. Каптер поставил на граммофон пластинку «Боже, царя храни», а один из фельдшеров схватился за наган.

Наш комиссар от всего отмахивается: «Подумаешь, пустяки, страсти разыгрались».

Я не умею и не хочу так спокойно относиться к безобразиям и несправедливости. Не знаю, как смогу работать с таким равнодушным комиссаром. Возмущался до глубины души, когда он кричал на фельдшеров.

Еще 29 апреля наш полк из села Люм перебрался верст на пятнадцать ближе к фронту. Отсюда хорошо слышна артиллерийская стрельба. Полк по-прежнему в резерве. Я живу вместе со своей пулеметной командой. Она разместилась в двух соседних деревнях.

В том взводе, что стоит в деревне Горбуны, произошел нынче гадкий случай. Двое бойцов куда-то съездили, напились пьяными. Вернувшись, затеяли драку. Товарищ Ринк решил их арестовать. Узнав об этом, бойцы опомнились, просили пожалеть, плакали

пьяными слезами. Противно было смотреть.

Может, такие случаи тоже надо считать мелочами и пустяками?

Теперь одна из моих обязанностей — создание красноармейских бытовых коммун. Мне не все понятно в этом деле. Но политотдел нажимает, требует. Некоторым товарищам такая идея нравится, другие противятся ей… У меня нет уверенности. Посоветоваться не с кем. От военкома толкового ответа не дождешься. Придется самому все решать. Видно, много будет трудностей.

Мне пришла на ум увлекательная мысль: написать несколько статей о боевой жизни полка «Красных орлов». Недавно политотдел 3-й армии стал выпускать интересный, на мой взгляд, журнал «Путь красноармейца».

Приятно вспомнить обо всем, что связано с «красными орлами». Может быть, такие воспоминания пойдут на пользу молодым, еще неопытным и нестойким бойцам.

Начало первой статьи уже написал.

6 мая. Ляминское

Никакого пополнения мы не получили до сих пор.

В полк прибыл новый военком Сергей Кесарев. Первое впечатление от него хорошее.

Вместе с представителем политотдела армии товарищем Калачевым я побывал вчера в ротах. По дороге откровенно разговорились. От первого знакомства с ним 4 мая у меня оставался неприятный осадок. Но теперь товарищ Калачев показался хорошим, спокойным человеком, с большим опытом. Говорит веско, обдуманно. Он старше меня лет на десять. Носит усы и небольшую бородку.

Мне понравилось, как он выступал перед красноармейцами. Видно, и им пришлось по душе его выступление. Я теперь уже умею различить, когда красноармейцы с желанием слушают оратора, а когда из вежливости или по обязанности.

Сегодня днем мы с Калачевым назначили собрание ячейки пулькоманды. На повестке стоял один вопрос. Красноармеец товарищ Плакунов просит освободить его от обязанностей председателя ячейки и не считать членом РКП (б). Причины просьбы таковы: не умеет бороться с пьянством, карточной игрой, не может добиться, чтобы все партийные товарищи выполняли решения, которые они сами принимают на собраниях.

Разве это основательно?

Я думаю, что тут малодушие, пассивность, боязнь трудностей в работе и борьбе.

Время ли сейчас для таких жалких настроений! Вся Советская Россия напрягает последние силы в битве с Колчаком. Надо откинуть прочь усталость, колебания, не бежать от трудностей, а преодолевать их. Обидно, что в такой час находится человек, забывающий свой партийный долг, стремящийся уйти в сторону.

У меня было пасмурное настроение, когда началось собрание. Но вскоре убедился, что почти все товарищи относятся к поступку Плакунова так же, как и я. При этом в нашу ячейку записались два новых товарища — Яковлев и Зеленский. Я от души обрадовался. По маловерам и нытикам нанесен удар. Лучшие люди приходят в партию, чтобы с ней вместе бороться за счастье миллионов. А коль единицы боятся такой суровой борьбы, тем хуже для них. Все равно наши силы будут нарастать, будет крепнуть власть Советов.

Вчера дописал статью о боевых подвигах полка «Красных орлов» в августе 1918 года. Очень хочется, чтобы редакция напечатала ее,

8 мая. Деревня Четпи

Все давно спят, а я только-только закончил разработку лекции «История революционного движения в России вообще и РКП в частности». Вот, где пригодились тетради с военно-агитаторских курсов! Перечитал их, сделал выписки. На фронте у красноармейцев нет, конечно, времени слушать подробный рассказ на такую большую тему. Отобрал самое важное,

Теперь можно ложиться спать,

9 мая. Деревня Четпи

В деревне Горек-Яшкурский, где стоит сводный батальон, был назначен полковой митинг с раздачей первомайских подарков. Как и приказали, наша команда, проделав десять верст ровнехонько, к трем часам явилась в Горек-Яшкурский. И вдруг узнаем: митинг отменяется из-за плохой погоды. Пришлось нам, не солоно хлебавши, при этой самой плохой погоде идти обратно. Как только ни кляли бойцы комиссара полка.

К вечеру привезли подарки. Но все равно отмена митинга плохо повлияла на красноармейцев, подорвала их доверие к устроителям.

Вместе с агитатором товарищем Бушуевым я от имени полкового партколлектива написал протест комиссару. Мы прямо сказали, что порицаем такую неаккуратность, такое неуважение к красноармейской массе.

Занятий сегодня не было. Работник штаба товарищ Сафронов помог мне отпечатать на шапирографе 12 экземпляров конспекта лекции «История революционного движения в России вообще и РКП в частности». Конспекты раздам агитаторам, членам полкового партколлектива и другим товарищам.

День нескладный, ничем толком не занимался. Под вечер играл в городки. Наигрался досыта.

В городки втянулись почти все бойцы. Играют по вечерам, а в воскресные дни — с утра до ночи. Только и слышишь: «Ставь новую фигуру».

Я тоже получил первомайский гостинец: три пачки папирос, две иголки, два коробка спичек, курительную бумагу, небольшой моток ниток.

Еще прошлым летом начал курить. На курсах бросил. Сейчас опять стал дымить, хотя и меньше, чем в прошлом году.

Помню: в годовщину Октября вместе с товарищем Юдиным раздавал подарки в родном полку. Кажется, целый век прошел с тех дней, но в памяти сберегло все до последних подробностей. Никогда не забыть мне того, что связано с «красными орлами» — моими первыми товарищами по боям и походам.

13 мая. Деревня Четпи

Мы по-прежнему в деревне, которая так странно называется — Четпи. Название это удмуртское. Деревня маленькая, всего пятнадцать дворов.

В нашей пулеметной команде товарищ Калачев прочитал три лекции.

С помощью Сафронова я отпечатал еще 9 экземпляров конспектов. Надо уважить товарищей, которые их просят.

Сегодня пришло радостное известие о боевых успехах нашей бригады: взят Залазнинский завод и соседние с ним деревни. Захвачены два орудия, пленные, пулеметы. Это отличается славный 22-й Кизеловский полк.

Даже завидно стало — другие полки геройски дерутся, бьют врагов, не зная устали и отдыха, а мы стоим и стоим. Мне уже надоела такая жизнь, хочется на позиции. Что ж мы, хуже других, что ли? Не можем отомстить белякам за потери?

В последние дни написал в политотдел бригады доклад о

партработе. Отправил письмо в полк «Красных орлов» Павлу Мамонтовичу Тарских.

На недавнем собрании коммунистов и сочувствующих меня избрали членом партийного суда. Еще одно поручение!

Продолжаю, как задумал, писать статьи в журнал «Путь красноармейца» и в газету «Красный набат».

Красноармейские коммуны не встречают поддержки в массах. У нас в пулеметной команде человек семь высказало желание вступить в них. Остальные молчат, либо увиливают под разными предлогами. Начальник команды тоже не спешит войти в коммуну.

На дворе скверная, гнилая погода. Небо серое, сумрачное. Середина мая, а идет не то снег, не то дождь. Развезло все вокруг. Грязь непролазная — ни ходить, ни в городки сыграть.

14 мая. Деревня Четпи

Есть приказ приготовиться к выступлению. Куда — неизвестно.

Давно уже ждем этого. Простояли в резерве почти целый месяц — с 17 апреля. А другие тем временем вели бои, во славу Республики Советов громили белую гвардию. Теперь наша очередь показать себя.

Правда, месяц этот прошел не понапрасну. Крепко приналегли на занятия. Осваивали пулемет, правила стрельбы. На полях, среди холмов учились вести огонь.

Товарищ Ринк большой охотник до таких занятий. Нажимает он и на строевую выучку. В этом деле команда хромает, бойцы маршируют неважнецки.

Во взводах постоянно устраивались беседы о текущем моменте, о ходе боев, о задачах пулеметной команды, а также о сознательности в дисциплине. Вечерами вслух читали газеты.

Все это небесполезно. За последнюю неделю не случалось нарушений революционного порядка. Товарищи сами следят за теми, кто тянется к бутылке, одергивают их.

К выступлению готовится не только наша команда, но и весь полк. Плохо то, что полк так и не успел пополниться. У нас все еще один сводный батальон. Стал он, конечно, надежнее, крепче. Красноармейцы отдохнули, у них улучшилась выучка, поднялся дух. Они узнали о том, как другие рабоче-крестьянские части геройски сражаются с врагами. Но все-таки что ни говори, один батальон — для полка маловато.

За месяц все получили письма с родины, сами написали

родным и друзьям. Только я ничего не получил из дому…

19 мая. Деревня Морозы

Вчера были в жестоком, беспощадном бою под деревней Почашево. Деревня большая, расположена высоко. Наступали на нее по открытому, чистому полю.

Шли цепями по пологому подъему, а белые, отрыв две линии глубоких окопов с бойницами и настроив блиндажей, били сверху из винтовок и пулеметов. Не щадила нас и артиллерия противника, спрятанная за деревней.

Сводный батальон наступал вместе с семью ротами 21-го Мусульманского полка. Батальону придали два взвода нашей пулькоманды. При этих-то взводах и находились мы с товарищем Ринком. Роты вели боевые командиры товарищи Салосин, Кузнецов и Иловайский.

Первое, что мы увидели, когда начали поутру наступать, — это десятки тел, лежавших на поле. От майского солнца и влажной земли трупы разбухли, от них шел сильный запах разложения. Оказывается, 21-й Мусульманский полк несколько суток назад уже пробовал взять деревню, но потерпел неудачу. Тела, покрывавшие поле, — это погибшие красноармейцы-татары.

Мрачная картина не остановила наших бойцов. С четырех часов утра до двенадцати дня не ослабевал кровавый бой. Нам удавалось подойти шагов на пятьдесят к вражеским окопам. Но белая сволочь усиливала огонь в упор, и мы откатывались назад. Несколько раз с неистовством кидались роты вперед и отходили обратно, теряя боевых товарищей.

После каждой атаки цепи становились все реже. Выбывали стрелки и пулеметчики, падали на землю командиры. Геройски погиб командир сводного батальона товарищ Аничкин. Бойцов повел вперед недавно прибывший комиссар батальона товарищ Мартынов. Но прошло с полчаса, и мы услыхали:

— Комиссар убит!

Наши «максимы» не смолкали. Как только обнаглевший враг поднимался в контратаку, мы меткими очередями загоняли его обратно в норы.

Убедившись, что прямой натиск не принесет победы, попытались обойти врага справа. Но к этому времени у нас осталось уже мало сил. Артиллерия поддерживала слабо.

У белых тоже было не очень много пушек. Но сами они сидели на горе, в хороших окопах и из десятков своих пулеметов били по нашим наступающим ротам.

Под конец боя были ранены председатель полкового партколлектива товарищ Федоров и агитатор товарищ Русаков. Почти весь командный состав вышел из строя. Но красноармейцы продолжали отважно наступать на врага. Не знаю слов, которыми можно было бы по заслугам оценить их подвиг, их революционную стойкость.

А после того как мы понесли такой большой урон, вдруг пришел приказ: отступить.

21 мая. Деревня Помаяг

С 19 мая мы опять в резерве. Потеряли 70 человек убитыми и больше сотни ранеными. А было-то всего в сводном батальоне около четырехсот бойцов.

Конечно, мы очень много теряем. Но странно, что так быстро отводят с позиций на отдых. Полк «Красных орлов» непрерывно сражался больше семи месяцев. Пополнялся прямо на ходу, во время боев. Прибывали добровольцы, мобилизованные, получали оружие и шли на врага.

Здесь, в Вятской губернии, мобилизация проведена раньше. Резервов нет. Последние три дня батальон усиливался за счет полковых команд. Невелико пополнение!

Вчера почти весь день сидел на крыше и в бинокль, взятый у товарища Ринка, наблюдал, как наша артиллерия била по Почашево, как потом пошли в наступление роты 255-го стрелкового полка 29-й дивизии.

Знакомый мне полк! Бок о бок с ним дрались «красные орлы» под Кушвой, вместе отходили к Чусовой, Перми и Чайковской.

С тревогой наблюдал я за действиями 255-го полка. Бой длился шесть часов. Повторялась знакомая картина. Красноармейцы бесстрашно наступали по чистому полю. Белые гады косили их пулеметными очередями. Полку пришлось отступить. Слыхал, что он захватил один пулемет и нескольких пленных. Дорого обошлись эти трофеи. Почашево по-прежнему у врага…

Написал в армейскую газету «Красный набат» заметку о бое 18 мая и статью об одном из боев полка «Красных орлов».

25 мая. Деревня Помаяг

Перед рассветом 22 числа получили боевую задачу — снова наступать на Почашево. На этот раз вместе с 255-м и 23-м

полками.

Жаркий бой беспрерывно кипел 22 и 23 мая. Теперь нам хорошо помогала тяжелая батарея шестидюймовых гаубиц. Впервые в жизни с расстояния саженей в 150 я наблюдал такие сильные разрывы. Артиллеристы били точно. Снаряды ложились прямо в белогвардейские окопы, разнося и разворачивая их.

И все-таки, как ни досадно, нашим полкам пришлось опять отступить.

В чем причины такой тяжелой, кровавой неудачи? Полагаю, что беда прежде всего в плохой согласованности. Не получилось у нас дружного, напористого штурма.

Опять потери. И немалые. Полегло около сотни человек.

Крепко досталось нам, пулеметчикам. Потеряли почти тридцать человек. Нет теперь в наших боевых рядах начальников пулеметов Васк Калошина, Володи Соловьева, Вани Быкова, Саши Андреева, наводчиков Миши Зильбермана, Феди Качурина, помощников командиров взводов Вани Табункова, Васи Павлова, Семы Белькова и Бори Краснощекова. Мы лишились самых лучших товарищей!

23 мая я расстрелял штук двести патронов. В этот день мне с несколькими красноармейцами удалось выкатить «максим» на холм, совсем неподалеку от позиции белых. Поставили пулемет в кустах можжевельника и чесанули прямо по окопам. Беляки всполошились. Нам стал отвечать их пулемет. Начался поединок. Белогвардейская пуля порвала правое ухо нашему наводчику. Он закричал, прижал рукой окровавленную голову и покатился под бугор.

Я занял его место, как мог успокоил товарищей, и мы снова ударили по врагу. Осколок, угодивший в щит нашего «максима», едва не выбил мне глаза. Но обошлось благополучно, отделался пустяком, о котором не стоит и говорить.

Под утро 24 мая полк был сменен. Однако отдохнуть как следует не пришлось. Вечером выступили в село Понино. Прибыли туда в три часа ночи. Не успели разместиться — новое распоряжение: идти обратно.

Измученные, три ночи не спавшие бойцы ругали на чем свет стоит незадачливое начальство. Ропот был очень сильный. Старался успокоить товарищей, но понимал справедливость их возмущения. В самом деле, к чему было ночью топать 18 верст?

Однако мне лично этот поход доставил несколько радостных минут. В Понино, как случайно выяснилось, стояла строевая часть «Красных орлов». Сам полк дерется где-то поблизости.

Встретился со своими старыми однополчанами — Василием Герасимовичем и Петром Балиным. Это — мои земляки,

добровольно вступившие в полк, когда он стоял еще под Катайском. От них узнал, что позавчера, 23 мая, в бою ранены помощник комиссара товарищ Цеховский и Миша Ковригин. Миша последнее время был председателем партколлектива. Он любимец всего полка. Иначе, как по имени, его не величают.

Миша Ковригин на удивление чуток и отзывчив, что называется душа-человек. В старой армии он служил ротным фельдшером и чем мог помогал солдатам. В 1917 году вступил в Российскую Коммунистическую партию большевиков. Когда вернулся домой в село Катайское, стал вместе с другими организовывать 1-й Крестьянский коммунистический полк.

Александр Михайлович Цеховский — тоже ветеран полка «Красных орлов». Давно вступил в партию большевиков. Прежде, до революции, Александр Михайлович был преподавателем лесного училища в Талицком заводе, что между Тюменью и Камышловом.

В полку товарища Цеховского издали узнавали — он носил кавказскую бурку и никогда с ней не расставался…

Сегодня я что-то приболел. С трудом сделал эту запись.

Целыми часами можно лежать на траве, то разглядывать муравьев, то смотреть в синее-синее небо.

Но разве улежишь? Глухие громы доносятся до слуха. Мрачные раскаты сотрясают землю, нарушая ее великий покой.

Это люди, лучшее из созданного природой, в жестокой борьбе проливают потоки горячей крови.

Все ли люди могут назвать себя сынами Земли? Нет, не все. Истинные дети Земли — те, кто хочет вырвать богатства природы из рук алчных паразитов, создать прекрасную, солнечную жизнь. Тогда не будет гнилых подвалов, сырых углов, темных избушек, не будет болезней, мучений, невежества.

Но нелегко такую жизнь завоевать. Есть люди, которые хотят, чтобы оставался мрак, ибо во мраке они совершают свои черные дела. Их не трогает судьба миллионов, и из всех богатств природы им потребно прежде всего одно — желтый металл, за который они могут купить себе, что пожелают. Длинными скрюченными пальцами тянутся они к этому металлу. Ради него устраивают войны, заливают земной шар кровью. Нем больше крови, тем больше в их карманах желтого металла. Слезами, обезображенными трупами отмечен путь тех, кто ради наживы попирает все человеческое.

Никогда прежде борьба за жизнь и справедливость не достигала такой ярости. Враги хотят утопить в крови, задушить всех, посмевших выпрямиться, сбросить цепи рабства. Палачи терзают тела борцов.

Но ничто не спасет палачей. Жизнь — на стороне идущих вперед, к солнцу. Все, что есть прекрасного на земле, все, что буйно цветет весной, станет достоянием победившего в битвах, навеки освобожденного народа.

Эти мысли и чувства родились у меня сегодня, когда я лежал на мягкой траве в лесу. Хочу написать о них в «Красный набат».

…Вдалеке гремят и гремят шестидюймовые орудия. Наша артиллерия бьет по Почашево, где все еще сидят беляки. Пехота 22-го полка пошла в наступление.

30 мая. Село Ляминское

С великой радостью записываю: позавчера, 28 мая, Почашево взято 22-м Кизеловским горным полком нашей Особой бригады!

Полк до этого стоял в резерве и как следует отдохнул. Но главным, на мой взгляд, оказалось не это. Главное — удар был нанесен дружно, смело и умно. Два батальона зашли белым в тыл и только один бил с фронта.

Прежде все полки наступали в лоб, да и согласованности не было, действовали не особенно напористо. Сколько мы из-за этого потеряли! Во что обходится неумение!

Наш 10-й Московский отвели опять немного назад, в бригадный резерв. Он все еще состоит из одного сводного батальона, в котором три малочисленные роты…

Ровно год назад, день в день, вступил я в Красную Армию. Вспоминаю прошлое. До чего зеленым я был тогда! Даже странно, неужели тот камышловский гимназист, впервые взявший в руки винтовку, — я? Двенадцать месяцев, десятки боев, многие сотни верст, курсы агитаторов… Чувствую, как сильно изменился. Ну, что я тогда понимал, например, в партийной работе? А вчера меня избрали председателем полкового партийного коллектива. Все сделаю, чтобы добиться настоящей партийной работы. Теперь знаю, как много от нее зависит.

Хоть и зелен я был, а правильно поступил, когда год назад записался в Красную Армию рабочих и крестьян!

Да здравствует Красная Армия и коммунизм!!!

31 мая. Село Ляминское

22-й полк, заняв Почашево, успешно продвигается вперед. Каждый день освобождает новые деревни, Позавчера выгнал врага из большого села Север.

Доходят вести об успехах 61-го полка нашей бригады. Он от Омутнинского завода продвинулся далеко вперед, вышел к Каме, переправился с боем через нее и быстро наступает по правому берегу вверх по течению.

Обидно, что нет карты и нельзя точно следить за продвижением наших частей.

2 июня. Село Ляминское

В первые два дня после выборов столько дел бумажных переделал, что и не верится.

31-го вместе с товарищем Воробьевым, которого недавно назначили помощником комиссара, поехал верхом в третью роту. Она прикрывает батарею. Стоит в селе Северском, верстах в шестнадцати от нас. Ехать было хорошо. Дорога подсохла, все кругом зеленеет.

В роте провели собрание, поговорили с товарищами, посмотрели, как они живут на отшибе.

Вчера и сегодня приводил в порядок библиотеку. Люблю возиться с книгами. Переписал все, пронумеровал, разбил по отделам. Теперь красноармейцам удобно будет пользоваться.

Недавно пришел с похорон одного бойца нашего полка. Погиб от случайного выстрела из винтовки. Обидная смерть.

В эти дни решается судьба Глазова. Неприятель напирает изо всех сил и находится уже в трех верстах от города. Обстреливает станцию из орудий. Положение серьезное.

Часа два назад разразилась гроза. Потемнело, как ночью. Гром гремел не переставая. Сверкали молнии. Целое море вылилось на землю. Но туча прошла, и снова солнце такое, что нельзя не жмуриться. Воздух свежий, легкий. Однако теперь слышно, как грохочут пушки, трещат пулеметы. Не вода льется, кровь людская.

Нет, к этому не привыкнешь. Но все равно мы должны биться до конца, чтобы никогда кучка паразитов не угрожала войной миллионам людей.

Нелегкий груз приняли мы на свои плечи. Однако, нести его будем до конца.

5 июня. Деревня Киселята

Позавчера Глазов пал. Все ближайшие к нам полки 29-й дивизии и Особой бригады поспешно отступают — как бы не

попасть в кольцо. Белые от Глазова переправились через Чепцу и стали заходить нам в тыл.

Вчерашний день у нас началась чуть ли не повальная паника. Пошли слухи один страшнее другого: Люм взят, Пудемский завод взят, легкая батарея захвачена, хозимущество полка попало белым и т. п.

Сегодня все успокаиваются. Жизнь входит в свои берега. Батарея цела. Два батальона 21-го Мусульманского полка, о которых говорили, как о погибших, вышли из окружения и связались с нами.

Конечно, неудача большая. Но я привык ко всякому, видел беды и погорше. Уверен, что мы вскоре оправимся и снова будем колошматить беляков. Нашим силам предела нет. За нами стоит весь трудовой люд.

7 июня. Деревня Киселята

С головой ушел в полковую партработу. За целый день едва успел ответить на бумаги, присланные из политотдела Особой бригады. Когда они там успевают столько писать? К чему переводят столько бумаги?

Штаб обещает выделить в распоряжение партколлектива лошадь с седлом. Это необходимо.

В ближайшее время кооптируем секретаря и заместителя председателя коллектива. Ничего не поделаешь — в теперешнем положении собрания не соберешь.

Получены карточки для сочувствующих и членские билеты. Не сомневаюсь, партийные ряды у нас будут расти. Партячейки станут большой силой. Работа пойдет.

Белые следуют по пятам за нашими отходящими полками. Что у «красных орлов», не знаю,

10 июня. Деревня Киселята

Работа и работа!

Тружусь от зари до зари и доволен. Сейчас создается в полку культурно-просветительная комиссия. Председатель ее — агитатор товарищ Герасимов, человек развитой, сведущий. Очень надеюсь на эту комиссию.

Сегодня весь день ездил верхом по деревням, проверял жалобы крестьян на наш полк. Открылись скверные дела некоторых товарищей. Нашелся, например, красноармеец,

который украл у бабы швейную машину. Хоть он и одет в нашу форму, но действует, как враг трудового народа. К суду его!

Был на общем собрании в околотке (туда стараюсь почаще заглядывать), рассказал о текущем моменте. В команде связи сделал доклад о диктатуре пролетариата. Получилось, кажется, неплохо.

Состоялись выборы в партийный суд. Опять попал в его состав. Ну и ну, нагрузка растет день ото дня. Ничего не поделаешь: коммунистов мало, а работы — край непочатый.

Конечно, тяжело. Но коль товарищи доверяют, изволь работать за двоих, а потребуется — и за троих.

Когда дел много, мне хорошо. Чувствуешь, что живешь настоящей жизнью.

11 июня. Деревня Киселята

Совершенно неожиданно сегодня все оборвалось…

Полк получил приказ отправиться в Вятку на переформирование. Походным порядком следует до станции Яр, там грузится в вагоны и — прощай фронт. А я остаюсь. Политотдел Особой бригады отзывает меня в свое распоряжение. С одной стороны хорошо — не еду в тыл; с другой плохо — жаль расставаться с полком.

Конечно, этот полк не отличился в боях. Более того, под Пермятской он, можно сказать, опозорил себя. И все-таки расставаться с ним жаль. Большинство бойцов и в этом полку дралось честно, жизни своей не щадило, отстаивая Советскую власть. Сколько хороших товарищей погибло! Иные искалечены, иные лежат в лазаретах.

Не везло нам с командирами полка. В этом, я полагаю, главная причина многих неудач. За два месяца сменились три комполка. Ларионов, прибывший с полком из Москвы, вскоре куда-то уехал. Заступивший на его место товарищ Крылов оказался вялым и нерешительным. Потом командование полком поручили боевому товарищу Савельеву, но он себя считал назначенным временно.

Да и с комиссарами было не лучше. Они тоже сменялись трижды: Болдин, Коваленко, Кесарев…

Окажись во главе полка хорошие, опытные боевые руководители, многое сложилось бы иначе.

Но теперь, по-моему, в полку есть такие люди. Среди них немало коммунистов. Я верю, что 10-й Московский, пополнившись и отдохнув, еще покажет себя.

13 июня. Хробостовский

Итак, 10-й Московский двинулся в Вятку на пополнение.

Предстоит большой марш. 16 июня надо прибыть на станцию Яр и погрузиться в вагоны. Мне с полком идти только до Омутнинского завода. А там — прощай, 10-й Московский.

Смотрю я на командиров и красноармейцев. Чувство у всех двойственное. С одной стороны, понимают: переформировка нужна, очень уж велики потери, с другой — обидно уходить с фронта, когда знаешь, что бригада и соседние части собираются начинать наступление. В том, что наше наступление не за горами, никто не сомневается.

Я все думаю о нашем 10-м полке. Много, конечно, было неудач и оплошностей, но все-таки полк неплохо помог бригаде в трудные для нее дни у Ефимовской, Шумайловской и Ежей. Не будь полка, как бы бригада своими силами удержала белых, когда те обходили ее с севера? В этих деревнях полк дрался крепко, в Шумайловской даже ходил в штыковую. И у Почашево, невзирая на большие потери, бился ничуть не хуже других.

Пишу это не потому, что свыкся, сроднился с полком, а просто хочу быть справедливым к нему. Ведь я не утаивал в дневнике ничего дурного. Почему же не сказать и о хорошем?

15 июня. Завод Омутинский

Настал час прощания с однополчанами. Им дальше, на станцию, а мне в политотдел бригады, который стоит как раз здесь, в Омутнинском.

По-братски обнялся с моими сотоварищами по пулеметной команде Ринком, Поповым, Панферовым, Зеленским, Плакуновым, Антипычем. Обещали писать. Зашел к комиссару полка товарищу Кесареву. Он, на мой взгляд, опытный военком и хорошо вел дела. Жаль, поздно к нам прибыл.

Хотя и тяжело на душе, но ничего не попишешь — коль приказано, надо подчиняться.

Только на пути к Омутнинскому заводу я узнал и понял, какая опасность угрожала ему, когда наш полк, потеряв Ежи и Пермятскую, отступил к Залазнинскому заводу. Оказывается, от Ежей до завода всего-навсего девять верст. Сил в заводе было совсем мало. Ладно еще командир бригады товарищ Васильев успел вовремя прислать помощь.

Омутнинский завод — село не село, город не город. Побольше деревни, поменьше Камышлова. Дома деревянные,

основательные, из толстых сосновых или еловых бревен. Почти все пятистенные, большинство одноэтажные. Мне понравился заводской пруд. Едва виден противоположный берег. Верст, наверное, восемь в ширину. Вот, где поплавать-то, поудить рыбу!

Завод работает, выпускает листовое железо. Не погасла доменная печь…

Сейчас поздно, в политотдел пойду завтра.

16 июня. Завод Омутнинский

Познакомился с политотделом и его заведующим товарищем Воронцовым. По первой встрече Воронцов показался мне важным и суровым. Держится сухо, формально. Говорил со мной от силы пять минут:

— Будешь работать секретарем. Ясно?

— Ясно…

Не поинтересовался товарищ Воронцов, хочу ли я работать на этой должности, какое у меня настроение. Даже не спросил о 10-м Московском.

Но я прямо сказал, что секретарство в политотделе — не по мне, что я люблю работать в полку.

— Ничего, ничего, — оборвал Воронцов, — посидишь в политотделе, потом пошлем в полк. Сегодня знакомься, что к чему, завтра приступай.

Встал со стула — чуть не вдвое выше меня, дает понять: беседа окончена.

Ничего не поделаешь, надо приниматься за секретарство.

Весь день провел с товарищем Матвеевым, которого я сменяю. Он растолковал, в чем суть моих теперешних обязанностей. Основное — составлять приказы по политотделу: кто прибыл, кто убыл, кто назначен, кто отчислен, кому благодарность, кому взыскание. Первый приказ за № 35 я составил с помощью товарища Матвеева.

Политотдел большой, народу в нем много. Каких только отделений нет: информационное, агитационно-организационное, экспедиция, редакция, библиотека. Всего с непривычки не упомнишь. Есть инструкторы-организаторы, инструкторы по школам, по клубам, по кино, по библиотечному делу.

Хозяйственной частью заведует Капитолина Александровна Симонова, пожилая женщина, по словам Матвеева, деловая, но скуповатая.

Товарищ Воронцов стоит во главе политотдела всего лишь месяца полтора. Он прибыл из 3-й армии. До него заведующим

был товарищ Кесарев. Тот самый, что в начале мая стал комиссаром 10-го Московского полка.

В политотделе, как мне показалось, недолюбливают товарища Воронцова. Рассказывают, что он, едва прибыв в бригаду, на другой же день отчислил из политотдела десять человек.

Каково-то мне будет с ним работать?

17 июня. Завод Омутнинский

Начал самостоятельно исполнять свои секретарские обязанности. Как говорится, не боги горшки обжигают.

Но больше всего меня интересуют дела фронтовые. Ловлю каждую весточку. А весточек сейчас — хоть отбавляй. Одна приятнее другой. 22-й полк отбил у беляков Ляминскую и еще несколько деревень. Да и 21-й полк не отстает. Он вернул многие деревни, которые недавно пришлось отдать врагу. Только за четыре дня продвинулся больше чем на полсотни верст. Вот это я понимаю! 29-я дивизия 13 июня освободила Глазов. Ходят слухи, что взята, станция Чепца.

Чтобы дело шло еще быстрее, командир бригады приказал сажать пехоту на подводы, не отставать от удирающего противника.

Весь Восточный фронт гонит разбитые армии Колчака. В наших руках Уфа, Бирск, Ижевск, Воткинск. Если так ладно пойдет дальше, глядишь, через месяц будем в Перми, а там рукой подать до Екатеринбурга и… Камышлова.

Как подумаю об этом, такое волнение охватывает, что и писать не могу. Неужели снова буду в родном городе! Сколько нас ушло оттуда на битву с врагом! Но немногие вернутся…

Вчера выдался свободный вечер. Я, не теряя времени, написал несколько небольших заметок в «Красный набат». В одной раскритиковал культпросветчиков за то, что они ставят спектакли кое-как, небрежно. Конечно, те на меня обидятся. Но ничего не поделаешь, нельзя давать спуска, когда товарищи вместо серьезной, полезной бойцам работы валяют дурака.

Вообще-то культурно-просветительные комиссии очень нужны. Эти комиссии избираются полковым коллективом РКП (б). Их дело организовывать библиотеки, устраивать лекции, беседы, спектакли, концерты, хоры и т. п. Короче говоря, они ведают просвещением и разумным отдыхом, повышают культурный уровень и пролетарское самосознание масс. Но часто работают слабовато, особенно во время боев.

Хочется, чтобы моя критика пошла им на пользу.

18 июня. На марше

Вечером 17-го двинулись из Омутнинского завода в сторону села Север или, как его иной раз называют, Северского. До него верст что-нибудь около ста.

Ревкомы по гужевой повинности мобилизуют подводы местных жителей. На них-то и передвигаемся. Подвод мало, и мы по большей части идем пешком. Багаж каждого ограничен — ни фунта сверх одного пуда.

Сейчас остановились на ночлег прямо в поле, неподалеку от села Корчагино, через которое я проходил с 10-м полком, когда он отправлялся на переформировку.

Вечер тихий, звездный. Пишу под открытым небом.

За последние дни немного познакомился с составом бригады, узнал, как и когда она создавалась. Бригада большая. В нее входят стрелковые полки: 21-й Мусульманский, 22-й горный Кизеловский, 23-й Верхне-Камский и 61-й Рыбинский. До недавнего времени входили также 10-й Московский и 1-й Северный кавалерийский. Но Московский ушел в Вятку, кавалерийский вовсе расформирован. У него после непрерывных боев осталось людей сотни две, а лошадей и того меньше.

Есть отдельные батальоны и тыловые части.

Командует бригадой наш, камышловский, товарищ Васильев. Я не раз слышал его фамилию, но не думал, что это Макар Васильевич. Мало ли на свете Васильевых. Только вчера мельком увидел и обрадовался. Он все такой же: спокоен, нетороплив, рассудителен. И даже шляпа на нем все та же. Мало изменился с той поры, когда командовал нашей 29-й дивизией. Только, видно, очень утомлен, мало спит. Глаза красные, под глазами мешки.

17 числа мне пришлось разговаривать с военкомом бригады товарищем Миковым. Он расспрашивал об отступлении 10-го Московского полка из Залазнинского завода. Тогда нас у поселка Зотовского остановил 23-й полк. Кое-кто из паникеров был арестован и сейчас находится под следствием.

Мне показалось, что товарищ Миков живо интересуется степенью виновности этих людей. Для того и завел со мной разговор об отступлении из Залазнинского.

По всему видно, Миков — человек строгий. Ему под тридцать. Роста небольшого, с меня. Энергичный, быстрый. Слушает внимательно, но торопит, проявляет нетерпение. Сам говорит твердо, громко.

Сейчас в боях все полки бригады, кроме 22-го, который составляет бригадный резерв.

За последнее время особенно отличился 61-й Рыбинский. Он за месяц продвинулся верст на сто, форсировал Каму и сейчас воюет вдалеке от нас. О храбрости его бойцов, о командире товарище Максимюке и комиссаре товарище Попкове рассказывают чудеса. Этот полк не так давно прибыл в бригаду из-под Буя полнокровным, хорошо подготовленным.

От политотдельцев услышал я, что когда наша бригада в феврале и марте с боями отходила от Усолья и с Камы к Залазнинскому заводу, на левом ее фланге действовала кавалерийская бригада, которой командовал наш славный «красный орел» Филипп Егорович Акулов. Части этой же кавбригады помогли и 10-му Московскому, когда беляки выбили его из Ежей.

Намеревался записать еще кое-что, но совсем стемнело и захотелось спать. На сегодня кончаю.

Звезд не видно. Сплошные облака. Только бы ночью дождя не было. Спим под открытым небом.

20 июня. На марше

До Северского осталось верст тридцать. Но расстояние до полков не сокращается. Они не стоят на месте, гонят белых гадов, отвоевывают все новые и новые села.

Белые, наверное, теперь мечтают о том, чтобы оторваться от нашей бригады и 29-й дивизии, отвести свои войска за Каму, занять оборону по ее левому берегу, около Перми.

Красные части бьют беляков и в хвост и в гриву. Все с большой похвалой отзываются о 21-м Мусульманском полке. Им командует знающий командир товарищ Серебренников, а военкомом бессменно товарищ Ковзель. Русские и татары сражаются вместе, как братья, против общего ненавистного врага всех народов и наций — белогвардейской сволочи.

Из частей бригады приходят донесения и сводки. Радостно читать о победах, о боевом духе красноармейцев и командиров. Сейчас даже странно вспомнить, что зимой и ранней весной в частях бригады были такие скверные случаи, как переход на сторону белых, неподчинение и дезертирство.

В политотделе прямо говорят: перед отправкой 10-го полка на фронт людей как следует не проверили, не подготовили. Потому-то он и ослаб после первых же неудач. Хорошо еще, что туда с самого начала было направлено много инструкторов и

агитаторов из политотделов армии и бригады.

Крепко помогал политотдел бригады и 1-му Северному кавалерийскому полку. Во главе его стояли хорошие боевики — командир товарищ Транзе, комиссар товарищ Чинин. Но полк потерял столько людей и лошадей, что с трудом, да и то не всегда, выполнял свои задачи. Дело доходило до братания красноармейцев с противником!

А какие трудности были с обозами. Дорог в лесах мало, дороги плохие. Лошадей нет, фуража нет. Беда — да и только. Даже с ковкой конского состава не удавалось наладить дело. Десятки верст красноармейцы на собственных плечах несли пулеметы и боеприпасы, тащили орудия. Спасибо крестьянам удмуртам, которые пособили нам своими подводами. Но им, конечно, не под силу было перевезти все наши грузы.

А боевые потери? А болезни, особенно чесотка? А нехватка обуви, шинелей?..

Помню, как в 10-м полку во время боя нам приходилось собирать и сдавать на перезарядку стреляные гильзы. Еще острее ощущалась нехватка снарядов, а потому и помощь от артиллерии была, как правило, невелика.

Сейчас положение совсем другое. Мы наступаем. Бригада вылезла из сплошных лесов, двигается по просохшим дорогам. Места вокруг привольные. Беляки при отступлении оставляют нам богатые трофеи, в том числе патроны и снаряды. Скоро подойдем к железной дороге, и тогда положение будет еще лучше.

Но как бы хорошо ни было, не забываются горькие весенние дни, неудачи, потери. Нелегко дались нам нынешние победы. Об этом всегда будем помнить…

Только что от едущих навстречу кавалеристов узнали: 21-й полк сегодня днем занял село Вознесенское и станцию Верещагино. С этой станции почти пять месяцев назад я уехал на военно-агитаторские курсы.

Заодно с 21-м полком действует хорошо мне знакомый Путиловский Стальной кавалерийский полк. Командует им теперь Филипп Егорович Акулов!

Вчера получил удостоверение личности. В нем проставлена должность — секретарь политотдела. Подписали удостоверение товарищ Воронцов и я сам.

22 июня. Село Северское

Вперед и вперед наступают части нашей бригады и 29-й

дивизии. Разведка продвинулась вдоль железной дороги до станции Чайковской. Еще дальше зашли части Северного экспедиционного отряда, которые действуют на левом фланге нашей армии.

За неделю заняли то, что сдавали в течение шести месяцев. Все ближе и ближе к родным местам!

До Северского оставалось верст двенадцать, но уже получено было приказание: не задерживаясь в Северском, двигаться в село Сепыч, еще верст семьдесят. Вот это здорово! Я согласен, несмотря ни на какую усталость, идти вперед. Тем более, что сейчас победы поднимают дух красноармейцев и без особой агитации.

Погода жаркая. Идем пешком. Иной раз еле передвигаешь ноги. Ночуем в поле, у костров.

Вечерами роса покрывает луга, солнце золотит край неба. Дремлет вдалеке густой лес. Тишина. Только усталые кони, позванивая колокольчиками, жадно тянутся к сочной траве. Звон колокольчиков напоминает о чем-то родном и милом, дорогом с детских лет. Словно песня наших девушек…

Как вспомнишь о доме, о семье, о деревне — тоска на сердце.

25 июня. Вблизи села Сепыч

… Ночуем около села Сепыч. В нем, кроме политотдела, будут расположены штаб бригады, санитарная часть и пункт особого отдела.

Силы нашей бригады растут. Сегодня в ее подчинение передали автоброневой отряд: две бронемашины, два мотоцикла и два грузовых автомобиля. Теперь белым от нас не удрать!

На левом фланге бригады беляки устроили сильную оборону, вырыли два ряда окопов, поставили два ряда колючей проволоки. Они хотят отвести свои главные силы за Каму.

Совсем случайно узнал, что правее Особой бригады наступает Камышловский полк 29-й дивизии. Он теперь носит номер 257. Этот полк — родной брат полка «Красных орлов». Оба они словно близнецы. Формировались в одно время, в одном месте. Невольно встает перед глазами славный товарищ, боевой командир Камышловского полка Бронислав Иванович Швельнис. Не проходит рана на сердце от преждевременной смерти его.

26 июня. Село Сепыч

Говорят, недолго нам стоять в Сепыче, дня через три пойдем дальше.

За последнее время у нас на фронте не все ладно. На стыке бригады и Северного экспедиционного отряда белые перешли в наступление, по слухам, немалыми силами. Они отбросили 61-й Рыбинский полк, окружили 1-й стрелковый полк Северного отряда и 23-й Верхне-Камский полк.

Комбриг товарищ Васильев двинул на выручку из своего резерва 22-й Кизеловский полк.

Мы надеемся, что 23-й устоит — им командует боевой командир товарищ Пичугов. А тем временем подойдут 22-й и 61-й полки.

21-й Мусульманский полк продолжает наступление, приближается к Ново-Паинскому. У этого села в прошлом году погибло много-«красных орлов».

Прибыв в Сепыч, политотдел сразу же развернул работу. Надо скорее отправить в полки газеты и листовки. Это не так-то просто. Части быстро движутся вперед, догонять их нашим курьерам приходится на подводах.

Агитаторы политотдела идут все время с теми полками, с которыми начали наступать.

Особенно трудно держать связь с 61-м и 23-м полками. Они действуют далеко от бригады. О комиссарах этих полков товарищах Попкове и Рычкове политотдельцы говорят, как о людях самостоятельных, умелых, бесстрашных.

В политотделе у нас много учителей. Но при таком быстром продвижении им почти не приходится работать. Школьные занятия бывают лишь изредка в запасном батальоне, полевом госпитале, мастерских.

И нашим артистам — их при политотделе восемь человек — сейчас удается выступать от случая к случаю. Полки в боях, на марше, на колесах.

Зато много работы по восстановлению Советской власти в местах, которые освобождены от белой нечисти. Большая нужда в агитаторах и организаторах. Политотдел выпускает воззвания и печатные листовки для населения. В них разъясняется суть нашей Советской власти.

Крестьянство освобожденных волостей относится к нам хорошо. Это видно прежде всего по тому, как нас кормят. Яйца, масло, сметана, молоко — ешь не хочу. А ведь последние четыре месяца мы сидели на крохотных порциях овсяного хлеба, не всегда получали мясо.

Вчера вошли в родную Пермскую губернию. Куда ни глянешь — бескрайние поля, луга, покосы. Все это особенно дорого

сердцу. И народ здесь словно более близок, понятен.

За последние два дня наши войска снова продвинулись далеко вперед.

27 июня. Село Сепыч

Сегодня читал белогвардейские газеты. Ну и ну! Чего только в них нет, начиная от самой жалкой лжи и кончая самой гнусной похабщиной. Вот, например, статейка «В стране комиссаров». Военный комиссар будто бы указал начальнице сарапульской гимназии, что гимназистки старше 2-го класса не имеют права отказываться гулять с красноармейцами. Еще какой-то вымышленный комиссар якобы послал требование «отпустить» женщин для красноармейцев.

В ответ на эту подлую ложь я написал в «Красный набат» заметку «Посмотрели бы на себя». Вот что в ней говорится:

> «ПОСМОТРЕЛИ БЫ НА СЕБЯ
>
> Чтобы убедительнее доказать нам, красноармейцам, свою силу, белые пишут:
>
> „Прошел год большевистской власти, и вы видите, какую груду развалин представляет Россия. Как зарницы, вспыхивают по всей Советской России народные бунты. Скоро наступит время, когда замрет жизнь по всей Советской России“.
>
> Прислужники Колчака говорят, что мы, красные солдаты, несем стране порабощение. Но мы заявляем: возврата к старому быть не может.
>
> Хозяином земли русской, по мнению белых, должно быть только Учредительное собрание. „Каждый день несет победу нам, — утверждают они, — и поражение вам — красным“.
>
> Белые пишут, что у нас пали Оса, Оханск, Сарапул, Бугульма, Уфа, Белебей, Стерлитамак. Накануне падения Глазов и Оренбург.
>
> И в результате приглашение: „Переходите к нам“.
>
> Для обмана темного, малосознательного люда сочинены эти лживые строки. Ибо кто не знает, что уже давно Сибирь охвачена пламенем народного восстания против власти помещиков и генералов.
>
> Пока белогвардейцы пишут о падении Оренбурга и Глазова, у них в тылу того и жди герои-повстанцы возьмут Красноярск.

Пока поют они старую песню про „учредилку“, в их тылу создаются Советы бедноты да Советы рабочих.

Белые обманщики перечисляют взятые у нас города. А на самом деле могучая рука красного солдата вырвала эти города обратно и погнала белые банды в, глубь Урала, оттуда в Сибирь, где их постараются достойно встретить восставшие рабочие и крестьяне».

28 июня. Село Сепыч

Все хорошо. Бригада продолжает наступление. Из белогвардейских атак ничего не получается. Нашими занята станция Шабуничи, которая мне запомнилась по бою в ночь под Новый год.

С первых дней наступления мы почувствовали большую нужду в политработниках для деревни.

Доблестные красные войска очистили от белогвардейской мрази уезды Вятской и Пермской губерний. Тысячи крестьян разорены, они потеряли все, начиная от лошади и кончая дырявым зипунишком. Беляки ничем не брезговали.

Поротые, вконец обнищавшие крестьяне проклинают белогвардейщину. Жизнь сурово проучила тех, кто надеялся на «братскую защиту» генералов наподобие Пепеляева.

Как никогда, крестьянство, стремится к Советской власти. Мы должны помочь ему в новом устройстве и вместе с тем развеять ложь и клевету, которые распространяли белогвардейцы, пользуясь темнотой и невежеством мужиков.

Вот об этом я и написал сегодня статью в «Красный набат».

29 июня. Деревня Мухина

Крестьяне рассказывают, что белые взорвали пролет железнодорожного моста через Каму у Перми. Подлецы! Что им до народного добра? Лишь бы спасти свою поганую шкуру и задержать красные войска.

Полкам нашей бригады приказано завтра в полдень выйти к Каме и форсировать ее. Мы идем по деревням, населенным кержаками, то есть старообрядцами. Деревни не похожи на те, что мы видели в волостях Глазовского уезда. Там в маленьких селах, тесных избах жили удмурты. У кержаков села обычно большие, избы светлые, просторные, почти у всех пятистенные. У купцов и торговцев дома каменные, под железом. Среди крестьян много

зажиточных, крепких.

Занимаются кержаки хлебопашеством, сеют прежде всего рожь. Красную Армию встречают хорошо, угощают щедро. Ешь, что только душа пожелает: молоко, мясо, яйца, птицу. Потчуют брагой. Нехмельная брага заменяет тут и чай и квас. Брагу можно сделать и хмельной, но кержаки строгие трезвенники. Даже табак не курят.

Носят длинные волосы «в кружок» и широкие бороды лопатой. Обычаи свои и законы блюдут строго. Особенно женщины. Ни за что не позволяют нам пить из их посуды или курить в доме. Набожны сверх всякой меры.

Все это я уже видел в 1918 году под Шадринском. Там тоже много староверов.

30 июня. Деревня Мухина

Что ни день — сотни пленных. Идут и идут через деревню.

Только что беседовал с несколькими из них. Почти все перебежчики. Главным образом пермские.

По словам пленных, сибиряки ждут, пока дойдут до родных мест. Даже не скрывают этого: «Мы до дому и — будет». Офицеры разоружают солдат из местных и под конвоем отправляют в Пермь. Развал у беляков полный.

«Красные орлы», еще когда стояли под Глазовом, на выкрики белых: «Смазывай пятки и беги до Вятки», правильно отвечали: «Жрите пельмени и катитесь до Тюмени».

Сумеет ли Колчак набрать еще резервы? Не буду предсказывать. Но так ли, иначе ли, а решительный разгром колчаковских войск налицо.

Неужели удастся к осени прийти домой? Какое это было бы счастье!

5 июля. Станция Левшино

Каждый час — добрая новость. Наши полки переправились через Каму, взяли заводы Полазнинский, Добрянский и, пройдя левее Перми, ведут бои у станции Сылва и села Верхне-Чусовские городки.

29-я дивизия — слава ей! — в течение 30 июня и 1 июля овладела Пермью.

Мы переехали на станцию Левшино, которая стоит при слиянии Камы с Чусовой. До чего же грустная картина

открывается отсюда! Вдоль берегов верст на десять черные остовы сожженных барж и пароходов. Сколько нужно злобы, жестокости, чтобы так вот предать огню созданное руками человека!

Когда мы оставили Пермь, то пощадили Камский мост. А для беляков ничто не дорого. Взорвали мерзавцы мост.

Доходят вести и пострашнее. Говорят, что белые сожгли в баржах тысячи борцов за коммунизм, пленных красноармейцев.

Я согласен, что за одно это зверское преступление следует объявить красный террор. Как в дни мести за наших вождей.

Проклятие и смерть извергам-палачам! Пролетариат ничего не забудет. Не забудет он и Левшино.

Станция завалена обломками железа и чугуна, кусками балок и досок. Это все, что осталось от вагонов и паровозов. Сожжены склады. Десятки тысяч пудов муки сгорели дотла. Площадь засыпана полусожженной пшеницей, овсом, крупой. То, что гады не смогли увезти, уничтожили.

Взорван склад оружия. Кругом валяются изломанные, обожженные «максимы», «кольты», «льюисы», бомбометы, винтовки.

6 июля. Станция Левшино

Работы хватает. Особенно много приходится заниматься агитаторами и инструкторами-организаторами. Агитаторы — главная сила политотдела и в боях, и в перерывах между ними. Когда идет сражение, место агитатора в цепи. Он сам впереди и смотрит за тем, чтобы никто не уклонялся от боя, не трусил.

Быть среди бойцов, служить для них примером — вот долг агитатора. Поэтому военкомы не могут назначать агитаторов ни на какие другие должности. И сами агитаторы ни под каким предлогом не имеют права оставлять свою часть. Даже в политотдел бригады агитатор является только с разрешения военкома или по вызову заведующего политотделом. За нарушение этого приказа — арест и военный суд.

А я, находясь в 10-м полку, грешным делом, и не ведал о таких строгостях.

Роясь в бумагах, понял, что обо мне в политотделе долгое время вообще не знали. Приказ о моем зачислении в списки агитаторов отдан лишь 2 мая, а на денежное довольствие я взят только 2 июня.

Нет худа без добра. Поэтому-то я и мог бессменно два с половиной месяца проработать в 10-м Московском, в пулеметной команде.

Однако теперь я постараюсь, чтобы все документы на агитаторов оформлялись своевременно и не было бы никакой путаницы.

Раньше политотдел имел при частях своих политпредставителей. Теперь политпредставитель тоже называется агитатором и обязанности у него те же. По-моему, это совершенно правильно.

За последнее время из политотдела 3-й армии прибыли новые агитаторы. Среди них товарищи разных национальностей, в том числе два татарина — Лябиб Вайсов и Абдулла Хакимов.

С некоторыми из прибывших у меня сразу же установились добрые отношения. Особенно с Яковом Горбуновым. Родом Яков из Челябинска. Добровольцем пошел в армию. Уже два года в партии. Прежде был почтальоном. Образование небольшое, но ум живой, характер общительный. Держится просто, весело. Красноармейцы любят таких.

Иной раз встречаю знакомых агитаторов, которые приезжали в 10-й Московский полк. Вчера разговорился с Николаем Лукичем Бушуевым. Сегодня вернулся агитатор Русаков, который получил ранение 18 мая у Почашево и находился в госпитале. Теперь товарищ Русаков назначен в запасный батальон. Мы с ним будем видеться.

Не известна судьба агитатора Дементия Разумовского. Он попал в плен. Наверное, убит. Для нашего брата, агитатора, в подобных случаях другого конца не может быть.

В бою под Ляминской погиб агитатор Дмитрий Снопков. О нем политотдельцы вспоминают, как об очень славном товарище.

Что и говорить, нелегка и опасна работа агитатора. Но она полезна, благородна.

7 июля. Станция Левшино

Сколько бумаг идет из полков! Читаешь, читаешь, а конца не видно. Но то вина не полков. Политотдел требует суточные сведения, пятидневные донесения, еженедельные анкеты с 41 вопросом. Только успевай строчить, А кроме того, доклады, объяснения, сводки…

Меня самого, когда я был в 10-м полку, чуть не захлестнула бумажная волна. Каково же военкомам!

Некоторые терпеливо заполняют все графы, а иные не выдерживают. На вопрос о грамотности личного состава комиссар товарищ Постаногов обстоятельно отвечает: «Грамотных — 50 %, неграмотных — 25 %, малограмотных — 25 %». А военком Исупов

с раздражением пишет: «Не считал».

Дальше идет вопрос: «Кого обслуживают хор и оркестр?» Постаногов написал: «Полк», Исупов: «Глупый вопрос». Пожалуй, Исупов прав.

В анкетах тьма надуманных, никому не нужных пунктов об артистах, кружках, спектаклях, хоре, составе книг в библиотеке и т. д. и т. п.

Беда в том, что, если комиссар докладывает о трудностях, нужде, быстрых мер политотдел не принимает. Кому же нужна вся эта писанина?

Военком 22-го полка в начале июня докладывал: «Сидим голодные, обмундирования нет, снаряжения нет, обоза нет, плохая санитарная часть». Я нарочно поинтересовался, помог ли политотдел полку? Очень мало.

Часты жалобы на нехватку газет и книг, на задержки с доставкой. Особенно ждут бойцы газету «Красный набат».

Конечно, нелегко привезти почту в срок на передовую. Особенно во время наступления. Но случается, курьеры политотдела недобросовестно относятся к обязанностям. Недавно двух курьеров пришлось даже отдать под суд за умышленное отставание от частей.

Сейчас в бригаде заканчивается перерегистрация коммунистов, идет подготовка к партийной конференции.

В некоторых полках большие партколлективы, много ячеек. Не сравнить с 10-м Московским. В 22-м полку, например, почти полтысячи коммунистов, 9-я рота — вся партийная. Я даже выписал: 139 членов партии и 7 сочувствующих.

Всюду, как и в 10-м Московском, имеются полковые и ротные товарищеские суды, которые разбирают дела красноармейцев, нарушивших дисциплину и революционный порядок.

Роясь в бумагах, я понял, что в первые месяцы существования бригады наряду с политотделом работал и выборный бригадный Комитет РКП (б). Теперь-то мне ясно, кем был в 29-й дивизии товарищ Басаргин. Он, старый коммунист, из полка «Красных орлов» ушел в дивизию. Но часто навещал нас и другие полки. В первую годовщину Октябрьской революции приезжал к нам на передовые позиции в деревню Лаю и раздавал бойцам подарки от трудящихся Республики.

Я никак не мог взять в толк, какую должность занимает товарищ Басаргин. Сейчас понятно: он состоял тогда членом дивизионного Комитета РКП (б).

Наводил справки насчет красноармейских коммун. Оказывается, не только в 10-м полку с ними ничего не вышло. Нигде это не получилось.

10 июля. Станция Левшино

Продолжается наступление. Полки движутся вдоль Горнозаводской железной дороги, от Перми через Сылву и дальше к Кушве.

Выходит, мы пойдем по тому же пути, по которому зимой восемнадцатого года с тяжелыми боями отходили «красные орлы». Снова я увижу знакомые места. Но теперь пришел наш час, мы наступаем. У нас ныне говорят: «Белые мажут пятки и бегут без оглядки».

Сегодня занята Комарихинская. Совсем рядом с ней не менее памятная для «красных орлов» станция Селянка.

Политотделу работать все труднее. Полки растянулись от Комарихинской до Добрянского завода. Отстают тыловые части. Их очень много: два ружейно-пулеметных парка, отдел снабжения, казначейство, санитарная часть с полевым госпиталем, перевязочным отрядом, военно-санитарным транспортом, аптечным магазином и т. п. Если все перечислять, страницы не хватит. Худо то, что тылам недостает транспорта,

Есть важная новость: скоро наша бригада будет иметь свой артиллерийский дивизион. Это очень кстати. Мы ведь наступаем с одной-единственной легкой батареей.

То ли дело 29-я дивизия. Там каждый полк еще летом 1918 года имел свою батарею.

Как не вспомнить боевых батарейцев полка «Красных орлов», их лихого командира товарища Лашкевича! Многим мы обязаны были батарейцам и от души любили их.

И почему так получается, о чем ни пиши, на ум идут «Красные орлы»?

12 июля. Станция Левшино

Как всегда, прежде всего о фронтовых делах. Они идут замечательно. Наши полки на подходе к Кусье-Александровскому и Архангело-Пашинскому заводам.

Поговаривают, что белые эвакуируют свои запасы, тылы и даже войска с Екатеринбургского фронта в сторону Тюмени. Вот уж и впрямь: «Лопайте пельмени и катитесь до Тюмени».

Штаб бригады через сутки двинется в Чусовской завод.

С переездом политотдела сейчас стало проще. До последнего времени строгости были невероятные. Начальник штаба бригады товарищ Мацук по секрету сообщал о намеченном пункте и времени выезда заведующему политотделом, тот — по секрету

мне, я в письменном виде, секретно, под расписку — каждому заведующему отделением. А сейчас время дорого и не до секретов, без которых можно обойтись.

У меня светло и радостно на душе: Красная Армия наступает, колчаковское войско трещит по швам.

14 июля. На марше

Стучат колеса, трясется вагон. Мы едем по железной дороге в Чусовую. В эшелоне, кроме политотдела, штаб, батальон связи, санчасть.

Смотрю в окно. Знакомые места. Здесь мы воевали в прошлом году. Выбегаю на каждой остановке: Валежная, Комарихинская, разъезд у Кутамышского починка, Селянка, разъезд у Новиковки, Калино…

Сколько крови тут пролито, сколько людей погибло! Но не зря ведь. Сегодня мы мчимся вперед, полки крушат колчаковскую мразь. Заря пролетарской победы встает над землей. Нет, ни одна капля крови не пролита напрасно! Товарищи спрашивают:

— Чего переживаешь? Почему на каждой станции выпрыгиваешь?

В ответ я рассказываю о «Красных орлах». Вчера перенервничал, как никогда. Никак не мог найти свою заветную тетрадь. Туда, сюда — нигде нет. Меня бросало в холод и жар. Неужто думы, записанные под гром орудий и треск пулеметов, потеряны навсегда? Неужто дневник попал в чьи-нибудь чужие руки?

Крепко я был наказан за свою небрежность: тетрадь спокойно лежала в чемодане одного из политотдельцев, куда она попала совершенно случайно…

Не могу не записать очень важные новости. Я узнал их лишь вчера. Мой отец, о котором я столько времени ничего не слыхал, жив. Сидит в Екатеринбургской тюрьме. Жив и дядя Сережа, схваченный в тот же июльский день восемнадцатого года отрядом белых бандитов.

Многие из арестованных вырвались на свободу. Но другие по-прежнему в тюрьмах. В том числе Фрол Васильевич Калистратов и Сергей Викулович Пшеницын.

Все это рассказал один из пленных, мой земляк. Пленных было более шестисот человек. Но я упорно искал кого-нибудь из Зырянской волости. И нашел.

От этого же пленного узнал, что моя мама здорова. Народ ее не дает в обиду.

Какое счастье после стольких тревог узнать, что родители живы! Последнее время меня особенно беспокоила судьба матери. Я боялся, не глумятся ли белогвардейцы над нашей семьей.

Когда пленный сказал: «Твоя мамаша жива», я почувствовал, как бешено застучало сердце и мне захотелось побыть одному. Как дороги мне отец и мама! Исподволь мечтал я все эти месяцы о встрече с ними. Отныне уверовал: такая встреча, состоится!

15 июля. Завод Чусовской

Не могу забыть вчерашнюю ночь.

Поезд шел вдоль реки, которая сверкала серебром, переливалась в свете луны. Тихо-тихо притаились ракиты и кусты. Небо на западе еще хранило отблеск закатившегося солнца.

Поезд мчал, рассекая могучей грудью тишину. И сердце рвалось вдаль. Куда? К хорошему и светлому, которое, я верю, ждет впереди.

На душе было немного грустно. Я бы сказал, печальная радость владела мной. Наверное, слишком много трудного изведал я, чтобы отдаться целиком радостному чувству…

Сегодня прибыли в Чусовской завод. Весь день в напряженной работе. Только сейчас, поздно вечером, усталый добрался до квартиры.

Сделал эту короткую запись и ложусь спать.

16 июля. Завод Чусовской

Вот и я дожил до своего девятнадцатилетия. Пошел двадцатый год.

Мне раньше думалось, что после девятнадцати кончается молодость и юность. Кажется мне это и теперь. Поэтому сегодняшний день рождения мне не особенно нравится, и я никому не сказал о нем, не хотелось праздновать.

Но одно я твердо знаю: жизнь моя приобрела настоящий смысл с той поры, как записался в РКП(б), а потом пошел в Красную Армию.

Вчера было партийное собрание политотдела. Меня избрали в президиум партячейки.

Пришел приказ Главкома. Из нашей Особой бригады, двух полков Северного экспедиционного отряда, 10-го Московского полка будет формироваться 51-я стрелковая дивизия. Возглавит

ее товарищ Блюхер.

18 июля. Завод Чусовской

С великой радостью, от всего сердца пишу: «Гром победы, раздавайся!». 14 июля наши войска взяли Екатеринбург.

Помню, как еще в восемнадцатом году под Егоршино, Алапаевском и Кушвой мы мечтали об освобождении Екатеринбурга. Сбылись наши мечты.

От белой сволочи очищена линия Пермь — Нижний Тагил. Взят Златоуст.

Издалека до нас доходят тоже добрые вести. На Петроградском фронте все хорошо. Поправляется положение на Южном.

Ярче разгорается огонь революционной борьбы в западных странах.

Плохи ваши дела, господа капиталисты.

Да, Екатеринбург взят. Но жив ли отец? Мало ли какую подлость могли совершить белогвардейцы перед своим уходом. Одна надежда: беляков гнали так быстро, что им было не до арестованных…

Вчера у меня выдалось несколько свободных часов. Гулял по берегу Чусовой. До чего же красива река. Широкая, быстрая, бурлит и пенится на порогах. А как хороши обрывистые берега!

Гулял я, говоря по совести, не один. Со мной пошла Шура В. - школьный инструктор политотдела. Она давно здесь работает, прежде была студенткой Пермского университета.

Я знаю, что Шура крепко дружит с товарищем К. Но, замечаю, что последнее время стала и мне оказывать внимание, сама намекнула на встречу.

Я позвал ее с собой на Чусовую. Она охотно согласилась. Однако наш разговор никак не клеился. Шура старше меня, образованнее. Мне не удается держаться с ней просто. Она смеется и перебивает меня:

— Зачем это ты все время о высоких материях рассуждаешь?

Неожиданно для самого себя я обнял и поцеловал ее. Шура тоже обхватила мою шею, прижалась ко мне…

Неприятный осадок остался у меня после этого. Ведь дружбы и любви между нами нет и не будет. Тем более, что она собирается вернуться в университет и со дня на день уедет в Пермь.

Тогда зачем все это? Ведь мы же из людей, которые борются за новый мир и новые отношения…

20 июля. Завод Чусовской

В донесениях и сводках мелькают места, с которыми связаны многие воспоминания: Теплая Гора, станции Европейская и Азиатская, Верхне — и Нижне-Баранчинский заводы, станции Гороблагодатская и Сан-Донато.

Белые бегут. Кушва, Нижняя Ланя и Нижний Тагил в наших руках.

Политотдел на днях переедет в Кушву.

Части и тылы бригады растянулись вдоль Горнозаводской линии.

В Чусовой восстанавливается разрушенный белыми железнодорожный мост. Работают местные жители под руководством инструкторов из инженерного батальона. Мост надо как можно скорее привести в порядок. К востоку от Чусовой не хватает вагонов. Это затрудняет снабжение полков и вывоз раненых.

Население, намучившееся под владычеством белых, трудится не за страх, а за совесть. Все хотят, чтобы Красная Армия скорее добила врага.

Штаб предупредил: скоро боевые действия придется вести в районах, на которые имеются только малопригодные карты — 50 верст в дюйме.

Я теперь каждый день отмечаю по карте политотдела наступление наших славных полков. На листе десятки красных флажков.

Видел Шуру. Ни о чем с ней не говорил, и ей вроде было не по себе. Мы стараемся не оставаться друг с другом наедине.

Нет, не то получилось…

21 июля. Завод Чусовской

Политотдел развернул большую работу среди жителей завода и окрестных сел. Помогает ревкому и уездному комитету партии. Политотдельцы выступают на митингах и собраниях.

Со всех сторон одна просьба: дайте побольше литературы. Делимся своими запасами.

Для библиотеки парткомитета железнодорожников собрали около тысячи книг, брошюр и журналов. Нашлись труды Карла Маркса, Фридриха Энгельса, товарища Ленина. Есть Либкнехт, Ярославский, Лафарг, Мархлевский и другие авторы. Подобрали литературу о Красной Армии, а также антирелигиозного содержания. Дали и художественные произведения: Горького,

Лермонтова, Успенского.

Я с удовольствием копался в книгах, помогал составить библиотеку. Когда заметил томик Горького, еще раз перечитал «Старуху Изергиль».

25 июля. Завод Кушва

Совершил на лошади шестидесятиверстное путешествие.

С радостью въехал в Кушву, около которой мы когда-то два месяца отбивали атаки врага. И сразу же натолкнулся на разрушенный белыми памятник героям революции и красным бойцам.

Даже могилы осквернены и уничтожены проклятыми недругами!

От радости моей не осталось и следа. Только ненависть и презрение к святотатцам.

Все равно память о героях Красной революции будет жить века.

Думал найти знакомых, но они эвакуировались. Куда? Очевидно, куда глаза глядит. Лишь бы подальше от большевиков. Эх вы, обыватели несчастные! Жизнь, видно, была для вас плохим уроком, ничему вы не научились.

Не от страха перед нами, а от страха перед правдой, как ошалелые, бежали эти трусливые люди — крупные служащие, торговцы, некоторые врачи. Мы ведь с мирными людьми не воюем. Мы поднимаем оружие на тех, кто с оружием идет против нас.

Были, конечно, и прямые мошенники, кровопийцы, которые боялись рабочего суда. Попутный вам ветер, господа.

Мой одноклассник Костя П — цов мобилизован белыми. Пусть гнет шею перед офицерами, пусть натрет мозоли на белых ручках, ненавистник власти трудящихся. А если и пропадет, я не стану жалеть эту набитую мещанской мякиной голову.

Но черт с ним, с П — цовым.

Громя врагов, мы стараемся в то же время указать дорогу заблудшим, помочь им правильно понять великие революционные события, которые сотрясают земной шар.

Сегодня перечитывал некоторые страницы своего дневника и на титульном листе написал: «Коммунист! Помни, что ты живешь для народа, а не народ для тебя!»

Пусть эти слова станут моим девизом на всю жизнь.

26 июля. Завод Кушва

В политотделе все время происходит перестановка людей. Одни прибывают, другие убывают. Иные работают совсем недолго: по две — три недели, по месяцу.

Уехала Шура. Неловким было наше прощание…

Товарищ Воронцов уже не заведует политотделом. Уезжает в город Ирбит. На его месте товарищ Черноусов.

Черноусову от силы 24 года. В полном соответствии со своей фамилией носит черные усики. Щеголеват. Любит ввернуть иностранное словечко, выразиться покрасивее. Очень самолюбив. Подчиненных «не замечает». В разговоре слышит только себя.

Мне новый заведующий нравится еще меньше старого. У Воронцова хоть не было ничего показного, да и не хвастал он никогда.

Не везет нашему политотделу на заведующих.

28 июля. Завод Кушва

Над Ирбитом и Камышловом горят алые знамена революции!

За месяц и десять дней от врага очищена территория, которую белогвардейщина занимала целый год.

У меня огромное желание попасть в Камышлов, побывать хотя бы один день дома, в Борисовой.

Скоро переберемся в Ирбит, а там уж Камышлов совсем рядом.

Части идут так быстро, что полевая почтовая контора не успевает доставлять письма бойцам. Много жалоб и, надо признать, справедливых. Штаб и политотдел бригады стараются наладить непрерывную доставку писем через посты летучей почты.

Мне все больше нравится заведующий культпросветотделением товарищ Басманов. Прежде он работал инструктором того же отделения, занимался школьным обучением.

Басманов — общительный, грамотный, тактичный и трудолюбивый человек. Полная противоположность нашему нескромному и самодовольному заведующему политотделом.

29 июля. Завод Кушва

Начальником 51-й дивизии, как я уже писал, назначен товарищ Блюхер. Наш комбриг товарищ Васильев будет вместо Блюхера комендантом Пермского укрепленного района.

1 августа. Город Ирбит

Походным порядком политотдел прибыл из Кушвы в Ирбит.

Я здесь впервые. Город больше, богаче и многолюднее Камышлова. И дома получше, хотя тоже в большинстве одноэтажные. Длинные торговые ряды занимают всю площадь. На ней каждый год устраивалась знаменитая ирбитская ярмарка. Приезжали купцы со всей России и из-за границы, даже из Китая, Монголии, Персии. Представляю себе, что здесь творилось.

Теперь торговые ряды пустуют. Все, что поддавалось огню, контрреволюционеры сожгли в 1918 году, когда взбунтовались против Советской власти и учинили погром.

В этом городе и уезде свирепствовал прославившийся своим изуверством офицер-каратель капитан Казагранди. Теперь он, как слышно, у Колчака командует дивизией.

С выходом бригады в богатый и густо заселенный Ирбитский уезд особенно почувствовалась нужда в агитаторах и инструкторах для города и села. У нас и прежде не хватало таких работников, а теперь — совсем плохо.

Меня эта работа очень манит. Куда больше, чем секретарство.

Я обратился к товарищу Черноусову, и он сразу же удовлетворил мою просьбу. Должность я сдал товарищу Павленину, который прежде ведал общим делопроизводством, а место Павленина занял Чазов. Оба они добросовестные и старательные работники.

Рад, что кончил с секретарской деятельностью. Видно, бумага — не моя стихия.

Группа политотдельцев, в том числе и я, готовится к выезду. Нам предстоит восстанавливать органы Советской власти, помогать волостным революционным комитетам, вести политработу с населением.

Николай Бушуев командируется в юго-восточные волости Ирбитского и Камышловского уездов. Моисей Сологуб едет в район Кушвинского завода, Василий Герасимов — в восточную часть Ирбитского уезда и в западную — Тюменского. Товарищ Воронцов, наш бывший заведующий, назначен председателем Ирбитского уездного революционного комитета.

Ну, а я?.. Я еду в Камышловский уезд! Побываю в Камышлове, в Зырянской волости и у себя дома, в родной Борисовой.

С путевкой политотдела — в деревню

Гоню и гоню. Мелькают деревни, села. Останавливаюсь лишь для того, чтобы сменить на ямской станции лошадей. И дальше! Еще вчера, 1 августа, был в Ирбите, а сейчас уже Камышлов позади. Впереди Борисова.

Пока запрягут лошадей (что-то долго мешкают), делаю эту запись.

По дороге от Егоршино вспомнил многое. Здесь мы отступали. Здесь в 1918 году бился 1-й Крестьянский коммунистический полк «Красных орлов» совместно с Камышловским и 4-м Уральским полками. Сколько с тех пор пройдено дорог, во скольких боях участвовал, а не забывается все, что связано с «красными орлами», с милым сердцу Камышловом.

С волнением въехал в Камышлов, вглядывался в каждую улицу, в каждый дом, в каждого встречного. Прежде всего проехал на двор Дембовского, содержателя большой ямской станции, попросил пару лошадей до Ильинского.

Старик Дембовский спешить не любит: «Давайте ваши документы, молодой человек». Надел очки, посмотрел: «Все в порядке. Но подвода будет часа через три — четыре. Не взыщите, раньше не могу».

И на том спасибо,

Отправился к Прасковье Ионовне Владимировой. Шел и боялся: жива ли, не обидели ли чем белые?

Застал дома. Прасковья Ионовна, как увидела меня, задрожала, заплакала, бросилась целовать:

— Феликс ты мой родной!.. Обнимает, ощупывает, словно бы проверяет, в целости ли я. Крестится, благодарит бога.

Потом стала хлопотать над чаем. Когда попили чайку, твердо сказала:

— Никуда не пущу. У меня отдохнешь, пока лошадей приготовят.

Так я и провел с Прасковьей Ионовной три часа. Ничуть о том не жалею.

Прасковья Ионовна о многом рассказала. Перво-наперво об отце. Ему удалось бежать от белых, когда с партией других большевиков гнали в Сибирь по тракту Камышлов — Тюмень. Это все она знает от самого отца. Он к ней на днях забегал на минутку.

— Как выглядит? — спрашиваю я.

— Да вот так и выглядит… Сам скоро увидишь.

Что правда, то правда, совсем скоро увижу я своих.

Порассказала мне Ионовна и о наших гимназистах. Незавидная судьба выпала на их долю. Белые мобилизовали учащихся седьмых и восьмых классов в колчаковскую армию, послали их во всевозможные ударные, штурмовые и «бессмертные» батальоны, попросту говоря — на верную гибель. Забрили и многих моих товарищей, в том числе Грибуську Донова.

Ничего не поделаешь, кто хочет сохраниться между двумя огнями, между двумя борющимися силами, обречен. Милый был паренек Грибуська. Но у него не хватило твердости, решимости встать на сторону народа. Вот и угодил в колчаковскую банду.

Перед уходом я зашел в садик, где год назад, накануне отступления, зарыл печать Борисовской партийной ячейки. Откопал ее. Печать в полной сохранности. Теперь-то она пригодится!

Попрощался я с дорогой Прасковьей Ионовной и отправился на ямскую станцию. В обед выехал из Камышлова.

По этой пыльной дороге я не раз ездил с папой. Все-то тут мне знакомо.

Лошадей менял в Ильинском. Отсюда родом геройский командир батальона товарищ Полуяхтов Андрей Афанасьевич и его земляк, ординарец командира полка «Красных орлов», мой друг-приятель Осип Полуяхтов.

В Ильинском долго не задерживался. Хозяин станции, богатый мужичок, хорошо помнит моего отца. Тот не раз менял у него лошадей во время поездок в Камышлов и обратно.

Дорога от Ильинского накатанная. По сторонам — поля, леса, снова поля. Хлеба хорошие… Так добрался до Суворов…

Но вот уже зовут меня. Лошади готовы. Прощайте, Суворы!

Скоро буду дома.

3 августа. Деревня Борисова

Даже не верится, что можно написать: вот и я в родном доме.

Первым увидел отца. Было такое мгновение — мы остановились и не могли сделать ни шагу. Потом бросились друг к другу.

Я всегда чувствовал, что отец меня сильно любит. Но он это прямо не проявлял, не умел говорить ласковые слова. Однако после разлуки, смертельных опасностей, папа не мог сдержаться. Крепко-крепко обнял меня, прижал к себе. Я даже растерялся, испытывая всегдашнюю перед ним застенчивость.

Потом подбежали мама, шестилетняя Маруся, младшие

братишки Валентин и Шурик. Вслед за ними пришла моя любимая бабушка Анна.

Что было дальше, описать трудно. Подошли соседи, соседки, знакомые, молодежь. Посыпались вопросы и потекла беседа.

Не представляю себе, сколько прошло времени. Говорили о том, о сем. Не было бы конца этой беседе, не позови меня крестьяне в село Зырянское. Там прослышали о моем приезде и просили выступить,

На пути в Зырянское встретился с женой Ивана Андреевича Голикова — Еленой Дмитриевной. Тяжелая была встреча. Иван Андреевич погиб в те дни, когда полк «Красных орлов» с боями отходил к Глазову.

Что я мог сказать одинокой, несчастной женщине, которую зверски избивали белые?

В Зырянском на площади у церкви собралась целая толпа. Сразу же стали задавать всевозможные вопросы. Отвечая на них, я рассказал о текущем моменте, о колчаковщине, об уроках, которые надо из нее сделать мужикам, о работе органов Советской власти в деревне и о многом другом.

Говорил, а сам вглядывался в лица крестьян. Мужики знают меня, я — их. Некоторые все время кивают головами, соглашаются с каждым словом. Другие задумчивы — взвешивают, прикидывают. А третьи — едва сдерживают злобу, несогласие.

Но большинство, подавляющее большинство, настроено хорошо, за Советскую власть. Поэтому-то, наверное, и понравилось им мое выступление. Едва кончил, подошли старики. Как маленького, ласково похлопывают по плечу, по затылку:

— Молод, а знает, что к чему на белом свете…

Отец стоял в стороне. Но вдруг не выдержал, подбежал ко мне, обнял и поцеловал. Все одобрительно зашумели. Я же был смущен и сгорал от волнения.

Надо бы еще о многом написать, да братишки зовут ужинать. Валентин служит писарем в сельском совете, Шурик — в работниках у богатого соседа,

Завтра обязательно продолжу запись.

4 августа. Деревня Борисова

Сел за стол и не верю. Неужели и впрямь я со своими, и это отец с матерью и бабушка?!

Куда ни глянешь, все вокруг такое родное, близкое. И стол этот, который добела выскоблили мамины руки, и чашка с

отбитым краем, и ложки деревянные, с которых давно сошла краска…

Сегодня узнал много новостей, в том числе и горьких. Прежде всего о том, как белобандиты арестовали наших коммунистов и что этому предшествовало.

…В марте 1918 года в Борисовой собрались крестьяне из всех двенадцати сел и деревень волости. Представитель Камышловского у ком а РКП (б) товарищ Аксенов рассказал о задачах коммунистов — большевиков. Потом высказывались мужики.

На собрании 30 человек вступили в партию. Председателем ячейки избрали моего отца, секретарем товарища Будрина.

Когда вместо волостного ревкома был создан волостной исполком, председателем его стал товарищ Тарских Павел Мамонтович, секретарем тот же товарищ Будрин.

Мой отец ведал отделом здравоохранения и культуры. Начальником милиции назначили товарища Калистратова.

Большевики начали отнимать землю у церквей. И тут разгорелась сильная борьба. Заведующим земельным отделом в волисполкоме был тогда «левый» эсер Сивков, а «левые» эсеры всегда действовали заодно с кулачьем. Сговорившись, они послали своих гонцов за белоказаками к атаману Дутову.

И вот 12 июля, на вторые сутки после Петрова дня, из Бродкалмака прибыла ночью белая шайка — человек восемьдесят: казаки, офицеры, кулаки, подкулачники и поддавшиеся на вражескую агитацию башкиры. Незаметно, лесами и покосами провели ее к нам местные кулаки — прапорщики Яков Паюсов и Андрей Козлов.

Бандиты ворвались в дома коммунистов перед самым рассветом, когда сон покрепче. Первым схватили отца. Он даже не успел револьвер достать. Так, в одном нижнем белье, и погнали его палками да плетьми в сторону Зырянки.

Вслед за отцом арестовали Алексея Андреевича и Егора Андреевича Голиковых, Матвея Савельевича Пиньженина. Всех их избили в кровь, а Пиньженина прогнали даже «сквозь строй». Тем же утром в поле, у озера Маян, схватили и избили братьев отца — Сергея, Матвея и Митрофана, хотя коммунистом из них был только дядя Сережа.

Сумели скрыться Иван Андреевич Голиков (его изба на самом конце деревни) да Гавриил Григорьевич Голиков, находившийся случайно в поле.

Всего по волости в ту ночь белая банда арестовала больше сорока человек.

Отца привели в Бродокалмакскую тюрьму, потом погнали в

Челябинскую, потом — в Екатеринбургскую, а под конец колчаковщины — в Камышловскую. Сколько пришлось пережить отцу в этих тюрьмах, не опишешь, да он и сам не желает о том рассказывать.

Местное кулачье, особенно Семен Пермяков и его брат Федосей, Андрей Козлов и Артемий Пономарев, добивались, чтобы отца передали в руки каменской белогвардейской дружины. Там заправляли офицеры и кулаки из нашей волости. Они-то, конечно, имели зуб на отца и на нем желали выместить всю свою злобу против Советской власти.

Когда услышишь о том, что вытворяла каменская дружина, кровь в жилах стынет. Неужто люди способны на такое злодейство?

Хватали и избивали не только коммунистов, но и каждого сочувствующего им. Арестовали чуть ли не полторы тысячи человек. Людей, истерзанных арапником с проволокой и железными шипами, бросали на пол, в грязь, в навоз. И так оставляли. В ранах заводились черви. Тогда арестованных снова пороли, раздавливали червей в гнойных ранах. А зимой, в декабрьские морозы, заставляли лазать в прорубь и «доставать со дна реки Исети железо».

После занятия Каменска белые все же нашли Гавриила Григорьевича Голикова. Его тоже посадили в тюрьму и избивали так, что он на всю жизнь остался хромым.

В этих кровавых делах белобандитам помогали и попы…

Но вернусь к отцу. Просидел он в белогвардейских тюрьмах год и двадцать дней, С приближением Красной Армии к Екатеринбургу и Камышлову белые принялись «очищать» тюрьмы. Одних арестованных убивали прямо на месте, других гнали в Сибирь.

Отец попал в партию, которую этапным порядком эвакуировали в Тюмень. Наступили самые страшные дни. На дороге убивали прикладами каждого ослабевшего или больного, каждого, кто хоть немного отставал.

Едва вышли из Камышлова, у села Никольского конвоиры отобрали группу арестованных и на глазах у остальных расстреляли ее. Так расстреливали на всех стоянках, наобум выбирая очередные жертвы.

Этой страшной дорогой смерти отец прошел до станции Тугулым, откуда со своим другом Фролом Васильевичем Калистратовым сумел убежать. На остановке спрятались в кустарнике, потом — в лес и скрылись.

Выглядит отец неважно. Не жалуется, но видно, что тюрьма и побои подорвали его здоровье. Сильно постарел, а ведь ему нет

еще и сорока.

Немало страху натерпелась при белых и мама, остававшаяся с детишками. Ей то и дело угрожали. Много раз устраивали дома обыски. Однажды ночью, в церковный праздник, в доме выбили стекла. А сколько муки приняла мама, думая о судьбе отца, обо мне!

Очень жестоко измывались, белые над женой Ивана Андреевича Голикова — Еленой Дмитриевной. Они срывали на ней злобу за то, что не сумели тогда, июльской ночью, арестовать мужа. Несчастная женщина была избита и истерзана.

Наслушался я такого, что сердце огнем запылало.

Ни о чем сейчас не хочется больше писать.

5 августа. Деревня Борисова

С утра ходил в Зырянское. Повидался с родней Павла Мамонтовича Тарских, с его братьями — Иваном, Макаром, Павлом, Петром, с его дядей — боевым стариком Корнилом Сергеевичем и другими. Все они коммунисты. Всех их арестовали и нещадно избили в ту памятную июльскую ночь восемнадцатого года. От них я узнал, что полк «Красных орлов», наступая на Шадринск, прошел неподалеку от нашей волости, и все родственники сумели повидаться с Павлом Мамонтовичем.

И в Зырянском услышал я немало трагических историй из времен хозяйничанья белых. В Бродокалмаке палачи расстреляли наших зырянских коммунистов: Егора Кондратьевича Пшеницына, Николая Тарских — единственного сына старушки Матрены Герасимовны, а также секретаря нашего волисполкома Михаила Алексеевича Будрина. Много перенес Федор Степанович Лобанов. Его белые захватили на дежурстве в волисполкоме. Избили до беспамятства, водили на расстрел, но потом почему-то передумали и прогнали «сквозь строй» своего отряда.

А Павлу Мамонтовичу удалось спастись прямо чудом. Он был схвачен вместе с другими. Когда арестованных выводили из села, его сразу же отделили от остальных и погнали в лес расстреливать. Но Павел Мамонтович не растерялся. Неожиданно, двумя руками наотмашь, ударил по зубам обоим конвоирам. Они повалились на землю и пока приходили в себя, Тарских был уже далеко. Лесами он пробрался к Катайскому и там вступил в формировавшийся тогда полк «Красных орлов».

Удалось скрыться от ареста и агроному — коммунисту товарищу Машталеру.

Зато семьи у всех коммунистов натерпелись горя и страху. Их

обкладывали дополнительными налогами, обижали и оскорбляли на каждом шагу, постоянно грозили арестами, не пускали на сельские сходки, не однажды вне очереди заставляли мыть полы в сборнях, в волостном правлении…

После обеда в Борисовой состоялось большое собрание. Затянулось оно надолго. Однако время это не пропало зря. Обсуждали многие важные вопросы. Например, об общественной обработке земли, о сдаче хлеба, о лишении белогвардейских карателей земли.

Когда решали эти вопросы, выявились бедняки-активисты, которые горой стоят за власть Советов.

У меня к ним очень теплое чувство. Это прежде всего наш слепой сосед Филипп Иванович Заусаев, братья Козловы — Никита, Порфирий и Демид, Петр Власимович и Филипп Кузьмич Голиковы, Селиверст Яковлевич Бабкин.

Хорошо себя показали и многие середняки, в первую голову Кузьма Дмитриевич, Василий Николаевич, Михаил Кузьмич, Осип Емельянович. Все они, как и большинство в нашей деревне, Голиковы.

Собрания крестьян помогают работе наших молодых сельских Советов и волостного исполкома.

Да, чуть не забыл. С радостью встретил я своих учительниц. В Зырянском — Лидию Алексеевну Сапожникову, в Борисовой — Екатерину Яковлевну Могутину. Обе они — за власть трудящихся.

Лидия Алексеевна еще в 1918 году активно работала в волостном исполкоме, заведовала отделом народного образования. Из-за этого была на подозрении у колчаковских властей. Они ее называли «советской» и лишь случайно не арестовали. Сейчас Лидия Алексеевна с горячей душой помогает Зырянскому Совету и волисполкому. Одновременно заведует школой и обучает детишек.

Екатерина Яковлевна и при колчаковщине не оставляла своего поста — вела уроки в борисовской школе. У белых тоже находилась на подозрении, так как они знали, что она сотрудничала с сельсоветом и с борисовскими большевиками.

Как приятно, что у меня на родине столько смелых, крепких людей, преданных революции и новой власти!

7 августа. Деревня Борисова

Вечерами встречаюсь с молодежью. Девушки у меня частенько выпытывают, не завел ли зазнобу в каком-нибудь городе или в армии. Этот вопрос, как мне показалось, особенно

волнует Палашу, дочь Ивана Осиповича. Она — славная девушка. Многие наши парни на нее заглядываются.

Отношения у меня со всеми ровесниками хорошие Ходим, поем песни, играем.

Мама и бабушка обижаются, что мало бываю дома. Они, конечно, правы. Но как поступить? Весь день — в бегах, разговорах, работе, а вечером хочется погулять.

Ходил в Окатову, побывал в тамошнем сельском Совете, повидался с вырвавшимися из белогвардейских застенков коммунистами. Там тоже в июле 1918 года белая банда устроила налет. Были арестованы Фрол Васильевич Калистратов, Сергей Викулович Пшеницын, братья Дмитрий и Василий Зыряновы, Тимофей Дмитриевич Зырянов, Иван Карпович Пшеницын, Зыряновы Парамон Александрович и Моисей Алексеевич, Пшеницыны Максим Архипович и Федул Алексеевич. Последний был расстрелян белыми.

До сих пор не известна судьба С. В. Пшеницына. Гнали его в Сибирь с той же партией арестованных, в которой был и мой отец. Жену его Анну Васильевну бандиты избивали неоднократно. Первый раз прямо на площади. Ударами тяжелой плети насмерть засекли шестимесячную девочку, которую она держала на руках. Женщину терзали до того, что она потеряла сознание.

Впервые свиделся с другом отца Фрол ом Васильевичем Калистратовым. Видный мужчина, энергичный, смелый. От роду ему 37 лет. В партии с 1918 года. Фрол Васильевич был на русско-германском фронте. Дослужился до старшего унтер-офицера.

В последние дни земляки часто рассказывают мне о том, как Колчак загонял крестьян в свою армию. Мобилизации следовали одна за другой. Призывали всех служивших в старой армии и всю молодежь. Двое из моих сверстников и товарищей детства убиты в боях против Красной Армии. Жаль мне их, Митрофана Власимовича и Филиппа Кузьмича Голиковых. Погибли, что называется, не за понюшку табаку. Ну что было бедняку Митрофану или малоимущему середняку Филиппу до Колчака? Я их знаю с детства. Они наши соседи. Вместе росли, вместе играли…

Многие сумели избежать белой армии, скрывались в лесах. Особенно усилилось дезертирство при отступлении колчаковской орды. Почти все мужчины из нашей деревни попрятались в лесах и там ожидали прихода Красной Армии. Скрывался и мой дядя Сережа. Однажды за ним погнались три кавалериста. Он стал стрелять из винтовки, потом убежал в густой лес.

Был такой случай. Приезжает в волость полковник проводить

мобилизацию. Отдал строжайшие приказы всем старостам, урядникам, волостному старшине. А дело — ни с места. Едва со всей волости согнали 50 человек. И то двое в последнюю минуту удрали.

Полковник пришел в такую ярость, что собственноручно поджег избы беглецов. Не дал ничего вытащить и спасти.

9 августа. Деревня Борисова

Не успел обернуться, а уж кончается жизнь в родном доме.

Вчера ездил в село Акуловское, помогал создать партийную ячейку. Организационное собрание прошло активно. В ячейку записалось 14 человек.

И в этом селе, а также в соседних деревнях Потоскуевой и Пироговой белые арестовывали и мучили коммунистов. Я записал имена некоторых товарищей, натерпевшихся от нашего классового врага: Макар Александрович и Максим Павлович Акуловы, Василий Кириллович, Иван Агафонович и Кузьма Павлович Симоновы, Михаил Шляпников, Никита Федорович Перевалов, Максим Павлович Спицын, Николай Еремин.

Под Камышловом, у села Никольского, белые расстреляли Семена Евлампиевича Симонова.

Ну, подождите, гады, отольется вам каждая капля крови рабочих и крестьян!

11 августа. Деревня Борисова

Закончилась моя жизнь в Борисовой. А кажется, только-только приехал. Очень мало пришлось пробыть дома, посидеть со своими, поговорить с отцом.

Сегодня отбываю. Вчера целый день разговоры, встречи, собрания, в том числе одно партийное. Перед отъездом все надо успеть.

Здешняя партийная ячейка уже действует. Председателем снова избран отец. Общественных дел у него столько, что пришлось забросить фельдшерский пункт.

Зашевелился волостной исполком. В председатели его намечают Федора Степановича Лобанова. Сам он зырянский. Недавно вырвался из колчаковского застенка. Человек серьезный, положительный.

Вчера вечером ходил с товарищами хоронить одного красноармейца. Белые, когда отступали, пытались задержаться в

нашей деревне. В бою этот красноармеец был ранен. Рана оказалась настолько тяжелой, что бойца нельзя было отправить в лазарет. Остался в деревне, крестьяне старались выходить его. Но все тщетно. Красноармеец умер.

Часа через два — в дорогу. Вначале — в Камышлов, оттуда — в политотдел.

Не хочется так скоро уезжать. Утешение одно: время здесь не прошло зря. Не только повидал своих, но и успел поработать. А от одного дня работы в деревне больше толку, чем от месячного секретарства в политотделе.

Жаль, что не мог побывать в деревнях Даньковой и Марай. Там тоже многих арестовали и мучили беляки. Забрали коммуниста Германа Кирпищикова и его сыновей Якова и Анисима. Якова расстреляли у села Никольского.

12 августа. Камышлов

Распрощался с отцом, матерью, бабушкой, братишками, друзьями-приятелями и вот снова в Камышлове у Прасковьи Ионовны.

Когда уезжал, у дома собралась толпа. Мама плачет. Убивается бабушка Анна. Отец насупился, молчит. Я тоже с трудом крепился: когда-то теперь их увижу?

Ехал той же дорогой, через знакомые села и деревни.

Сегодня с утра в Камышлове. Хожу по городу. Побывал в гимназии, в помещении двухклассного училища, в котором записывался красноармейцем, у Шадринского моста, где впервые стоял в карауле. Наведался, конечно, в бывший кинематограф «Чудо», потому что там меня вместе с отцом принимали в партию.

Места все знакомые, привычные, а глядишь на них с волнением. Все так, да не так. Что-то изменилось и в городе, и во мне самом. Люди, которым столько пришлось перенести, тоже, наверное, иначе смотрят на жизнь.

Хочется каждого остановить, расспросить, понять, что у него на душе, чего ждет он от будущего, на что надеется, о чем мечтает?

Прошел не спеша по главной улице города — Торговой. Лавки и магазины открыты. На витринах товары. Но немного. В один магазин, не выдержал, заглянув. Это магазин Фельдмана. Здесь отец купил мне первую гимназическую фуражку и сразу же надел на голову. Давно это было, очень давно, кажется, много, много лет назад.

На Шиповаловской улице навестил мою бывшую квартирную

хозяйку Анну Гавриловну Заостровскую. Анна Гавриловна и ее младшая дочь Вера мне очень обрадовались. Не так, конечно, как Прасковья Ионовна, но все же от души. Невесело рассказывали о своем житье-бытье при белых.

От них отправился на Заводскую улицу, надеялся; повидать моего хорошего товарища по гимназии Мишу Карповича. Но не застал у них никого. Карповичи всей семьей эвакуировались в Сибирь.

Уехали не только Карповичи. Многие, так и не разобравшись в идеалах Советской власти и партии коммунистов, удрали вместе с белыми. Обиднее всего, что среди эвакуировавшихся немало скромных, небогатых людей, за интересы которых бьется Красная Армия. Отсталость, мещанские взгляды до сих пор мешают некоторым понять, кто их настоящий друг, а кто — злобный враг. Что же поделаешь, словам не поверили — жизнь научит.

Большой урон понесла молодежь, гимназисты. Письмоводитель Иванов и классный надзиратель Василий Васильевич Крупин (за большие торчащие рыжие усы мы его называли «Тараканом») порассказали мне такое, что вовек не забудешь. Беляки, оказывается, вымели под метелку всех из старших классов. Гимназисты-старшеклассники почти поголовно принесены в жертву угнетателям. О многих уже известно, что погибли или тяжело ранены в боях с Красной Армией.

Очень огорчило меня известие о том, что наша ЧК еще летом 1918 года расстреляла как заложника Ивана Петухова. Ничем не оправданная жертва! Я знал Ивана, он не был буржуем, никогда не говорил против власти Советов. Такие трагические случаи только восстанавливают против нас тех, кто колеблется, не может быстро прийти к определенным выводам…

Володе Брагину белогвардейская свора не простила его умных революционных статей. Володю держали в тюрьме, долго истязали, потом расстреляли… Еще один из моих друзей отдал жизнь за Красный Октябрь.

Услышал, что Шурка Чуваков, который в трудные дни на Салке каркал: «все погибло, все разбито», действительно дезертировал из Красной Армии, вернулся в Камышлов. Где сейчас, никому неведомо.

Говорят, что Трошев, Аркашка Казанцев и сестры Грибуськи Донова в городе. Постараюсь их завтра разыскать.

Выспрашивал относительно редактора наших «Известий» Степана Васильевича Егоршина. По слухам, он вместе с бывшим учителем закона божия отцом Тихоном Андриевским был арестован белыми за большевизм. Вроде бы оба уцелели и

должны со дня на день появиться в Камышлове. Интересно будет повидать их.

Когда был у Заостровских, не удержался, задал вопрос о Лиде. Она со всей семьей уехала в Сибирь в числе первых, как только началась эвакуация. Ее брат Костя стал заядлым белогвардейцем. Все это понятно, но вместе с тем как-то неприятно.

Встретил домовладельца Баранова (ему принадлежит и домик, в котором проживает Прасковья Ионовна). Всегда был надутый, важный — не подступись, а сейчас прост, разговорчив, душа-человек, да и только.

13 августа. Камышлов

Жизнь в Камышлове постепенно налаживается. Одна беда — не хватает работников, совсем мало осталось местных коммунистов. Одни ушли в Красную Армию, другие погибли в белогвардейских застенках.

На первом собрании в конце прошлого месяца участвовало лишь три члена партии с партбилетами: Лайковская, Романов и Худеева. Пять человек, утративших свои партийные билеты, присутствовали как сочувствующие. Это собрание избрало временный партийный комитет и попросило находившийся тогда в городе железнодорожный батальон выделить 10 коммунистов для работы в Ревкоме.

Через пару дней на втором собрании присутствовало уже 13 коммунистов. Речь шла об уездном Ревкоме, его составе.

Снова возник вопрос, как быть с теми, кто раньше состоял в партии, но утерял или уничтожил партийный билет во время белогвардейского владычества? Решено впредь до выяснения считать товарищей сочувствующими.

Во временный партийный комитет единогласно доизбран известный камышловцам по 1918 году товарищ Куткин Григорий Ефимович, возвращенный с фронта, из 1-й бригады 29-й дивизии.

Уездным военным комиссаром работает товарищ Васильевский Леонид Владимирович, который весной -1918 года был в Камышлове командиром отряда Красной Армии. Он прислан в Камышлов из нашей Особой бригады временно для организации Советской власти.

Со дня на день на должность военного комиссара должен приехать товарищ Басаргин Иван Иванович, которого я знаю как хорошего коммуниста по полку «Красных орлов» и партколлективу 29-й дивизии. Он сменит товарища

Васильевского, а тот вернется в бригаду на свою должность командира части.

Узнал кое-что о моем боевом товарище первых дней красноармейской службы, задушевном друге С. Д. Гоголеве. Он вернулся с фронта, но, к сожалению, по каким-то делам уехал на несколько дней из города.

Снова наслышался о злодействах белогвардейских палачей.

Жену комбата-3 полка «Красных орлов» товарища Жукова — Наталью Алексеевну бросали в тюрьму. Даже то обстоятельство, что она беременна, не остановило извергов: ее жестоко избивали, четыре раза с детьми выводили на расстрел и сослали в Тобольск.

Недавно на Каменском заводе рабочие хоронили Таисию Полухину, растерзанную белогвардейскими бандитами. Товарищ Полухина не была коммунисткой. Вся ее вина в том, что она в 1918 году, зарабатывая на жизнь, шила белье для красноармейцев. Такого «преступления» колчаковцы не могли простить. За несколько дней до своего бегства они схватили Таисию Полухину, глумились над ней, терзали, обрубили пальцы, а потом убили.

Чего только ни делали белые, но все равно не могли запугать трудовой народ.

Перед отступлением из Каменска они решили частично уничтожить, а частично увезти с собой в Сибирь заводское оборудование. Все уже было подготовлено. Однако в последнюю минуту кассир товарной станции товарищ Ларионов, воспользовавшись суматохой, подменил накладные. Поезд ушел, а станки остались. Незаметный герой товарищ Ларионов спас народное достояние.

…Из ума не идут рассказы о пытках, расстрелах, злодеяниях белой гвардии. Беляки чувствовали, что им приходит конец, а потому и неистовствовали, как дикие звери.

В Камышловскую тюрьму прибыла однажды этапная партия в 180 человек. Здесь ее принял какой-то казачий отряд. Уже на первой перекличке одному старику за то, что он не расслышал свою фамилию, дали 25 ударов саблей плашмя. Остальных били прикладами, сбрасывали с лестницы, стегали плетками. По дороге на Тюмень отставшим отрубали головы. Пока дошли до села Никольское (оно от Камышлова в девяти верстах), от партии арестованных осталась половина.

За Никольским — опять расстрелы. Стреляли прямо по сбившимся в кучу людям. Раненых добивали штыками, прикладами, саблями. В конечном счете от этой большой партии уцелело лишь десять человек.

Сейчас в Камышлове создана следственная комиссия. Она

занимается расследованием преступлений белогвардейцев, вскрывает могилы расстрелянных.

Мне многое рассказывали товарищи, которые присутствовали при раскопке могил. В каждой могиле — пять, десять, а то и больше человек. У трупов разбиты черепа, отсечены руки, отрублены саблями головы, у женщин штыками проколоты груди. Даже не верится, что люди способны на такое.

Нет, это не люди, это звери, которые питаются человеческой кровью, кровью рабочих и крестьян! Народ никогда не забудет безвестных страдальцев и мучеников за Советскую власть, за победу мировой социалистической революции.

Вечная память и вечная слава дорогим товарищам, отдавшим свои жизни за счастье грядущие поколений!

14 августа. Камышлов

Поезд мой отходит через два часа. С ним намереваюсь добраться до Талицы, где находится политический отдел 51-й дивизии.

Вещи собраны. Могу спокойно писать.

Вчера вечером был небольшой любительский спектакль. После него долго танцевали. Встретился со многими старыми знакомыми.

Прежде всего видел Трошева. Услышал от него новость, которая мне не давала долго уснуть. Арька Рабенау не погиб в Кривском! Он попал в лапы белых, но сумел избежать смерти. Трошев видел Арьку своими глазами, но где он сейчас, не имеет представления.

Может быть, мне еще посчастливится и я встречусь с Аркой. Каких только встреч не было за последний год!

Вместе с Мишей Сизиковым Трошев таскался по занятым белыми губерниям и увидел там столько ужасов, что из правого эсера превратился в коммуниста.

Да, жизнь трет и учит, крепко учит. Трошев сейчас совсем иначе смотрит на окружающее и на будущее, чем год назад. Сейчас он во всем соглашается со мной, а раньше спорил, да еще как спорил… Не хочу вспоминать о его прежних ошибках. Человек наконец выбрал правильную дорогу и теперь пойдет по ней.

Был на вечере и Аркашка Казанцев. Этот ни в чем не изменился. Как и раньше, работает на железной дороге, играет в духовом оркестре, ведет свой обычный трудовой образ жизни.

А про гимназистку Мусю Комарову, которую тоже встретил

на вечере, даже не знаю, что написать. Хорошенькая барышня-хохотушка. И только. Ее отец и старший брат в лагере наших врагов.

Судя по вчерашнему спектаклю и вечеру, культурно-просветительная работа в городе начинает помаленьку налаживаться. Это, конечно, лишь первые шаги. Уже идут разговоры об организации уездного бюро по внешкольному образованию, в волостях создаются культпросветкружки. Скоро в дачном поселке Бамбуковке откроется Народный дом. Собирают средства (а главным образом хлеб) на приобретение кинематографических аппаратов. На заборах и тумбах появились объявления о лекциях. Приводятся в порядок школы, детские сады, приюты, ясли, родильные покои. Все эти безобидные учреждения сильно пострадали при владычестве белых.

Ростки новой жизни упрямо пробиваются из почвы. Сейчас самая большая беда — нехватка опытных работников. Чувствуется это и в народном образовании. Иные учителя, забыв про совесть и гражданский долг, бежали в Сибирь. Удрал и директор нашей гимназии Максимов. Он раньше любил себя называть народником, и многие этому верили. Никакой он не народник, а самый обычный прислужник старого режима. Не случайно в 1917 году Максимов объявил себя кадетом.

До сих пор камышловцы не могут опомниться после террора и разгула колчаковских офицеров. Офицерье измывалось не только над мирным населением, но и над своими солдатами. Дело дошло до того, что какой-то контр-адмирал Старк, командир бригады морских стрелков, отдал специальный приказ, запрещающий «господам офицерам» на улицах употреблять по отношению к солдатам «площадную брань» и называть их «мордами». В приказе делалось предупреждение: «Мы дойдем до того, что публика будет убегать с улиц, дабы не слышать командных прибавлений господ офицеров».

Кончаю. Надо идти на вокзал.

…Дописываю на вокзале. Сейчас подойдет поезд. Часа через два — три буду на месте, в Талице.

Прасковья Ионовна плачет, крестит «своего Феликса». И мне тяжело с ней расставаться. Старая она, дряхлая, здоровье плохое. Да и жить-то не на что…

15 августа. Талицкий завод

Вчера приехал из Камышлова в Талицкий завод. Здесь его попросту называют Талицей.

Нашел политотдел, в котором не был целых две недели. Это уже политотдел не Особой бригады, а только что созданной 51-й стрелковой дивизии. В нем много старых сотрудников, агитаторов и инструкторов. Но заведующий новый. Товарища Черноусова уже нет. На его месте товарищ Вольфович. Новый секретарь, новые заведующие некоторыми отделениями. Товарищ Чазов по-прежнему ведает общим делопроизводством. С ним его неизменная подружка машинистка Гликерия Головина. Товарищ Басманов — заведующий крестьянской секцией. Нахожусь в его распоряжении как инструктор-организатор по работе в деревне.

Да, теперь у меня дело по душе. Говорить с мужиками, рассказывать им про власть Советов и революцию, помогать, чем сумею, — это по мне.

Сегодня выступал в Талицком Народном доме, держал речь о текущем моменте и о том, как труженики Талицы могут пособить Красной Армии. Народу было, наверное, с полтысячи. Молодежь и старики, мужчины и женщины.

Говорил от всего сердца, и слушали меня хорошо. Когда кончил, сильно хлопали, громко кричали «ура».

От местных граждан выступали рабочий, крестьянин и молодой парень из заводских. Все об одном: скорее покончить с Колчаком и по-революционному строить новую жизнь.

Вышел после митинга из Народного дома, вижу — Миля Гребешкова. Она родом талицкая, училась в камышловской женской гимназии. Мы с ней иногда встречались на вечерах.

Миля радостно поздоровалась со мной. Мне тоже было приятно встретить знакомого человека.

Пошли гулять. Вечер теплый, ласковый. Она мне показывала улицы, провела к большому пивоваренному заводу братьев Поклевских-Козелл, потом к зданию лесного училища.

Сначала мы были на «вы», но уже около лесного училища перешли на «ты».

Миля спросила:

— Когда война кончится, кем будешь?

Я ответил, что еще не решил окончательно. Мне нравится медицина. Но, возможно, поступлю учиться на техника-лесовода. Только бы Колчака доконать, там видно будет.

Очень хорошо погуляли.

17 августа. Талицкий завод

Колчаковцы отступают все дальше и дальше на восток.

В нашу дивизию пришел мой старый знакомец — 10-й

Московский стрелковый полк. Он уже теперь не 10-й, а 457-й. После переформировки полк пополнился, закалился. Сейчас в нем все девять рот, пулеметная и прочие команды. Во главе все тот же товарищ Савельев.

Хотелось бы побывать в полку, да пока не удается. Не сегодня — завтра товарищ Басманов пошлет меня в деревню.

За эти дни составил отчет о поездке в Камышлов и Зырянскую волость. Старался ничего не пропустить. Отчет в крестьянской секции взяли, но еще не прочитали, сейчас все заняты.

Басманов по-товарищески поговорил со мной, расспросил об отце, о семье, о моих встречах в Камышлове. Вопросы задавал не из вежливости и не по служебной обязанности. Видно, все его интересует.

Вчерашний вечер с Милей танцевали в Народном доме. Во время танцев, не переставая, разговаривали. Продолжали тему, которую задели при первой встрече — что станем делать, когда закончится война? Мне ясно одно — буду учиться. Миля тоже хотела бы вернуться в гимназию, закончить ее. Однако у родителей нет средств. Придется поступать на работу. Но вот вопрос: куда?

Пока танцевали, я присмотрелся к Миле. Она беленькая, голубоглазая, личико веселое. Держится бойко, однако не развязно. Ростом небольшая, фигурка аккуратная. Приглянулась она мне. Я с ней чувствую себя легко. И даже танцую легко. Тут уж ее заслуга. Она танцевать умеет. Обо мне этого не скажешь.

Характер у Мили самостоятельный, но довольно колючий. За словом в карман не лезет.

Сегодня после обеда вместе с Яшей Горбуновым бродили по саду заводчиков Поклевских-Козелл. Это всем богачам богачи. Оба брата были приняты при дворе, лично знакомы с Николаем Вторым. Один служил послом за границей.

Сад у них — дай бог. У нас в Камышлове у городского головы Скачкова куда меньше. А скачковский сад я изучил неплохо. Осенью не раз лазили туда с дружками за китайскими яблоками.

Здесь же не только яблоки, но и малина, смородина, крыжовник. Ягоды уже сходят. Но на нашу долю еще осталось. Сторожа недружелюбно косились на нас, однако прогнать не решались.

20 августа. Талицкий завод

Нам объявили приказ товарища Блюхера в связи с его

вступлением в командование. 51-й дивизией. Приказ интересный, не совсем похожий на обычные. Вот его содержание:

«…Приказом Реввоенсоварма я назначен начдивом 51-й стрелковой дивизии в момент победоносного продвижения Красной Армии в Сибирь с великой целью освобождения трудящихся из-под ига мировых хищников империалистов. Учитывая горький опыт партизанщины на юге и считая лучшим учителем для правильного формирования новой дивизии весь полуторагодовой опыт строительства рабоче-крестьянской армии, мы призываем всех товарищей, участвующих в формировании и боевой работе в рядах нашей дивизии, приложить все усилия к тому, чтобы она в ближайший срок оказалась на должной высоте как по своей боеспособности, так и полному осознанию великих задач, возлагаемых на нас трудящимися. Мы призываем 3-ю бригаду брать достойный пример со своих старших боевых товарищей — Особой бригады и Северного экспедиционного отряда, влитых теперь в нашу дивизию.

Все товарищи командиры и комиссары обязаны строго проводить линию центра, точно выполнять все распоряжения, зная заранее, что никакие ссылки и отговоры не могут быть приняты во внимание. Полная централизация в работе, строгая организованность и твердая революционная дисциплина в рядах, а также дружное сотрудничество всех работников дивизии есть залог успеха и боевой мощи последней. Все разгильдяи, плохо учитывающие серьезность момента для Советской власти, легкомысленно играющие интересами рабочего класса, не могут встречать пощады, получая должную кару по всем строгостям революционного времени.

По отношению к крестьянству освобожденных местностей и прифронтовой полосы должна строго проводиться политика, принятая на VIII съезде РКП и ставшая основой для Советской России в целом.

Мародерству, грубостям и самовластью по отношению к трудовому населению не должно быть места с первого же дня существования нашей дивизии. На вас, товарищи комиссары и коммунисты дивизии, лежит особая ответственность за всякое отступление от общепринятой в данный момент линии Советской власти.

На ваше содействие к поднятию дивизии на

должную высоту мы рассчитываем и надеемся в каждом из вас встретить достойного сотрудника.

Товарищи красноармейцы! Очередной задачей нашей дивизии является продолжение славного дела июньских дней, когда было заложено прочное начало уничтожения банд Колчака. Славные дивизии и бригады нашей армии не уступали по храбрости, стойкости и легендарному геройству другим частям могучей Красной Армии. Наша молодая дивизия получает участок уже за пределами Урала на прямой дороге в Сибирь. Мы должны довести до конца славно начатое дело и быть во главе тех, кому выпадает на долю великое счастье ликвидировать, т. е. разбить наголову банду Колчака. В вашем сознании, дисциплинированности, готовности к последнему решительному бою с врагами — залог освобождения рабочих и крестьян от мировых паразитов. Сплоченными рядами вперед, славные полки 51-й дивизии!..»

Готовлюсь в поездку. Перечитал «Красный набат» и «Правду» за те дни, что был в Зырянке и Борисовой. Ознакомился с донесениями комиссаров полков. Больше всего меня интересует теперь, что пишут о настроении крестьянства. Комиссары докладывают о радости, с какой трудовые крестьяне принимают Красную Армию.

Сегодня встретил нашего старого политотдельца Мишу Кесарева, брата военкома 10-го полка. У меня с Мишей, так же как и с его братом, хорошие отношения.

С Милей постояли вечером у Народного дома и разошлись. Каждый торопился по своим делам. А все-таки хорошо, что встретились.

22 августа. Станция Тюмень

Не первый раз пишу на вокзале. Рядом сидит Яша Горбунов. Мы с ним составляем агитационный отряд, будем работать в двух волостях.

Яше любопытно, что это за тетрадь у меня в руках, какие записи делаю. Но я не люблю рассказывать о дневнике.

Наконец, Яша не выдержал:

— О чем строчишь?

Я сказал, что записываю кое-что по работе. Да я и не соврал. Ведь в своем дневнике я больше всего пишу о сражениях, красных

героях и политической работе…

Бригады и полки ушли далеко вперед, Политотдел переехал в Тюмень. На его место в Талицкий завод прибыли тыловые учреждения. Вся дорога до Тюмени забита тылами, командами этапных частей и разными отрядами.

Выехали мы из завода в спешке. Я едва успел известить Милю и повидаться с ней. Она пришла к политотделу. Мы посидели полчасика на скамейке. Разговор не ладился. Было невесело. Никаких особенных слов не сказали друг другу. Да и о чем?

— Значит уезжаешь? — спросила Миля.

— Уезжаю.

— Жаль.

— И мне жаль.

Миля встала, крепко сжала мою руку (не предполагал, что девушки так умеют) и пошла. Я ждал, пока она дойдет до угла. На углу Миля повернулась и помахала мне рукой.

Вот и все…

Последние дни у меня прошли в суете, в разработке инструкций и планов. Но определенного дела не было. Возможно из-за переездов.

Больше всего суеты создают товарищи, которые составляют сводки, справки, отчеты. Они дергают всех и каждого.

Для меня самое трудное — писать инструкцию для агитаторов крестьянской секции. Ведь опыт-то совсем куцый. Всю войну мы провели в ротах, батальонах и полках. Наш руководитель товарищ Басманов — человек умный и добросовестный. Но у него опыта меньше нашего.

Одна надежда — жизнь научит.

Получил удостоверение в том, что являюсь инструктором крестьянской секции политотдела и командируюсь «в прифронтовую полосу для инструктирования волревкомов, исполкомов, партийных организаций и др.». Мне разрешается за плату пользоваться советскими и обывательскими лошадьми.

Успел немного познакомиться с Тюменью. Походил по улицам, заглянул в магазины. Город большой, заселен густо. Грязь неописуемая. Поэтому, вероятно, больше всего мне понравилась баня. Провел в ней часа два. Напарился досыта.

Я не впервые в Тюмени. Дважды был в детстве. Хорошо запомнились обе поездки.

Первый раз меня, семилетнего, мама возила из Борисовой в Тобольск, где отец служил фельдшером в гарнизонном лазарете. От Камышлова до Тюмени ехали поездом, а дальше пароходом. Помню, как пароход — звали его «Ласточка» — нагнал выводок маленьких утят. Утка не успела вовремя отвести их и стала

сильно крякать. Утята мечутся, ныряют. Только когда пароход прошел, собрались вместе и всем выводком спокойно поплыли в прибрежные кусты.

Второй раз был в Тюмени десять лет назад. Тогда мы всей семьей из Покровского, где служил отец сельским фельдшером, перебирались в Зырянскую волость. Мне запомнился вокзал, привокзальная площадь, небольшой садик…

Спешно кончаю. Подошел поезд на Тугулым. Это наш.

23 августа. Село Тугулым

По берегам гнилой, заросшей тиной речушки широко расползлось богатое сибирское село Тугулым. Важно, словно бы в насмешку над окраинными лачугами бедноты, высятся дома деревенских богатеев.

Крыши сверкают зеленой краской, наличники привлекают глаз затейливой резьбой.

В подвале большого каменного дома лавка общества потребителей «Крестьянин». В распахнутую дверь сельской сборни видны низкие своды, темные, грязные стены. Возле сборни на бревнах сидят мужики. Уставились в землю и не спеша о чем-то толкуют.

Подошел, поздоровался. Разговор знакомый: война, трудная жизнь, разорение. Я принялся рассказывать, как Советская власть помогает трудовому крестьянству. Слушают не перебивая. Одни — с надеждой, другие — с сомнением. Но всем хочется верить, что я прав, верить в лучшее будущее.

Душу вкладываю в свои слова, объясняю про гражданскую войну, про колчаковщину. Мужики согласно кивают головами. Что такое Колчак, они знают, испытали на собственном горбу. Но и к Советам еще относятся с опаской, помнят ошибки, допускавшиеся на местах в восемнадцатом году.

Я доказываю, что теперь у Советской власти больше опыта, да и мужики за этот год лучше поняли, кто им враг, кто друг.

— Дай-то бог, — сказал один из стариков.

«Мужики хотят во всем разобраться, доискаться до причин. Поэтому прислушиваются к каждому слову. Уже то, что им так подробно стараются объяснить положение, действует хорошо. Они понимают, что без трудностей, без жертв не обойтись.

От нас, от нашего поведения зависит, пойдет ли за Советами крестьянская сермяжная Сибирь.

24 августа. Село Тугулым

Сегодня страдный день. С девяти утра до шести вечера — в сборне. До двенадцати проходило организационное собрание, на котором создали партийную ячейку из двадцати одного товарища. С половины первого началось большое общеволостное собрание. Его тема — „Что такое Советская власть и как она строится“.

С четырех до шести читал лекцию „Программа РКП (б)“.

На всех собраниях полно народу. Интерес небывалый. Просят газет, журналов, книг. Много неграмотных. Приходится читать вслух. В работе нам крепко помогает здешняя молоденькая учительница Елизавета Петровна Ковригина.

Устал и охрип за сегодняшний день. Но чувствую, что он прошел не зря.

Вечером на улице играл вместе с молодежью.

25 августа. Село Тугулым

Думаю о работе здешней ячейки.

Рабочие и крестьяне привлекают меня своей преданностью революции и желанием проникнуть в тайны сложных политических вопросов. Но знания и силы их часто невелики. От этого им тяжело. Им нужна помощь и помощь. Они ждут ее от нас, членов РКП (б). Их надо учить и воспитывать, говорить о терниях, которые будут еще на пути.

Всей душой хочу пособить здешнему крестьянству. В этом мой высший долг.

Как ценят мужики прочувственное слово! Как прислушиваются к нему! Как отзываются на доброе к ним отношение!

Моя душа устремлена к ним. Помочь, чем могу, научить, — вот моя цель.

Целый вечер мы беседовали об отношении Советской власти к крестьянству. Брали тему и так и эдак. Мужики не стеснялись с вопросами. Но мы говорили на одном языке, хорошо понимали друг друга и пришли к одному решению — работать, напряженно работать на благо народа и Республики Советов.

26 августа. Село Тугулым

Мне ясно: культурно-просветительная деятельность не может быть внепартийной. В этих мыслях убедила работа в Тугулыме. Вечером хочу написать на эту тему статью в „Красный набат“,

Сегодня долго беседовал с председателем волостного ревкома, рассказал ему все, что знаю о задачах ревкома. Кое-какие подробности, по его просьбе, записал на листке бумаги. Речь у нас зашла также об устройстве 31 августа концерта-митинга для делегатов созываемого волостного съезда Советов. Внес сорок рублей добровольного пожертвования на библиотеку. У некоторых крестьян чувствуется неприязнь к ячейке. Причина простая — не понимают ее цели и значения. Выходит, надо больше и глубже разъяснять. Два крестьянина спросили меня, что такое сельскохозяйственная коммуна. Вот ведь чем интересуются! Постарался ответить на их вопрос.

Хочется написать о Елизавете Петровне Ковригиной.

Она старше меня на два года. Но дело не только в возрасте. По-моему, она взрослее меня по взглядам. Видно, многому научила ее трудная, скудная жизнь.

Отец умер рано. Мать — просвирня, зарабатывает гроши тем, что печет просфоры для церкви.

Проучилась Лиза восемь лет, включая, видимо, и сельскую школу. Сейчас на селе — одна из самых грамотных, работает учительницей. Не откажешь Лизе и в уме, и в наблюдательности. Понимает борьбу классов. Насмотрелась на порядки, которые установили белые.

Сама рассказывала мне о расстрелах красноармейцев, которых белые захватили в июле восемнадцатого года на станции Тугулым, об огромных налогах на крестьянство, о том, как пьянствовали и развратничали офицеры. А полы в церквах прославляли Колчака и молились о ниспослании ему победы.

Едва прогнали белых, Лиза стала добровольно помогать во всем волостному ревкому. Она редко когда смеется. Едва улыбнется и снова сдержанная, даже суровая. Однажды я прямо спросил ее:

— Почему вы не замужем?

— Не до того, — коротко ответила Лиза. И больше ни слова.

Эта ее строгость, серьезное выражение лица и серо-зеленых глаз удерживают собеседника на определенном расстоянии.

Лицо не из красивых, но чистое, черты правильные. Волосы пострижены коротко, почти как у парня. Фигура тонкая, гибкая.

С одной стороны, Лиза вроде бы привлекает к себе, а с другой — как бы отдаляет. Не пойму: нравится она мне или нет.

И все-таки, должно быть, нравится.

27 августа. Село Тугулым

Прошел еще один день.

Было собрание членов волостной избирательной комиссии. Утвердили списки, наметили районы. Старались все предусмотреть, чтобы добиться успеха в работе.

Завтра в девять часов утра по всей волости выборы членов районных Советов. Великий день, великая работа! Как хорошо находиться в самом ее водовороте.

Завтра же, кроме того, партийное собрание, потом — лекция, потом — собрание культурников. Буду проводить мысль о том, что культпросветработа должна быть глубоко партийной. Без этого она не даст тех результатов, на которые мы рассчитываем. Партийность — основа всей и всякой нашей работы.

Яша Горбунов, вернувшись из поездок по деревням Тугулымской волости, с удовольствием рассказывает о революционно-сознательном настроении крестьянства. На собраниях, которые он проводил, высказывались многие.

Проверили списки избирателей по всем 19 селениям волости. Кулаков немного — несколько десятков человек. Но есть бежавшие от Советской власти. Ревкомы лишили их права участия в выборах. Правильно поступили.

1 сентября. Село Тугулым

Четыре часа дня. Быстро собираемся и едем с Яшей в Успенскую волость. Потом допишу.

1 сентября. Село Успенское

11 часов вечера. Наверстываю то, о чем не писал в последние дни.

Пятницу провел в Тюмени. Ездил в политотдел за деньгами. Вместе с Яшей Горбуновым выкупили у тугулымского портного новые кожаные „комиссарские“ тужурки и не осталось ни копейки. Впрочем, нас с Яковом это не особенно беспокоило.

После деревни как-то тесно в политотделе. В тот же вечер сел в поезд и в час ночи был в Тугулыме.

Каждый день встречаемся с Елизаветой Петровной. Я ее сейчас называю Лизой. Но остались на „вы“, отношения прежние.

Гуляли вдоль железной дороги. О многом переговорили. Лиза придерживается серьезных взглядов на жизнь.

Вчера завершил работу в волости. Главный итог — волостной съезд Советов и концерт-митинг для его делегатов.

Делегаты проявляют серьезное и сознательное отношение к делу. Члены исполкома надежны. На них можно положиться.

Концерт был довольно удачен. Публике нравились номера. На митинге я выступил с речью о пролетарской культуре. Вечер провел с Лизой…

Сейчас нахожусь в Успенском. О многом хочется подумать.

Последнее время я часто выступаю с докладами и речами. Чтобы не стать пустым говорильщиком, надо крепко верить в то, за что агитируешь. Я верю, стараюсь сердце вложить в каждое слово. Только такое слово дойдет до людей, поможет им.

По прибытии в Успенское сразу же провел разведку: зашел в маленькую избушку, поговорил с хозяином и немало узнал о здешних богатеях, кулаках и прочих „сильных мира сего“. Эти сведения пригодятся.

2 сентября. Село Успенское

Интересна, но тяжела наша работа. Сегодня очень устал от собрания, которое продолжалось ни много, ни мало — шесть часов. Народ слушал, спрашивал, одобрял и воскресал духом. Нет, не напрасно проводим мы собрания. Только порой хочется отдохнуть. Однако об отдыхе рано думать. Борьба продолжается.

С фронтов — радостные известия. Наши войска взяли Ишим, а красные повстанцы — Томск и Омск. При этом на сторону повстанцев перешли две дивизии белых. Отрадно!

В восемь вечера пойду на первое организационное собрание сочувствующих. Буду рассказывать о программе РКП (б)…

Прерывал записи. Разговаривал с крестьянами. Они только что узнали о нашем с Яшей приезде. Идут со своими думами и нуждами. Завязалась беседа о лошадях, которых подобрали бедняки при бегстве белых. Теперь кулачье оттягало этих лошадей себе. Бедняки опять остались у разбитого корыта.

Но не будет так! Мы заставим богатеев вернуть всех лошадей до последней.

Задыхаюсь от ненависти, когда узнаю о кулацких подлостях. Сколько наслушался я за свою жизнь рассказов о несправедливости кулаков, сколько видел горя и слез в деревне!

О паразиты, гнусное порождение старого гнилого строя! Из-за вашей жадности страдает народ, мучается молодежь.

Час кулацкого владычества пробил. Кончилось ваше раздолье, гады проклятые. И не надейтесь — никогда оно не вернется.

3 сентября. Село Успенское

В два часа ночи пришел с выборов сельского Совета. Завтра еду на выборы в деревни.

4 сентября. Деревня Боровые Вырубки

Какая благодать, лежа на поленнице дров в лесной чаще, предаваться своим мыслям.

Высокие ели и сосны словно шепчутся друг с другом, качая вершинами. Порой пробежит по лужайке белка, вскочит на дерево и быстро взберется на верхушку.

С ветки, удивленно тараща маленькие глазки, глядит на меня пичужка: кто ты такой, что тебе, человеку, здесь надобно? Щебечет громко, тревожно.

Мне хочется сказать:

— Не бойся, милая. И ты, резвая белка, не спеши к вершине. Я не враг вам. Мне так отрадно с вами в густом бору.

Но надо вставать, идти.

Поднимаюсь, и взлетает птица, скрывается в ветвях белка. Я невольно испугал вас, дружки мои. Что поделаешь. Для того чтобы люди могли наслаждаться природой, разговаривать с деревьями и птицами, надо бороться против злобных врагов человечества, надо нести свет революции в самые глухие уголки.

Здешние крестьяне настроены решительно. Гонят прочь паразитов. В страхе перед народным гневом бежал кулак Чауж, выдавший белогвардейским палачам более семидесяти человек. Теперь в деревне есть Совет, которому доверяет крестьянство.

Сегодня провел собрание жителей трех деревень. Выбирали районный Совет. Избраны большевистски настроенные товарищи. Здешние жители не боятся коммунистов. Не то что некоторые крестьяне Тугулымской волости.

Мужики расспрашивали о войне 14–18 годов, о гражданской войне, о сельском хозяйстве. Старался подробно и просто ответить на каждый вопрос. Все хорошо понимали мои слова и соглашались со мной.

Позавчера ночью читал лекцию о программе РКП (б). Окно было открыто, и меня здорово продуло. Сейчас поясница болит, как у старика.

11 сентября. Село Нердинское

Небольшая татарская деревушка. Грязь непролазная. Сбились в кучу маленькие, убогие домишки. Редко когда увидишь порядочное хозяйство. Нищета, бескультурье.

Татары этой волости имеют много земли. Но бедняки, — а таких большинство, — вынуждены сдавать ее богачам.

Был у муллы. Он живет в двухэтажной избе. Имеет лошадей, коров, овец. Семья большая, несколько жен.

Здешние татары сильно пострадали при белогвардейщине. Сейчас поддерживают Советскую власть, всячески помогают нам с Горбуновым. Главная работа уже сделана. Надо кое о чем еще побеседовать с жителями и ехать дальше, в сторону Тобольска.

Целую неделю не прикасался к своей тетрадке. Бывает так: то пишешь каждый день, то словно забываешь.

Еще 5 сентября закончили работу в Успенской волости. Как обычно, устроили концерт. Большую помощь и здесь нам оказало учительство. Впечатление от концерта такое: репертуар приличный, но постановка слабая. Народу было не густо.

В постановке я играл одну из главных ролей. Актер из меня так себе.

Перед концертом рассказал о пролетарской культуре. После концерта играли, танцевали.

Успенский волостной съезд Советов прошел организованно. Председательствовал местный житель товарищ Владимир Грехов. Избрали исполком, а кроме того, делегатов на уездный съезд Советов и народного судью.

По текущему моменту съезд принял боевую резолюцию. В ней записано:

> „Мы, делегаты волостного съезда Советов, приветствуем революционные войска Красной Армии, освободившей нас от рокового гнета и ига белогвардейцев. Мы громко заявляем перед лицом всего трудового народа, что твердо будем стоять на защите прав трудящихся, исполняя и проводя в жизнь все идеалы власти Советов!“

Рано утром 6 сентября с 25-ю рублями в кармане выехали на лошадях в политотдел дивизии. К счастью, застали его в Тюмени. Получил кучу денег. 2000 рублей сразу же послал домой.

В политотделе пробыл два дня. Пуще прежнего тяготила канцелярская суета и толкотня. Рвался скорее в деревню, на живую работу, на деревенский воздух.

Как только выехали из Тюмени, повеселел. Кругом поля, луга — душа ликует. Как раз начинался осенний пролет птицы. Прямо вдоль дороги попадается много озер, а в них полно уток,

особенно — матерых крякв. Эх, если бы ружье!..

На пути лежало Покровское. В нем заночевали.

Знакомое село. Одиннадцать лет назад я прожил здесь больше года. Получилось это так. Отец, окончив в 1908 году военную службу, хотел вернуться к себе на родину, в Камышловский уезд. Однако сделать это сразу не удалось. Пришлось год отработать на фельдшерском пункте в зажиточном сибирском селе Покровском, что на тракте между Тюменью и Тобольском.

Жителем этого села, кстати говоря, был Гришка Распутин. И поныне стоит его большой двухэтажный зеленый дом.

Когда мы приехали в Покровскую волость, там уже проводились выборы исполкома. Народ хотел установить власть Советов, однако не все делалось правильно. Мы вмешались, поговорили с местными товарищами, помогли им.

Встретил своих прежних приятелей по 1908–1909 годам. Не сразу узнали друг друга. К одному из них, Степану Колесникову, ходил в гости. Был невзрачный парнишка — замухрышка, а сейчас — красивый, сильный мужчина. Успел послужить в колчаковской армии, недавно дезертировал. Старший его брат Петр, который не раз лупцевал нас, погиб в рядах белых.

Ночевали у бывшего ямщика Чуланова. Его изба рядом с фельдшерским пунктом. Сразу же признали один другого. Пошли воспоминания, разговоры. Оказывается, здесь многие помнят моего отца, хорошо о нем отзываются.

Наутро заглянул в сельскую школу, где окончил первый класс. С нами занимался дьякон, человек лютого нрава. Бил он учеников нещадно. Однажды поставил меня на колени и тоже пытался ударить. Но я увернулся.

В те годы напротив фельдшерского пункта, в котором мы жили, стоял большой деревянный дом, со всех сторон обнесенный высоким дощатым забором, — „этап“. Сюда партиями пригоняли ссыльных. Они держали путь дальше, на Тобольскую каторгу.

Насмотрелся я тут всякого. Поныне помню, как солдаты били арестованных, обращались с ними хуже, чем со скотом. А ночами — стрельба…

Из Покровского в полдень двинулись в Нердинскую волость.

Утрами было холодновато. Из предрассветного тумана постепенно проступали поля, леса, берега рек, озера. Днем хорошо пригревало сентябрьское солнышко.

На этом кончаю. Надо писать письмо Лизе. Обещал.

12 сентября. Село Караульноярское

Сейчас одиннадцать часов — по здешним понятиям ночь. Только что вернулся из соседней деревни. Ездил с целью агитации за Советскую власть: проводил беседы с крестьянами, раздавал газеты и книги.

На собрание пришла вся деревня, несмотря на то что состоялось оно после трудового дня. Крестьяне с сочувствием говорили о власти Советов, очень интересовались происходящими в мире политическими событиями. За ответы долго и горячо благодарили, звали приезжать еще.

Я удовлетворен сегодняшним собранием.

В деревню после неудачной „эвакуации“, т. е. бегства от Красной Армии, вернулся из Тобольска здешний поп. Мужики встретили его враждебно, кричали:

— Не надо нам его!

— Дьякона поставим!

— Убежал, все промотал, теперь опять обирать приехал.

— Поцарствовал при белых. Хватит!..

Утром с тремя зарядами и шомполкой, взятой у местного охотника, бродил по болотам, неподалеку ют деревни. Потерпел полную неудачу. Дважды промазал. Третьим выстрелом попал в гагару, но ее отнесло сильным ветром, и я не смог достать.

13 сентября. Село Караульноярское

Половина второго ночи. Только что пришел с районного собрания. Выбирали Совет трех селений.

Состоялся долгий разговор на тему „Что нужно знать каждому крестьянину“. Отвечал на множество вопросов.

Мужики смотрят тебе в глаза, и ты чувствуешь их желание поверить тебе, получить долгожданное объяснение. Только кончишь — встает кто-нибудь:

— А скажи еще, товарищ сынок…

Выборы прошли хорошо. Ни одного кулака не выставляли. Избраны середняки и бедняки. Отношение к делу сознательное. Год белогвардейского ига многому научил сибирское крестьянство. Да и работа агитаторов дает свои плоды. Деревня шагнула далеко вперед и неплохо понимает, что такое классовая борьба.

Завтра — волостной съезд Советов. После него — дальше в путь.

16 сентября. Калымская волость

Пишу в татарской деревушке, в которую приехал днем. Кругом леса, сенокосные угодья, болота.

Представители волости ждали меня. Сразу же провели собрание. Создана волостная избирательная комиссия. Завтра — волостной съезд.

Из Калымской волости поеду в село Плехановское, что в семи верстах отсюда. Яков Горбунов уже там.

Среди татар многие говорят по-русски. К просвещению относятся с уважением. А его даст только Советская власть. Народная масса определенно на стороне Советов.

Позавчера написал доклад в политотдел и три статейки в газету. Думаю, красноармейцам интересно узнать о жизни освобожденных ими деревень.

Вчерашний день прошел бесцельно. Тобол, через который мы должны были перебраться, сердито ревел и волновался. Здесь он очень широкий и сильный. Перевозчики-татары старались нам помочь, но ничего не могли поделать. Дождь и сильнейший ветер не стихали. Мы с Яковом промокли до нитки, а толку никакого. Пришлось вернуться и переночевать в соседней деревне.

18 сентября. Село Плехановское

Работу в Калымской волости вчера закончил. Избран исполком и делегаты на уездный съезд Советов.

Интересно работать с татарами. На собраниях никто не молчит. Не заметишь угрюмого или равнодушного. Говорят чинно, долго, с жестикуляцией.

Горе в одном: татарского языка не знаю. Крестьяне меня тоже точно понять не могут. Долго ходим вокруг да около.

На выборах татары выступают дружно и согласованно: избирают бедняков и середняков.

Некоторые жалуются на русских соседей, рассказывают о спорах и ссорах. Разбирался в этих неурядицах. Причины, конечно, не национальные, а хозяйственные. Написал подробную статью в губернскую газету. Очень важно, по-моему, с самого начала Советской власти устранить всякие трения. Люди всех наций должны стать, как родные братья.

Вчера утром попросил у здешнего охотника берданку и несколько патронов, пошел на охоту. Берданка хуже моей, вся на проволочках, на веревочках. После нескольких промахов все-таки пару уток добыл. Старался подобраться к лебедям. Полз не меньше сотни саженей. Подполз, хотел уже вскинуть ружье и вижу: это вовсе не лебеди, а… белая пена, которую ветер

подогнал к берегу.

Завтра — в Тюмень.

19 сентября. Село Плехановское

Утро. Через полчаса едем в Тюмень. Дневник опять пойдет в сумку.

22 сентября. Город Тюмень

В политотделе дивизии меня ждали три письма из дома от семьи и четвертое — из Тугулыма.

Отец завален работой. Настроение у зырянских крестьян неважное. Те, что побогаче, не хотят выполнять требования Советской власти.

Из Тугулыма получил письмо от Лизы. Она пишет о серьезных жизненных вопросах. Письмо хорошее, душевное. И рад ему, и боюсь…

Пишу урывками. Сильно болит глаз, трудно смотреть.

Оставалось еще верст 80 до Тюмени, когда в глаз попала соринка. Боль была невозможная. Но нигде не оказалось ни доктора, ни фельдшера. Выручила пожилая крестьянка. Языком вылизала соринку из глаза. Она уже давно пользует пострадавших, как я, этим способом. Крестьяне окрестных селений хорошо ее знают.

23 сентября. Деревня Гилево

— Снова деревня. Сеем семена нового среди крестьянства. Нелегкая работа, упорная борьба. Много сил нужно положить, чтобы ветер не унес брошенных нами зерен, не развеял их.

Осложняется наша работа еще и тем, что уездные органы неопытны, допускают ошибки, не всегда действуют согласованно. А слухи, вражеские слухи ползут, как туман вечером. Затемняют сознание крестьян, подрывают их веру в Советскую власть. Порой чувствуешь: слова твои проходят мимо тех, кому они предназначены. Хмуро и недоверчиво смотрят мужики. Кажется, махнешь рукой, плюнешь в сердцах: „Да будь ты все неладно!“ — и уйдешь.

Но уйти нельзя. Надо снова и снова бросать семена и ждать, чтобы они дали всходы. Только борьбой, упорством,

настойчивостью можно одолеть недоверие, победить темные слухи. Десятки раз я убеждался: правда все равно рано или поздно восторжествует. Потому что это правда великой народной революции.

Какие бы трудности ни возникали, не стану отказываться от работы в деревне. Буду упорно вести ее до конца.

Так же рассуждает и Яша Горбунов. У нас с ним мысли почти всегда сходятся. Потому мы и сдружились. Как важно, что дело свое мы делаем в дружбе и согласии. Всегда можем начистую поговорить, открыть друг другу душу. Кроме как с Яшей, посоветоваться не с кем. Политотдел далеко, туда, каждый раз бегать не будешь.

Хорошо, что Яша оказался веселым, жизнерадостным товарищем. Никогда не унывает. Любит похохотать. Хохочет до тех пор, пока слезы на глазах не выступят, пока за живот не схватится. И невольно заражаешься его настроением сам.

Яша может спеть веселую песенку, смешно рассказать о каком-нибудь случае из жизни. Не дурак опрокинуть рюмочку — другую (но не больше!).

Напрасно только много курит. Я как бросил после боев курение, так ни-ни. Держу слово…

На фронте дела пошатнулись. Под Ишимом колчаковцы изловчились и прорвали наш фронт. Красным частям пришлось отступить.

На дорогах встречал красноармейцев, санитарные повозки и тылы 29-й и нашей 51-й дивизий. Пишу „нашей 51-й дивизии“, но ведь и 29-я тоже моя, кровная. В ней по сегодняшний день воюет полк „Красных орлов“, а также другие полки 1-й бригады — Камышловский и 4-й Уральский.

4-й Уральский тоже из наших краев. Его сформировали под Шадринском, когда там уже шли бои. Под тем самым Шадринском, на который наш камышловский отряд во главе с товарищем Кучмеем хотел было наступать в июле 1918 года из села Кривского, но попал в окружение и сильно пострадал.

От раненых всегда узнаешь какие-нибудь новости. Сейчас это плохие новости: там-то отошли, там отступили, много жертв, большие потери имущества.

Говорят, что убит товарищ Юдин, незабываемый комиссар нашего 1-го Крестьянского Коммунистического стрелкового полка „Красных орлов“. Последнее время он был комиссаром 2-й бригады 29-й дивизии. Недавно в селе Медведецком Юдина вместе с командиром бригады товарищем Захаровым неожиданно захватил конный отряд Пепеляева. Их подвергли пыткам, мучениям, а потом повесили.

Тяжелая потеря!

Сколько в моей жизни связано с Александром-Алексеевичем, товарищем Юдиным. Это он приучал меня к политической работе, помог выступить с первым докладом 7 ноября 1918 года в Лае. Глядя на Александра Алексеевича, учился я внимательно, по-братски, относиться к бойцам. Если бы не он и не товарищи Ослоповский, Тарских, Ковригин, я бы не поехал на военно-агитаторские курсы в Петроград.

Страшно подумать, какой ценой завоевывается наша победа. Пусть никогда люди не забывают об этом!

24 сентября. Деревня Гилево

10 часов вечера. Только сейчас закончилось собрание. Выбирали районный Совет четырех деревень. Мне пришлось говорить около часа. Рассказывал о новой власти, отвечал на различные вопросы. Удалось убедить мужичков принять постановление об устройстве библиотеки-читальни. Не всегда получается легко с этим делом.

Один древний старичок меня спросил:

— А на нас из-за той читальни налогу дополнительного не наложат?

Я объяснил: расходы на читальню копеечные. Молодежь поддержала: „Не помрем, зато книги читать станем, уму-разуму наберемся“.

Не впервые наблюдаю я такую борьбу „отцов и детей“. Споры возникают чуть ли не по всякому вопросу. Молодые крестьяне, особенно из бедноты, горой стоят за новое, за Советскую власть. Старичкам приходится все больше признавать их роль.

Женщины пока что мало участвуют в новой жизни. На собрания, а тем более на вечера и спектакли ходят. Но всегда молчат или шепчутся между собой.

Мужички садятся впереди, громко говорят, курят. Женщины теснятся где-нибудь сзади.

Но и это наследие прошлого мы одолеем.

27 сентября. Тюмень

Закончили с Яшей работу в деревнях Городовой волости. Название у нее такое, потому что селения расположены неподалеку от города.

Трудно было создавать Совет деревень Комаровой,

Патрушевой и Ожогиной. На общем собрании перво-наперво крепко поспорили насчет сельскохозяйственной взаимопомощи. Наконец после криков и шумных споров приступили к выборам Совета.

И тут „отличились“ патрушевские крестьяне. Как кого назовут кандидатом, встает и заявляет: — Отказываюсь!

Или начинают кивать один на другого:

— Я свое отслужил. Теперь твоя очередь.

— Я тоже служил. Давай-ка ты послужи.

И так, кажется, конца не будет. Полтора часа без толку разговоры разговаривали, воду в ступе толкли. С грехом пополам избрали Совет. А на утро председатель последними словами стал честить своих избирателей: „Ах, вы такие-этакие, зачем в Совет выбрали“.

Вот тебе и избранник. Такого позорного отношения к общественному делу я еще не встречал. Да и вообще от собрания осталось неприятное впечатление.

Картины общественной жизни деревни, которые я наблюдал еще перед выборами, поразительны. С утра до вечера в квартире временного председателя волостного Совета было полно народу. У всех жалобы на потраву полей. Крики и ругань невообразимые. Бесконечные упреки в воровстве друг у друга снопов и даже намолоченного хлеба.

Почтенного вида мужичок слезливо рассказывает, как у него убили в поле свинью, которая разворошила кучу зерна. Не успел он закончить, в избу, запыхавшись, вбегают двое новых жалобщиков: чьи-то жеребята травят у них овес. Этих сменяет еще один. С горестным видом он рассказывает, как его сосед загнал к себе жеребят и хочет за потраву овса уморить их голодом.

Понять, кто прав, кто виноват — невозможно.

На собрание из Патрушевой явилось меньше половины жителей, хотя проводилось оно ночью, дабы не отрывать мужиков от полевых работ. Крестьяне отсиживались дома, боясь, как бы не избрали в Совет. Даже с собрания иные удирали, я бы сказал, дезертировали.

Возмутило меня все это до глубины души. Кто же, кроме мужиков Патрушевой, будет выбирать для них власть? Как велика еще темнота, отсталость, если этого не могут понять. Не удивительно, что такой хаос в крестьянском хозяйстве.

Нет, со старой мудростью „моя хата с краю“ в наше время не проживете, товарищи крестьяне из Патрушевой!

Обо всем этом я написал статью в „Известия Тюменского Ревкома“.

А в соседнем районе выборы прошли хорошо. Крестьяне

отнеслись к ним здраво, толково. Сразу же организовали библиотеку-читальню.

…На улице грязь, слякоть. Дождь льет не переставая. Рано началась осень.

Завтра нам с Яшей проводить волостной съезд Советов. Потом мне выступать на митинге.

30 сентября. Тюмень. Госпиталь № 1086

27-е число для меня оказалось несчастливым днем. Угодил в госпиталь. Болит желудок. Болит и перед едой, и во время еды, и после. Но вряд ли госпиталь поможет. Лечение скверное, пища плохая.

Одно утешение: немного передохну. Очень измотался за последние дни и сильно простыл. Но залеживаться не собираюсь.

Работу в Городовой волости можно считать пока что законченной. Организовано пять библиотек-читален, десять Советов и волостной исполком.

Мне попались „Известия Тюменского ревкома“ с заметкой о нашей работе в Городовой волости. Она не во всем точна. Перепутана Яшина и моя роли. Но все-таки любопытна. Я решил ее сохранить[4].

> „РАБОТА АГИТАТОРА-ОРГАНИЗАТОРА ГОРБУНОВА
>
> 23 сентября Горбунов был командирован в Городовую волость для организации Советов.
>
> Прибыв в волостной ревком, ознакомился с положением дел. Затем вместе с тов. Голиковым, его же агитатором-организатором, отправился по районам. В Букинском районе было созвано общее собрание, на котором производились выборы Совета и разъяснялись крестьянам организация Советской власти, организация и задачи Красной Армии, взгляд Советской власти на коммунизм и сельхозартели, хлебная монополия и др.
>
> Крестьяне слушали внимательно и с большим интересом.
>
> После доклада лица крестьян прояснились, так как рассеялись все сомнения, навеянные пребыванием в течение года под ярмом Колчака.
>
> В деревне агитаторы узнали о недовольстве крестьян горожанами, которые выпускают на их поля скот. Крестьяне неоднократно обращались в городскую милицию с жалобами, но милиция мало обращает

внимания на искоренение этого зла. Не мешало бы кому надлежит обратить на этот вопрос самое сугубое внимание.

Трения возникают также с проходящими частями, которые забирают сено без разрешения Совета. Такие заявления приходится встречать часто, поэтому необходимы пресечения.

Не мешало бы разъяснить вопрос по оплате труда президиума Советов, так как деревня отказывается оплачивать своих выбранных.

28 сентября состоялся волостной съезд Советов, на котором избран исполком“.

Хорошо, что в заметке говорится о недостатках и недочетах. Это должно помочь искоренению их…

Вчера в городской фотографии получил карточки. Снимался в кожаной тужурке. Снимок мне не очень-то нравится. Один послал домой.

Только что заходил доктор. Борода, усы, пенсне на черном шнурке. Потыкал пальцем в живот: „Здесь болит? Здесь болит? А здесь?“ И ушел. Наверное, думает, что я от его вопросов поправлюсь.

2 октября. Госпиталь № 1086

Лежу в постели. Пью sodium bicarbonate[5] четыре раза в сутки. Два по назначению доктора, два — самовольно. Надеяться на лекарей не приходится. Мажу себе йодом глотку, т. к. она сильно болит. Фельдшерица, обегая больных, тоже мажет. Язык стал коричневый.

Смех и горе. Доктор с серьезнейшим видом выписывает acidum boricum[6] и два раза в сутки быстро обходит палаты, едва успевая на ходу спросить больных: „На что жалуетесь?“. За ним семенит фельдшерица с пузырьком йода в руке.

Вот и все лечение.

Смертность в госпитале порядочная: в сутки умирает 3–4 человека.

Сегодня у меня в истории болезни фельдшерица пометила: температура 36,1. А градусник даже не ставила. Потом я померял сам. Было 37.

Кормят скверно. Ржаной хлеб, как правило, сырой.

В палате — стоны, шум. Воздух спертый. Люди хотят жить, надеются на помощь. Но помощи и лекарств мало. Чувствую, что

долго здесь не выдержу, сбегу.

Читаю сочинение товарища Ленина „Империализм как высшая стадия капитализма“.

10 октября. Город Тюмень

Последние дни прошли так.

7-го выписывался из госпиталя и бездельничал.

8-го — баня, письма.

9-го — работа. В красноармейской части читал лекцию „Война белых и красных“. Потом выступал в кинематографе „Гигант“ на тему „Покушение контрреволюционеров на наших вождей“.

Смотрел кинофильм „Товарищ Елена“. Его снимали в 1917 году на киностудии „Скобелевского комитета“ вскоре после свержения царизма. Мне фильм понравился. Особенно хорошо играет Юренева роль Елены Чернецкой и Терехов роль Литарева.

Товарищ Елена очень любила своего мужа. Но без колебаний убила его, когда узнала, что он сотрудничает с тайной полицией и выдает революционеров.

В зале было около семисот красноармейцев. С большим энтузиазмом они просмотрели фильм и прослушали мою речь. Все громко хлопали, кричали: „Ура“, „Смерть врагам рабочих и крестьян!“.

Сегодня днем, стоя на крыше, читал лекцию „Власть Советов“. Было четыреста человек. Потом опять „Гигант“, опять выступление.

У красноармейцев, как я убедился за эти дни, боевой и твердый дух.

В Москве раскрыт заговор кадетов под названием „Национальный центр“. Расстреляно 67 человек — бароны, князья, помещики, генералы. Туда им и дорога.

Вскоре после раскрытия этого заговора, там же, в Москве, в Леонтьевском переулке, в здание, где проходило заседание партийных работников, была брошена бомба. Есть убитые. Например товарищ Загорский — секретарь Московского Комитета РКП (б). Среди раненых товарищ Ольминский, Стеклов и другие.

Жалкие убийцы из-за угла! Убийцы вождей пролетариата!! Смерть гадам!!!

Жестокая схватка с буржуазией продолжается. В то время как Деникин, взяв Курск, движется на Орел, контрреволюционеры точат нож в тылу, чтобы нанести удар в спину Советской власти. Но негодяи просчитались. Их планы не сбудутся. Семьсот

заговорщиков арестовано накануне дня их выступления.

Крепче пролетарские ряды! Выдержка и месть! — вот наш ответ врагам.

Получил сегодня мандат на работу в Кулаковской волости. Мы теперь действуем в согласии с губернскими органами. Подписавший мой мандат заведующий Губернским отделом управления товарищ Горностаев мне показался солидным работником. Лет на 10 старше меня.

Еду один и без оружия. Теперь мое оружие — слово.

13 октября. Село Кулаково

Хочется о многом написать.

Кулаково — большое пригородное село. Мужчины занимаются хлебопашеством, кустарничеством. Приторговывают. По слухам, кое-кто не брезгует и воровством.

Было довольно много кулаков (не в их ли честь название села?). Самые крепкие богатеи бежали с белыми. Это неплохо во всех отношениях. Несколько больших домов освободилось и можно устраивать библиотеку, читальню, клуб.

В „Известиях Тюменского Ревкома“ я недавно прочитал статью здешнего жителя П. Т. Елистратова о том, что здесь творили колчаковцы. В статье этой все изложено очень убедительно, и я хочу, чтобы она осталась в моем дневнике.

> „…24 сентября 1918 года был вызван в волость. За судейским столом сидели дьякон соседней церкви, псаломщик, один крестьянин, да еще кулачок — волостной старшина.
>
> Эти люди составляли волостную следственную комиссию. Крестьянин считался председателем. Обращаясь ко мне, он сказал: „Вы, Елистратов, обвиняетесь в грабежах совместно с красноармейцами“. Я стал настаивать, чтобы они допросили население, и они после допроса нашей деревни не нашли за мной никакой вины, кроме того, что я работал по выбору в крестьянском отделе при Тюменском Совете. Однако через три дня снова меня призвали в волость. Председатель Зырянов объявил: „Вы, Елистратов, арестованы“. Дьякон повышенным голосом сказал: „Вы обвиняетесь как большевик и агитатор против Временного правительства. Завтра же направить его в тюрьму“. Приказ дьякона был исполнен. Я попал в

уездную Тюменскую тюрьму.

Не буду описывать все детали тюремных порядков, напоминавших времена Ивана Грозного. Надзирателям была дана полная власть бить, чем попало. Без всяких причин сажали в карцер, всего больше женщин, которыми распоряжалась старшая надзирательница Тюменской тюрьмы Серафима Бессонова.

„Параши“ в камерах были постоянно. Камеры открывали не более трех раз в день, прогулок не было месяцами, матрацев на 50 человек — один, белье и баня — не более трех раз за одиннадцать месяцев.

Прошения и жалобы вовсе не принимались во внимание. В камеру, которая рассчитана на 30 человек, вмещали по 90 и 100 человек, а в одиночные — по 7 и 8.

Около 25 декабря 1918 года через Тюменскую тюрьму пересылались партии взятых в плен красноармейцев и арестованных на местах из числа сочувствующих Советской власти товарищей. Мороз был 35–40 градусов. А обувь с красноармейцев снята и заменена лаптями, шинельки и остальные вещи получше также заменены тюремным тряпьем. В таком виде под усиленным конвоем арестованных погнали на Тобольск. Люди шли по сугробам снега, полунагие, среди бушующей зимней метели, почти голодные. Пришла из них только половина, да и те полуживые.

Около 10 января на Тобольск гнали новую партию в 85 человек. На другой день троих вынесли из камеры уже мертвыми, 30 человек унесли в больницу, и в конце концов из 85 человек в живых осталось только 3.

После восстания тюменских рабочих в ночь на 14 марта 1919 года было выведено из тюрьмы и расстреляно 8 человек. Многих заковали в кандалы. Из контрразведки в тюрьму приводили измученных пыткой людей, которые не могли сидеть после того целыми месяцами.

28 июля более 1000 человек вывели из тюрьмы и поместили на баржу для отправки в Тобольск ввиду приближения красных.

На барже находились и пленные германской войны — мадьяры и австрийцы, которые работали на наших полях. Колчак нашел нужным арестовать и их…

По счастливой случайности мне лично удалось бежать с баржи.

Когда прощались в камерах перед отправкой в

Тобольск, мы все поклялись: кто останется жив, отдать свои последние силы на борьбу с угнетателями. И я, один из спасшихся, призываю всех рабочих и крестьян Сибири к дружной совместной работе, чтобы помочь борющимся братьям, идущим по пятам белой банды, чтобы спасти нашу залитую кровью страну.

Деревня теперь нуждается в рабочих руках: хлеб сыплется. Идите к нам на помощь.

Крестьяне в благодарность раскроют свои амбары. Они дадут хлеба армии и мирным гражданам. Но для предупреждения появления в деревнях скупщиков и спекулянтов необходима общественная организация в этом деле.

Да здравствует честный труд!

Крестьянин села Кулаковского П. Т. Елистратов“.

Когда я первый раз прочитал эту статью, мне вспомнилась беседа с одним уральским крестьянином минувшим летом при подходе к Перми.

— Ну, что же, дедушка, — спросил я его, — кто лучше, белые или красные?

Старик помолчал, посмотрел мне в глаза, потом ответил:

— Ты смеяться вздумал, товарищ?

— Нет, — говорю, — всерьез.

— А коль всерьез, то слушай. Нас времечко кое-чему научило, знаем теперь, чья власть мужику нужна. Колчак, он нам образование дал. Ведь не то, чтобы коммунистов, никого не щадил. Пришли беляки в нашу деревню — все грязные, оборванные, жадные, как саранча. Прожили день — тихо, два — тихо. Никого не трогают. Ну, вот, думаем, все будет в порядке, в спокойствии. Потом вышел от них первый приказ — собрать 15 пудов печеного хлеба. А где нам его взять, сами кое-как на овсянке перебиваемся. Конечным делом, не дали мы хлеба. На другое же утро, чуть свет, бац — второй приказ: всему мужскому населению явиться к коменданту. Пришли. Так вот, родименький, девять мужиков схватили и выпороли. Их секут, а комендант рядом ходит, приговаривает: „Покрепче, по-ядренее“. Про баб-то наших не слыхал?

— Нет, — признался я.

— Их не хуже мужиков избили, да еще надсмеялись.

— За что же так?

— Молоко не принесли…

Потом я поинтересовался судьбой советских работников, оставшихся дома. Старик рассказал, как издевались над

председателем, как забрали у него хлеб, скотину, как избивали, а потом посадили в тюрьму. Где сейчас председатель, никто не знает.

— Разве же все, касатик, припомнишь, что понаделали эти изверги рода человеческого.

Старик опустил седую голову. Я не утерпел:

— Надо бы все припомнить.

В ответ мой собеседник только посмотрел на меня скорбными глазами.

Колчаковцы своими издевательствами сами агитировали народ за Советы. Из здешних жителей несколько человек ушло добровольно в Красную Армию.

В селе имеется партячейка, правда слабая. Стараюсь помочь ей, чем могу. Вчера два часа беседовал с мужиками в сборне о программе и задачах РКП (б). Крестьяне интересуются кооперативным способом улучшения жизни. В селе существует „Союз кустарей“, производит сани, телеги. Работа на условиях найма, сдельная. Правление свое, из кустарей. При „Союзе“ — общество потребителей под названием „Рубль“.

Провел собрание членов исполкома, помог организовать его работу по отделам. Вынесли постановление об открытии общественной библиотеки-читальни. На праздник Октябрьской революции решили устроить манифестацию-митинг.

Вообще народ здесь активный, боевой. Собрание молодежи прошло в революционном духе. Приняли резолюцию: всем, кто может держать оружие, выступить на защиту Октября. Под резолюцией подписалось даже пять девушек.

Меня особенно радует молодое поколение крестьян. Оно начинает жизнь с чистой верой в Советскую власть.

14 октября. Село Кулаково

По старому стилю сегодня Покров день.

Едва проснулся, сел за дневник. Потом уже не будет времени. К вечеру так намотаешься, что карандаш в руках не удержишь.

Утро чудесное. Солнце залило все ярким светом, словно не последние дни осени, а первые весенние дни. В такое бы утро за зайцами да тетеревами. Или побродить по речке.

Вчера ночью состоялось организационное собрание сочувствующих. Записался 21 человек.

Сегодня будет собрание женщин.

Сейчас подумал: что бы записать про свою личную жизнь? И убедился — нечего. Нет у меня личной жизни. Откуда ей взяться?

Был гимназистом, сам занимался, других учил, зарабатывая себе на хлеб. Потом бои, походы. Разрушаем, чтобы созидать! В борьбе, работе и проходит вся моя жизнь.

Но я об этом не жалею. Верю: мы создадим лучший мир, в котором счастлив будет каждый трудовой человек.

14 октября. Село Кулаково

Прежде чем лечь спать, хочу коротко записать о недавно закончившемся весьма оживленном женском собрании.

Народу собралось много. Тетушки быстро освоились, шумели, смеялись. Задавали иногда такие вопросы, что я только отшучивался. Оставайся, говорят, сынок, мы тебя быстро женим.

Но это все шуточки, а была и серьезная беседа. Женщины всем интересуются, обо всем расспрашивают. Ты им изволь ответить и когда война кончится, и когда мужики вернутся, и как будет с налогами, и можно ли в церковь ходить — детей крестить, венчаться, собороваться, отпевать покойника, и как насчет керосина, спичек, сахарку, ситчика, и дадут ли „фершала“, и почему мала школа, нет букварей, и когда выгонят жулика-приказчика из потребительской лавки, и правда ли, что на землю явится антихрист?.. Всех вопросов не упомнишь.

Горячо интересуются политикой. Расспрашивают о партии, о коммунах, о товарище Ленине.

Меня обрадовала такая активность. Чем сознательнее народ, в том числе и женщины, тем крепче наша власть Советов.

Ложусь спать. Завтра надо пораньше встать и отправляться в Тюмень.

20 октября. Село Покровское

Грешен я перед дневником. Забросил его. Целую неделю не притрагивался.

15-го приехал в Тюмень, а политотдел уже в Покровском. Расстояние невелико — 80 верст, но добирался полтора суток.

Наши части наступают вновь. В дни сентябрьской неустойки мы вынуждены были отойти от Тобольска, и теперь в боях за него отличился 10-й Московский полк.

На дорогах все еще беспорядки, подводная повинность подорвана.

Да, сейчас я знаю точно и даже с некоторыми подробностями о героической гибели товарища Юдина. Мысль о нем не выходит

из головы. Вот ведь человек был! Смелый, принципиальный, твердый. Всегда с массами — и в радости, и в горе. Особенно же, когда людям трудно. Ему не нужны никакие блага, никакие удобства. Только бы быть с народом, жить с ним одной жизнью.

Сам он — сибиряк. Работал в Кургане на разных предприятиях. Много хлебнул тяжелой жизни. Перед Октябрьской революцией стал большевиком и был верен партии до последней своей минуты. Когда его, измученного пытками, белогвардейцы подвели к виселице, он крикнул столпившимся вокруг крестьянам:

— Бейте врагов Советской власти! Идите за Коммунистической партией, за товарищем Лениным!

Вспоминаются разные случаи… Комиссар Юдин впереди других с наганом в руке идет в атаку… Товарищ Юдин, как брат и друг, беседует с бойцами.

Я помню, какую большую помощь оказывал наш военком товарищу Ослоповскому и как умело он делал это. Словно бы незаметно охлаждал излишне иной раз горячего командира полка, подсказывал ему правильное решение.

Вечная память и вечная слава доблестному бойцу нашей партии, политработнику-массовику, другу бойцов и командиров!

С 18 числа нахожусь в Покровском. Помогаю исполкому наладить дела. Агитирую. Создаю ячейки и библиотеки. Обычная работа рядового строителя новой светлой жизни.

А бывают минуты — с трудом удерживаешь себя от» того, чтобы не схватить ружье и не уйти в лес, на охоту. Меня всегда притягивают леса, долины. Но обуздываешь себя, говоришь — нельзя. Еще не пришло для этого время.

Борьба разгорается все сильнее. Если банды Деникина, взяв Орел, рвутся на красную Москву, то наш долг здесь, в Сибири, напрячь все усилия и скорее победить Колчака.

Вчера познакомился с одной любопытной девушкой. Она — моя ровесница. Жизнь ее наподобие моей. Рано возненавидела «высший свет» и «блестящее общество». Душа потянулась к борьбе.

В семье — пролетарская атмосфера. Отец, слесарь-революционер, открыл дочери глаза на жизнь трудящихся и жизнь богатеев. Месяц тому назад девушка влюбилась в красного солдата, который проездом на фронт пробыл здесь три дня.

Мне показалось (могу судить по ее рассказу), что боец валял дурака, шутил с доверчивой и честной девушкой. А она влюбилась по уши. Все время думает о нем, вспоминает его поцелуи.

Дала мне почитать свой дневник. Суть его я бы определил

так: «Пойду с ним, пойду за ним! Куда угодно и когда угодно. Пусть далеко, пусть останусь одна. Душа рвется вперед и вперед!».

С ее разрешения я написал в ее дневнике несколько строк. Смысл их примерно таков: жизнь — самое лучшее, самое ценное, чем мы владеем; надо жить не в тумане, а с ясно понятой целью.

Она прочитала, крепко задумалась.

Задумался и я. Ведь я сам еще молод, меня самого надо учить, а уже даю другим советы…

Написал письма Лизе и домой.

20 октября. Село Усалка

Ночь. Половина первого.

Проделали от Покровского четырнадцать верст и оказались в селе Усалка.

Приехал сюда часов в пять вечера. Остановился на квартире, которую уже занимали красноармейцы. Они по-товарищески пригласили меня обедать, до отвала накормили мясом и пельменями.

Потом отправился в сельский Совет. Разобрали там ряд вопросов.

Собрание крестьян продолжалось часов пять. Помещение сборни переполнено. Все курят. Свет от сальника едва мерцает. Открыть двери или окна нельзя, так как на улице уже холодно.

Хоть и устал крепко, но доволен. Мужики расшевелились. Им теперь до всего дело. Расскажи о деньгах, о коммунистах, о налоге, о фронте.

Никто не уходил до тех пор, пока я не ответил на все вопросы.

Просыпается, пробуждается деревня, тянется к свету революции. Сельский Совет работает без передышки. Советчики извелись вконец. Председатель в чахотке, но не оставляет своего поста. Выбивается из сил, однако в каждую жалобу, в каждое заявление вникает сам. Это истинный слуга народа и революции. Вот кому нужно поклониться с уважением.

27 октября. Село Покровское

После агитационной поездки в Усалку побывал еще в двух деревнях — Монастырской и Подбулыге. Вспомнил, как в 1908 году по этой же дороге из Покровского шел с отцом, который был

вызван к больному. Дорога показалась мне тогда длинной и трудной.

В деревнях беседовал с крестьянами, прочел 2 лекции. Тема первой — «Коммунистическая партия, ее теория и практика». Вторая лекция — «Что нужно знать каждому».

Выступал и в красноармейских частях, которые стоят в Покровском. В Красной Армии с 25 октября проводится партийная неделя. После моего выступления записалось в партию 18 красноармейцев. В следующий день — еще больше. Всего на собраниях, на которых я был, записано в партию свыше ста человек. Уверен, что в основном это хорошие товарищи. Они становятся членами партии, чтобы еще сильнее и крепче биться за ее дело.

Второй день уже заседает волостной съезд Советов. Вопросов, которые требуется обсудить, набралось много: текущий момент и задачи Советов, отчет волостного исполкома, реорганизация районных Советов, утверждение ставок жалованья членам Советов и изыскание для этого необходимых средств. Я выступал с докладом о текущем моменте. Выслушали меня внимательно и вынесли такое постановление:

> «Встать на защиту Советской власти и рабоче-крестьянской республики всеми имеющимися силами. Приветствовать доблестную Красную Армию. Приветствовать Коммунистическую партию, которая ведет трудящиеся массы на решительную борьбу за освобождение от ига капитала».

29 октября. Село Созоновское

Летаю по уезду, как метеор. Сейчас семь утра. Коротко запишу кое-что.

Вчера получил от товарища Басманова распоряжение ехать в село Созоновское (верст тридцать от Покровского в сторону Тюмени). Задание такое: урегулировать взаимоотношения исполкома и коменданта этапа. Кроме того, в отправительной бумажке сказано: «Выяснить физиономию исполкома». Что ж, буду выяснять.

Осень сменяется зимой. На улице снег. В прошлое отошло славное, солнечное лето, которое запомнилось мне по нашему пребыванию в Вятской губернии и Уральской области.

Если верить слухам (а в них порой немало правды), мы поедем в сторону Тобольска. Дальше от своего дома, но ближе к

желанной победе.

Наступление белой гвардии провалилось. Колчак снова отступает по всему фронту.

Начинают колошматить и Деникина. В «Красном набате» недавно писали, что под Воронежем наголову разбито восемнадцать деникинских полков. Значит Москве, нашей красной столице, не угрожает опасность!

К зиме, к Новому году, нужно с врагами покончить и приступить к светлой, мирной жизни…

Продолжаю днем. Сейчас три часа. Забежал на квартиру перекусить. Пока ел, перелистал дневник. Многое из того, что я думаю, переживаю, отразилось в нем. Но все-таки какая это малая толика моей жизни и жизни, которую я наблюдаю каждый божий день. А сколько слышу рассказов, историй, былей и небывальщины. Сколько картин проходит передо мной.

Постараюсь писать более подробно. Вот бы только времени побольше…

Давненько не получал писем из дому.

Все время жду писем из Тугулыма от Лизы. Чем это объяснить?

6 ноября. Село Покровское

Завтра — великий день Октябрьской революции.

Уже два года, окруженная классовыми врагами, стоит рабоче-крестьянская Россия, как маяк, возвещая всему миру грядущую победу угнетенного человечества. Со всех концов земного шара виден этот маяк мировой революции. Глядя на него, усиливают свою борьбу труженики разных стран.

Два года истекает кровью могучая пролетарская Россия, отбивая яростные атаки озверелого врага. Атаки эти не захлестнут, не победят новую Россию, потому что в центре ее, подобно гранитной скале, высится Коммунистическая партия. Грудью отражает она бешеный натиск контрреволюции, делаясь все тверже, несокрушимее, возвещая всем, всем, всем близкую победу светлой новой жизни над мраком угнетения, рабства и нищеты.

Силы партии множатся, потому что в ряды ее вливаются все новые бойцы, те, что готовы отдать свою жизнь за благо трудящихся. В партии увидели они единственную защитницу прав народа, прав угнетенных и обездоленных.

8 ноября. В пути

Праздник прошел. Была манифестация, потом митинг.

Сегодня едем дальше, в глубь Сибири. Наши войска неудержимо продвигаются вперед и вперед.

Для меня вчерашний день — праздник вдвойне. Получил несколько писем. Отец пишет, что избран в члены Екатеринбургского губисполкома. Уезжает работать в Екатеринбург. С ним вместе мой братишка Валя. Будет там учиться.

Небольшое письмишко прислал деревенский друг Иван Зиновьевич Голиков. Странный человек, жалуется на скуку.

Несколько слов написала дочка нашего соседа в Борисовой.

Два интересных хороших письма от Лизы.

Особенно радовался письму от Грибуськи Донова, моего гимназического дружка. Долго ничего не знал о нем. Оказывается, жив и здоров. По этой причине вчера весь день чувствовал себя именинником, дурачился, прыгал, скакал.

И на митинге выступал. Митинг, на мой взгляд, прошел отлично.

Как только политотдел доберется до места стоянки, я отправлюсь во 2-ю бригаду. Вместе со мной два агитатора. Поедем поближе к фронту.

10 ноября. Деревня Бучинская

Деревушка маленькая, вокруг безбрежные леса Сибири. Живут здесь сыто, но тьма — кромешная.

Отъехали от Покровского верст семьдесят. Дорога хорошая. День прекрасный. Однако в санях из-за мороза долго не усидишь. Особенно зябнут ноги в сапогах. Соскочишь, попляшешь и снова в сани. Зимний ветерок щиплет щеки, заставляет ежиться.

Впервые за всю походную кочевую жизнь меня везет не мужчина, а молоденькая девушка. Звать ее Нюра Цолокитина. Она настоящая сибирячка, мороз ей нипочем.

12 ноября. Село Плетневское

Отмахали еще семьдесят верст. Из густого, величественного сибирского леса выехали на укрытые снегом равнины Ишимско-Ялуторовского уезда.

Крестьянство здесь в большинстве своем крепкое, зажиточное. Но и ему Колчак, что кость в глотке. Мужики, натерпевшиеся от белогвардейцев, встречают Красную Армию

приветливо, с хлебом и солью. Кормят-поят нашего брата от души, ничего не жалеют.

15 ноября. Село Кротовское

От Плетневского уже в восьмидесяти верстах. Политотдел ушел дальше, а меня оставили здесь на неделю. Надо помочь в организации волисполкома, партячейки, молодежного союза, наладить культурно-просветительную работу,

Голод и лишения местным жителям мало знакомы. Но темнота страшная. Просвещение едва коснулось здешних мест. А ведь одной сытости людям мало.

Настроение народа, особенно после того как недавно здесь побывали белые, революционное. Но, конечно, еще очень сильны житейские предрассудки. Превратно судят о коммунистах, о нашей политике и борьбе.

Работы здесь — партийной, просветительной и административной — непочатый край. Работа эта уже началась, и видны ростки новой жизни.

Вчера был на заседании сельского Совета. Товарищи толково разбирались в сложных вопросах. Судили о различных делах строго и прямо, как требует того революционная совесть.

Члены Совета — люди еще не старые. Но все с бородами. Так тут заведено.

Сегодня долго толковал с мужичками о «коммунии». Спрашивали о самых разных вещах. Как мне кажется, столковались. Крестьяне в конечном счете согласились с тем, что аннулирование колчаковских денег было необходимо. А ведь сколько спорили об этом!

На общем собрании разбирался любопытный случай. Один старик обратился к «обществу» с просьбой освободить его сына, которого арестовали за то, что он написал воззвание против Советской власти. Председатель сказал мужикам:

— Ваша власть, вам и решать.

Крестьяне высказывались свободно, резко, без всякой боязни. Они напомнили старику, как он и его сын вели себя при белых, как грабили односельчан.

— Так что же, — спросил председатель, — освобождать или нет? Враг он народу или друг?

Все закричали:

— Враг! Его место — в тюрьме!..

Это очень хорошо, что крестьяне сами во всем разбираются.

Намереваемся 19-го поставить в селе спектакль. Удастся ли?

Больно уж пассивна здешняя интеллигенция, никакого интереса к работе. Надо бы ее встряхнуть.

19 ноября. Село Кротовское

После 15-го не удавалось сесть за дневник. Ни минуты свободной. Потерял счет собраниям. Но одно из них запомнилось. Это собрание культурно-просветительного кружка. На нем разгорелся спор с попом-саботажником. Поп хитрый, велеречивый. Сыплет высокопарными словами. Хочет, гад, убить интерес к культурно-просветительной работе. Зачем она, дескать, потребна, когда надо о душе заботиться, о царствии божьем думать, и т. д. и т. п.

Но как поп ни вилял, ушел побежденным.

Вчера на общем собрании, где было человек двести, снова принялся за свое «царство божье». Но и здесь ничего не получилось.

Люди уже совсем не те, что были прежде. Их теперь не так легко провести…

Пишу утром. Кончаю, надо идти в ревком.

20 ноября. Село Кротовское

Так вчера и не завершил запись. Ушел в ревком, там много всяких дел. Под вечер репетировали пьесу украинского писателя Кропивницкого «По ревизии». Пьеса против сельских тунеядцев и взяточников, которые при царизме угнетали крестьян на Украине.

Спектакль состоялся вечером. Народу было полным-полно. Представление всем понравилось. Дружно хлопали.

Я тоже участвовал в спектакле. Исполнял роль «головы».

Молодежь долго не расходилась: играла, пела, писала «почту». Было весело, легко. Мне понравилось. Да и всем, кажется.

Стоило только захотеть, решительно приняться за дело — и спектакль получился. Больше всего помогло в этом сельское учительство. Культурно-просветительный кружок нанес удар по попу. Тот даже сам признался, что был не прав. Но я не уверен, что это искренние слова.

Днем присутствовал на волостном съезде. Отличительная черта его — прямота и революционность выступлений. Когда один делегат не проявил определенности, его лишили мандата. Боюсь, товарищи погорячились.

Речь на съезде шла о текущем моменте, о задачах Совета и о колчаковских деньгах.

На съезде и среди крестьян я чувствую себя свободно.

Сегодня еду дальше, в Нижне-Николаевскую волость.

24 ноября. Село Тушнолобовское

Отсюда до Ишима верст сорок.

В Нижне-Николаевскую волость приехал 20-го вечером и сразу попал на волостной съезд. Проводил съезд наш агитатор товарищ Васильев. Но ему одному никак не удавалось справиться с собранием — шум, галдеж, никакой организованности. Принялись за дело вместе. Главная наша опора украинцы-переселенцы. У них наиболее революционное настроение. Хорошо с ними поговорили, крепко их раскачали.

21-го и 22-го провел в дороге. В селе Абадском встретил товарища Басманова. Он направил меня в Тушнолобовскую волость. Здесь я и нахожусь уже второй день.

За два дня до моего приезда крестьяне сами организовали здесь ревком, в котором три члена. Разбираются в делах еще с трудом. Помогаю на первых порах. Назначили волостную избирательную комиссию из трех человек. Рассказал ей, чем и как она должна заниматься.

Помог ревкому издать приказы: № 1 — о сдаче оружия; № 2 — о формировании милиции; № 3 — об учете бродячего скота; № 4 — об описи брошенных хозяйств.

Вчера выступал на агитационном собрании. Говорил о текущем моменте, о гражданской войне, о сельскохозяйственных коммунах. Присутствовало около ста крестьян. Мою речь приняли хорошо, по-революционному. Потом многие сами брали слово. Вовсю материли офицеров карательных отрядов и попов. Особенно крепко честили одного «старца» — организатора «дружины святого креста».

Ненависть к врагам революции в этих краях огромная. Сюда частенько наведывались карательные отряды. Здешние мужики никогда не забудут о палаческих преступлениях белых банд…

Омск наш! Масса трофеев. Одних снарядов — полтора миллиона. Красные полки безудержно идут вперед, освобождают города, деревни и просторы Сибири.

С западного фронта тоже радостные вести. Взят Гдов. На Южном — бежит Деникин.

Скоро грянет час полной победы в кровавой борьбе.

В четверг закончу здесь работу и буду нагонять дивизию.

Прошел слух, что ее могут перебросить на Южный фронт.

Только бы не свалиться, не заболеть. Третий день преодолеваю слабость. То в жар бросает, то озноб бьет. Но нельзя поддаваться. Надо работать, выступать… Минутами все плывет перед глазами. Стиснешь зубы, еле держишься… Что-то странное происходит со мной. Неужели не одолею болезнь?

31 ноября. Город Тюкалинск

Домотался, Филипп. Свалил тебя тиф. Ну, ладно. Лишь бы известили мать о дате… помер, если случится[7]…

1 декабря. Город Тюкалинск

Вчера температура была сорок градусов. Томительно долго тянулась ночь.

Лекарств не дают. Их, говорят, и нет в госпитале. Смерть не страшна, но она просто не нужна. Мало прожил и мало сделал… А дома столько родных, близких, знакомых. Я должен их видеть…

Сегодня хочу ехать в Ишим. Надо спешить отсюда.

Появилась сыпь. Особенно заметно на левой руке.

4 декабря. Станция Ново-Называевская

Перевезли На новое место. Говорят, недалеко от Омска. Лежим на полу в переполненной комнате пристанционного здания. Все тифозные. Лечение — один порошок в сутки. Силы убывают.

А ведь в Тушнолобовском я ходил, работал, когда был уже совсем больным. Едва добрался до волостного правления.

14 декабря. Город Тюмень

Третий день лежу в городском госпитале. Всего же болею сыпным тифом уже 18-й день. Сейчас наступило выздоровление. Болезнь, как видно, победил.

Недавно заходил врач, посмотрел меня, сказал: скоро на выписку.

Сестра объяснила, что после тифа комиссия всем дает месячный отпуск. Вот бы славно. Поехал бы домой, отдохнул

немного. Говоря правду, сил-то осталось совсем чуть-чуть. Едва пишу. И вижу даже плохо, хотя сейчас ясный день.

До чего хочется побывать дома, а по пути заехать в Камышлов, зайти к доброй Прасковье Ионовне, к старым товарищам!

Даже не верится, неужели возможно такое счастье!

Перечитывал дневник. Скупо все-таки записано о поездке домой в августе. Лежу и вспоминаю об этих добрых днях.

1920-й год

Год на побывке

Опять Новый год… На этот раз я встречаю его в госпитале. Выписаться не пришлось. Перед самой комиссией подсек возвратный тиф. Свалил еще на полмесяца.

Возвратный вроде бы легче сыпного. Но жар бывал большой и полное бессилие. Все сознаешь, понимаешь, а двинуть рукой не можешь. Голова и тело в огне. Пытаешься говорить, но язык словно бы сам по себе несет какую-то околесицу. Сосед советует:

— Ты бы помолчал, поспал.

Да разве уснешь!

Год кончился разгромом Колчака, Юденича, Деникина. Прекрасно!

Послезавтра, в среду, пойду на комиссию. По старому стилю это будет 25 декабря — первый день рождества.

Надеюсь на удачу. Мечтаю походить по улице, подышать морозцем, поработать физически.

Уже потерял счет скучным, однообразным дням болезни. Время движется медленно. Ни газет, ни книжек. Почти совсем оторван от живого мира. Единственная радость — в окно глядеть. Там мчат извозчики, ползут обозы, пробегают горожане.

До чего же тянет на улицу. Надоело здесь…

6 марта. Деревня Борисова

Два месяца не раскрывал дневника. Очень ослаб после болезни, трудно было писать. Да сказать правду и отвык постепенно от этого занятия.

Сегодня снова вернулся к нему, просмотрел и решил не вставать до тех пор, пока хоть кратко не опишу все, что произошло со мной за последнее время.

6 января выписали из госпиталя и предоставили два месяца отпуска для восстановления здоровья.

Через два дня выехал из Тюмени и еще через сутки, т. е. 10 января, вылез из вагона на станции Колчедан (в 17 верстах от Борисовой). Ни в Тугулыме, ни в Камышлове не останавливался.

Попутчиков не оказалось. Закинул за плечи мешок и отправился в Борисову.

Пришел еще засветло. Наш дом был пуст. Семья переехала в Екатеринбург. Там отец работает в губернском отделе здравоохранения.

Направился к бабушке Анне. Она встретила меня с

распростертыми объятиями и, конечно, со слезами. Сколько раз ей, бедной, пришлось провожать меня! Сколько она переволновалась из-за меня, когда я был в боях или лежал в тифу!

Я у нее любимый внук, и мне она так же дорога, как и мать.

Из всех сыновей у бабушки дома только Митрофан. Ему еще нет семнадцати. Дядя Сережа ушел в Красную Армию мстить белым за избиение и муки в колчаковской тюрьме.

Неделю, не меньше, я отъедался и отсыпался. Целыми днями лежал на полатях. Потом началась моя обычная жизнь — партийная ячейка, сельсовет, волисполком, школа, библиотека, Народный дом…

Свободное время проводил со сверстниками. Не все из них дома. Одни не вернулись из белой армии, другие ушли в Красную. А некоторые уже никогда не вернутся. На Южном фронте убиты белыми мои хорошие друзья Иван и Матвей Голиковы.

Деревня, чем может, помогает Советской власти и Красной Армии: людьми, продовольствием, обозом и многим другим. Однако кулаки, подкулачники, церковники, укрывшиеся белобандиты, вроде Гришки Грехова и Гришки Козлова, норовят подорвать эту помощь. Сельским коммунистам и активу нелегко приходится.

С первых же дней моего пребывания здесь в бабушкиной избе стали собираться соседи-однодеревенцы. Говорили о новостях, о хлебе, о земле, о подготовке к весенним работам в поле.

Богатеи не хотят отдавать хлеб, особенно пшеницу, не хотят возвращать землю, которую они всеми правдами и неправдами захватили у бедных при Колчаке и еще раньше при царе. А с землей в нашей местности положение давно уже стало тяжелым. В деревнях многие из молодых мужчин не имели никакого душевого надела. Взять для примера хотя бы нашу семью. В ее составе четыре человека мужского пола, и на всех был только один надел, отцовский, размером в полторы десятины, а мы, трое сыновей, оставались «бездушными». Членам же семьи женского пола о земле не приходилось и думать — им не полагалось ничего.

О том, что бывало у нас в старое время из-за нехватки земли, говорит трагедия, случившаяся в семье Лопатиных, наших дальних родственников из села Зырянского. Старик Лопатин умер, и за хозяина дома остался старший из братьев — «большак» Борис. Средний брат Зиновий находился в это время «на действительной» — в солдатах. Но через 4 года он вернулся, женился и захотел вести свое хозяйство самостоятельно.

Потребовал от Бориса выделить ему душевой земельный надел. Борис отказался. Начались ссоры. Характер у Бориса был злой и буйный. К тому же он отличался упрямством: уговорить его никто не мог. И вот однажды при очередной ссоре, возникшей на поле во время пахоты, старший брат выстрелил в упор в грудь Зиновию из заранее припасенного шомпольного ружья, заряженного ржавыми гвоздями. Зиновий был убит наповал.

…Не хотят кулаки оставаться и без батраков. Они мешают наладить совместную обработку земли и предлагают свою «помощь» бедноте, не имеющей ни семян, ни тягла, ни инвентаря. Но бедноту сейчас не проведешь, не одурачишь. Ей понятно, что кулацкая «помощь» сулит кабалу. Бедные мужики и большинство середняков поддерживают партийную ячейку. В этом я убедился еще в августе, когда заезжал домой.

Своей рассудительностью и настойчивостью особенно мне нравится сосед Филипп Иванович Заусаев, бедняк из бедняков. Он старше меня на пять лет. Зрение у него слабое, едва-едва видит. Из-за этого не приняли в школу. Но Филипп Иванович помаленьку сам выучил буквы и сейчас читает политические книжки, набранные крупным шрифтом.

Он, ей-богу, смелее и решительнее некоторых наших коммунистов, таких, например, как Алексей Матвеевич Погадаев.

Но истинной грозой для кулачья является Гавриил Григорьевич Голиков, избранный председателем Борисовского сельсовета. Летом 1918 года в каменской белогвардейской дружине его сильно избивали, пытали, сломали ногу.

Гавриилу Григорьевичу хорошо помогает Матвей Савельевич Пиньженин. Тоже коммунист, тоже сидел в белогвардейской тюрьме. Пиньженин, как и Гавриил Григорьевич, из маломощных середняков. Оба они побывали на фронте, оба были унтер-офицерами, у обоих — «Георгии».

Такой же путь прошел и председатель волисполкома Федор Степанович Лобанов.

В партийной ячейке сейчас уже больше 30 человек. Ячейка занимает бывший церковный дом, в котором раньше жил дьякон зырянской церкви Поляков.

Интересно, что иные пытаются спешно перекраситься в коммунистов. Жена урядника Байнова усиленно просит принять ее в партию. Дьяконица Полякова посещает сельсовет, ходит с разными вопросами в ячейку, ораторствует в сборне.

Но все равно нет им веры.

Зато как скромно ведут себя те интеллигентные люди, которые всю жизнь честно служат народу, — учительницы Лидия Алексеевна Сапожникова, ее сестра Мария Алексеевна, Елена

Васильевна Пеутина, Екатерина Яковлевна Могутина, Вера Павловна Устюжанина.

Я частенько заходил в школу. В комнатах полно учеников. Занятия не прерываются. Учителя довольны: дров хватает.

Лидия Алексеевна — давняя любительница драматических и музыкальных кружков. Помню, когда еще только начал учиться, она и нас, малышей, пристрастила к этому. Ведется эта работа и сейчас, так что я почти каждый вечер ходил в Зырянку на репетиции.

Лидия Алексеевна у нас и режиссер, и гример, и главная актриса. Ей помогает Вася Зеленин, который теперь учится на настоящего артиста. Начали мы с «Хирургии» Чехова, потом перешли к «Каширской старине» Аверкиева. Я играл одну из главных ролей — Василия.

Первая постановка прошла очень удачно. После этого мы выступали с «Каширской стариной» во всех больших селениях нашей волости, а потом и в соседних волостях — Катайской и Колчеданской. Везде нам хлопали, звали приезжать еще.

Я очень увлекся драматическим кружком. И не потому, что у меня к этому способности. Мне просто понравилась молоденькая учительница зырянской школы Мария Киприяновна Кузнецова. Она тоже участвовала в драмкружке, выступала в «Каширской старине» в главной женской роли — Марьицы. Такой, как она, я всегда представлял себе настоящую русскую девушку: голубоглазая, розовощекая, с большими светлыми косами, с правильными чертами лица, крепкая физически, характер сильный, самостоятельный.

В свободное время мы с ней читали, болтали, гуляли подолгу, несмотря на сильный мороз. Иногда беседовали о будущем, думали о том, как сложатся наши отношения. И как-то так само собою получилось, что за время отпуска я не написал в Тугулым ни одного письма…

Во второй половине января в волость прибыл небольшой продовольственный отряд. Всей партийной ячейкой мы помогали ему собирать излишки хлеба.

Я вместе с борисовскими коммунистами должен был отбирать спрятанный кулакам и хлеб в самой Борисовой, в Верхних Ключиках и в Даньковской.

Зимой, когда всюду лежит толстый слой снега, нелегко отыскать запрятанное зерно. Однако нам помогали бедняки и батраки. Мы обнаруживали хлеб не только в сараях, пригонах, конюшнях и хлевах, но и под открытым небом, по гумнам, в навозных кучах, под ометами соломы, под заготовленными для построек бревнами.

Особенно сопротивлялось кулачье в Верхних Ключиках. Даже грозилось убийствами. Село это стоит на отшибе. Влияние нашей ячейки и волисполкома там слабое. Агитационная и просветительная работа ведется плохо. А кулаков в селе много и времени они не теряют. Им еще помогают «слуги господни»: церковь всячески подогревала недовольство в отношении продотряда.

Две недели пробыл этот отряд в нашей волости. Задачу свою выполнил и уехал обратно в Камышлов.

Недавно борисовская партячейка совместно с волисполкомом провела волостную крестьянскую конференцию. На повестке дня стояли два вопроса: текущий момент и подготовка к севу. Делегаты выбирались на общих сельских собраниях по деревням. Конференция проходила в помещении Зырянского Народного дома, построенном в старое время под кредитное товарищество.

Мы думали, что конференция закончится в первый же день, но вышло по-другому. Только поздним вечером второго дня завершилась ее работа. Было много выступавших, и попадались такие, которые прямо с трибуны хотели повернуть конференцию против задач Советской власти, особенно когда речь шла о севе.

Временами настроение накалялось до предела. Явных кулаков и белогвардейцев среди делегатов как будто и не было, но их влияние чувствовалось. С «рассудительными» речами выступал, к примеру, наш борисовский Филимон Сергеевич Козлов. Он в 1918 году был «левым» эсером, а брат его Гришка служил в белой банде, которая арестовывала и избивала насмерть коммунистов.

В конце концов после напряженной политической борьбы мы все же сплотили бедноту и большинство середняков под лозунгами РКП (б). Враги остались в одиночестве.

Мне раза три пришлось выступать на конференции.

Мы настолько ожесточились против врагов Советской власти, что однажды чуть было не сбились на самоуправство: хотели учинить недолгий суд над зырянским попом, который прежде помогал Колчаку, а теперь на всех перекрестках кричит против Советской власти.

Но в последнюю минуту удержались. Поняли, что этим можно вызвать недовольство крестьян. А главное — кто-то вовремя подсказал, что для определения вины и ответственности человека существует советский закон и нарушать его коммунистам негоже.

После этого отвели мы попа в Каменский завод и сдали районным властям. Однако оттуда он скоро вернулся.

Вообще, надо сказать, попы на каждом шагу нам норовят помешать. Иногда открыто, иногда тихой сапой.

Коммунисты развернули антирелигиозную пропаганду. Молодежь прислушивается к нашим словам, поддерживает, а пожилые либо отмалчиваются, либо спорят.

Плохо, что совсем нет книжек антирелигиозного содержания.

Партийная ячейка все растет. Один из ее членов, Григорий Иванович Хмыльнин, только что вернулся по болезни из полка «Красных орлов». В этот полк он вступил еще в июле 1918 года, когда в нашу волость ворвалась белая банда. Интересный человек: очень разумный, рассудительный, справедливый, строгий к себе, начитанный. В партии с 1918 года. А по виду похож на старовера: носит огромную окладистую бороду.

Собрания партийной ячейки проводятся часто. Разбираем самые боевые вопросы нашей жизни. Решаем в общем-то дружно. Одна запинка — некоторые товарищи не могут устоять перед самогонкой (варят ее по деревням все больше и больше).

Председатель ячейки характером не очень тверд и, если угощают, не отказывается. Потом, правда, винится, признает свою ошибку. Но через некоторое время история повторяется.

Как сильно выпивки подрывают наш авторитет! А кулакам это на руку.

И еще плохо, что в семьях некоторых коммунистов даже молодежью соблюдаются религиозные обряды. Сейчас у нас время свадеб, и все венчаются в церкви. Борьба с этим по-настоящему не ведется.

За время моей побывки прошли крещенские праздники и масленица. Прошли шумно, весело. Как и в других деревнях, у нас устроили игрище. Сняли вскладчину одну избу, и она перешла в полное владение «холостяжников». С утра до позднего вечера веселилась там молодежь. Пели под гармошку залихватские частушки, плясали «русского», «барыню». Все вокруг было покрыто шелухой от семечек и окурками. Дым стоял коромыслом.

Щутка сказать, в маленькой избенке чуть не полсотни парней и девушек. Как только пол выдержал!

К вечеру некоторые парии напивались. Начинались ругань, драки. У меня вся радость пропадала. Да и многим это не по душе. Мы старались вышвырнуть драчунов с игрища. Чаще всего это удавалось. Но иногда хулиганы одерживали верх. У них особенно отличаются Гришка и Титко Голиковы, которые при Колчаке притесняли семьи арестованных коммунистов.

Игрища устраивались главным образом в крещенский праздник. А на масленицу гуляли на улицах, гоняли на лошадях, катались с ледяных гор-катушек на санках. На нашей катушке в конце деревни, за логом, спуск тянется на полверсты.

В Зырянском, кроме игрищ и катушки, построили еще и «крепость». Поставили два столба высотою сажени в полторы — две, на них перекладина, на перекладине по одному вывешиваются женские платки.

Надо верхом, на полном ходу сорвать платок и ускакать с ним. Это не так-то просто. Смельчака хватают, стараются стащить с коня, забрасывают снежками. Тут только держись. А сбросят с коня, разденут и «моют», т. е. валяют в снегу и набивают снегом исподнее.

У нас в Борисовой тоже очень любят «мыть». И прежде всего «женатиков» — тех, что обвенчались в эту зиму.

Заводилой в этом деле слесарь Егор Васильевич Козловских. Соберет человек 40–50 и ходит от избы к избе, ищет молодоженов. Никто не спрячется.

На случай, если запрутся где-нибудь, у Егора Васильевича имеется с собой отмычка — любой замок открывает. Извлеченного из-под замка всегда «моют» особенно долго и старательно. Поэтому большинство выходит «мыться» по «доброй» воле…

Темнеет, надо заканчивать.

Через двое суток, 9 марта, выезжаю в Камышлов, в военный комиссариат, на медицинское освидетельствование. Уверен, что признают полностью годным и я вернусь в армию.

Только опасаюсь, что не попаду в свою 51-ю дивизию. Она за последние три месяца ушла далеко в Сибирь и там доколачивает Колчака.

Ну, что ж, пойду, куда назначат. Лишь бы снова в Красную Армию.

От издательства

Сорок лет отделяет нас от дней и событий, которым посвящен дневник молодого красноармейца Ф. Голикова.

В короткие минуты привалов, во время затишья в бою, на ночевке в тесной избе, в комнате Смольного товарищ Голиков неизменно заносил в дневник многое из того, что он видел и испытал.

Это было время, когда в жестоких сражениях мужала и крепла армия рабочих и крестьян, ее бойцы и командиры приобретали воинские качества, необходимые для победы. Бои полка «Красных орлов» и 10-го Московского полка типичны для многих частей только еще создававшейся Красной Армии. Трудности, которые выпали на долю этих полков, связаны с общим положением молодой Советской республики, окруженной со всех сторон врагами. О боевых трудностях, о трудностях роста в книге говорится прямо, откровенно, с несгибаемой верой в их преодоление. Эта убежденность в правоте и победоносной силе социалистической революции буквально пронизывает страницы дневника.

Красноармейцу Ф. Голикову и его однополчанам пришлось участвовать в боях, в которых противник имел превосходство в численном составе, вооружении, боеприпасах. Голодные, измученные длительными боями и переходами, красные бойцы бесстрашно боролись с врагом и добывали победу.

В дневнике говорится о цене победы, называются имена погибших товарищей. Быть, как они, следовать примеру героев, жить, а если потребуется, умереть ради счастья народа — вот заветная мечта, которую доверяет юный красноармеец своему дневнику.

От страницы к странице автор становится более зрелым, к нему приходит жизненный и политический опыт. Мы знакомимся с гимназистом, под влиянием отца и происходящих вокруг событий вступающим в Коммунистическую партию. А закрывая дневник, расстаемся с политработником, знающим силу правдивого большевистского слова. Ф. Голиков становится агитатором, председателем полкового партийного коллектива, инструктором политотдела, он участвует в работе по установлению Советской власти в деревнях и селах, освобождаемых от Колчака.

Записи дневника позволяют нам еще раз увидеть, в чем был источник силы Красной Армии, что оказывало решающее влияние на бойцов и вело их к победе. Страстно, взволнованно говорит

молодой красноармеец о партии коммунистов, о ее закаленных, прошедших через тюрьмы и ссылки кадрах, о ее вождях. Ф. Голикову посчастливилось видеть и слышать Владимира Ильича Ленина.

Множеством примеров из жизни и боевой деятельности полков и бригад подтверждена мысль о большевистской партии как организаторе и воспитателе Красной Армии, вдохновителе ее славных побед.

Наиболее обстоятельно, с любовью и увлечением рассказывается о прославленном полке «Красных орлов», его людях, боях, традициях. В октябре 1918 года этот полк одним из первых в нашей Армии удостоился почетной награды ВЦИК РСФСР — революционного Красного Знамени.

В июле 1958 года в город Катайск съехались ветераны, чтобы отметить 40-летие полка «Красных орлов». Собралось около 150 человек. О многом вспомнили они при этой встрече. В частности, была восстановлена полная картина боя в Кривском! Некоторые подробности ее не могли быть в свое время известны Ф. Голикову.

Так, оказывается, боец местной дружины Иван Мельников решил предупредить передовые посты о приближении врага. Он помчался на коне в деревню Потанину, но был в пути убит белочехами.

В этом же бою был ранен и захвачен врагами командир отряда товарищ Кучмей. Пули настигли лошадей, запряженных в повозку командира. Кулаки и белочехи жестоко расправились с товарищем Кучмеем и другими пленными. Особенно неистовствовал местный торговец Матвей Захаров. Он стаскивал с красноармейцев сапоги, конфискованные накануне в его лавке, и зверски избивал ими захваченных в плен.

В селе Кривском погибли также два венгра из интернационального отряда.

Ветераны полка «Красных орлов» вспомнили своих боевых товарищей — венгров и китайцев, которые плечом к плечу с русскими братьями дрались за власть Советов.

На своей встрече в Катайске старые бойцы решили совместными усилиями создать историю героического полка «Красных орлов», прославившегося в боях за власть Советов. Традиции «Красных орлов», о которых рассказывается в дневнике и о которых немало говорилось на торжественной встрече в Катайске, относятся к числу лучших традиций нашей Советской Армии. Одна из них — интернациональная дружба с трудящимися всех стран, особенно с великим китайским народом.

Многие из тех, чьи имена встречаем мы на страницах

дневника, целиком посвятили свою жизнь воинской службе. В 1952 году умер генерал-майор Ослоповский, бывший командир полка «Красных орлов». Всего лишь десяти дней не дожил до сороковой годовщины полка его последний военком товарищ Тарских.

Однажды Ф. Голиков записал в дневнике о начальнике пулеметной команды товарище Ринке: «Надеюсь, и он когда-нибудь придет в ячейку». Сбылась эта надежда. Товарищ Ринк стал коммунистом, долгие годы он находился на ответственной военной к военно-дипломатической работе.

Немалый вклад в дело укрепления первых полков Красной Армии внесли талантливые командиры и пламенные политработники, с которыми познакомились мы, читая дневник. Это товарищи Подпорин, Акулов, Кобяков, Швельнис, Фомин, Васильев, Юдин, Ковригин, Басаргин, Мулин, Цеховский и другие.

Автор дневника Ф. И. Голиков проделал путь от красноармейца и агитатора пулеметной команды до члена Военного совета округа, от командира полка до командующего фронтом и начальника военной академии. В настоящее время генерал-полковник Ф. И. Голиков является Начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

По-разному сложились судьбы тех, кто, взяв в 1918 году винтовку, пошел защищать завоевания Октября. Не всем довелось дожить до победы. В мирное время одни продолжали армейскую службу, другие вернулись в свои города и села, чтобы созидательным трудом крепить мощь Республики Советов.

Но где бы ни были эти люди, для которых рубежом вступления в жизнь послужила Октябрьская революция, они оставались неизменно верны великому делу коммунизма. Дневник Ф. И. Голикова с документальной подлинностью рассказывает об истоках этой верности.

notes

Примечания

1

Сборня — от слова сбор, сбираться, собираться. Помещение для сельских сходок (собраний) и место работы сельского старосты (в старое время), а теперь сельского Совета. Располагается обычно в центре села, деревни. — *Авт.*

2

Северная Коммуна (или Союз коммун северной области) организовалась в марте 1918 года. Территориально охватывала Петроградскую, Новгородскую, Псковскую, Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии. Имела свой ЦИК и Совет Комиссаров, которые руководили работой губернских советов. Существовала до 24 февраля 1919 года.

3

Таврический дворец.

4

Ниже следует подклеенная в дневник вырезка из газеты. — *Авт.*

5

Сода.

Борная кислота. (*OCR:* По правде сказать, названия лекарств в тексте не распознались, поэтому подставлены подходящие по написанию на латыни)

7

Эта запись сделана при высокой температуре, в состоянии, близком к бреду. Строчки налезают одна на другую. Некоторые из них невозможно разобрать. — *Авт.*